

Д. І. ЯВОРНИЦЬКИЙ

ЗАПОРОЖЖЯ

В ЗАЛІШКАХ СТАРОВИНИ
І
ПЕРЕКАЗАХ НАРОДУ

ЧАСТИНА I



Д. І. ЯВОРНИЦЬКИЙ

ЗАПОРОЖЖЯ
В ЗАЛІШКАХ СТАРОВИНИ
†
ПЕРЕКАЗАХ НАРОДУ

Видання третє, виправлене і доповнене

Частина I



Дніпропетровськ
АРТ-ПРЕС
2005

Текст друкується за виданням: «Заворницький Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа». — С.-Петербург. Издание А. Ф. Пантелеева, 1888. (Типография Н. А. Лебедева, Невский просп., д. № 8).

Я 22 Яворницький Д. І.
Запорожжя в залишках старовини і переказах народу / Підготовка тексту і наук.-довід, апарату С. В. Абросимової, Н. Є. Василенко; За заг. ред. Н. І. Капустіної. — З-те вид., випр. і доп. — Д.: АРТ-ПРЕС, 2005. — Ч. I. — 312 с. + вкл.

ISBN 966-348-040-8
ISBN 966-348-041-6 (загальний)

«Запорожье в остатках старины и преданиях народа» — первая великая монография выдающегося украинского историка, археолога, фольклориста, этнографа, лексикографа, музееведа и культурно-гражданского деятеля академика Дмитрия Ивановича Яворницкого (1855–1940). Новаторская для своего времени, народоизучавчая (историко-фольклорно-этнографическая) за характером, ця книга яскраво демонструє широчину наукових зацікавлень автора, особливості його творчої лабораторії, велику любов до рідної України, її минулого, передусім до історії запорозького козацтва. Книга друкується мовою авторського оригіналу, з авторськими поправками, за автентичним текстом, що його підготував Д. І. Яворницький для другого видання. Цей оригінальний текст зберігався в колекції дніпропетровського бібліофіла професора А. К. Фоменка, який подарував його Дніпропетровському історичному музею ім. Д. І. Яворницького.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)46
ISBN 966-348-040-8
ISBN 966-348-041-6 (загальний)

© Дніпропетровський історичний музей ім. Д. І. Яворницького, 2005

ПЕРША МОНОГРАФІЯ Д. ЯВОРНИЦЬКОГО

Книга «Запорожье в остатках старины и преданиях народа» — первая великая монография выдающегося украинского историка, выдающегося исследователя истории запорожского казачества академика Дмитрия Ивановича Яворницкого (1855–1940).

Народився Д. Яворницкий 7 листопада (26 жовтня за ст. ст.) в селі Сонцевка Харківського пов. Харківської губ. у священій родині¹. Проте батько историка, Іван Якимович Яворницький, походив із збіднілого дворянського роду. Мати, Ганна Матвіївна Терновська, була простою селянкою. Незважаючи на матеріальні нестачки, батько мріяв бачити сина освіченою людиною. Вечорами, особливо взимку, Іван Якимович по складах читав дітям книжки. Саме батьківське читання безсмертного твору М. Гоголя «Гарас Бульба» «запалило» в душі хлопчика велику незгасиму любов до історії запорозького казачества, дослідженням якої він присвятив своє життя. Після закінчення Харківського повітового училища і трьохрічного навчання в Харківській духовній семінарії, яку він залишив, Д. Яворницький вступив у 1877 р. на історико-філологічний факультет Харківського університету.

За порадою своїх університетських вчителів, видатних вчених О. Потебні та М. Сумцова Д. Яворницький розпочав, під час канікул, записувати народні пісні в рідному селі. Сам Дмитро Іванович був музично обдарованою людиною (мав чудовий слух і голос). Слівучого була і його родина й взагалі все село — мальовничі Сонцевка. Велика жажа до знань, допитливість, здібності до науково-дослідної роботи не залишилися поза увагою університетських вчителів. По закінченні у 1881 р. університету Д. Яворницький був залишений позаштатним стипендіатом для підготовки до професорського звання. За 1881–1882 рр. він підготував дослідження «Виникнення і устрій Запорозького козацтва», над яким працював ще в студентські роки й за яке його було позбавлено стипендії. Тема вважалася крамольною, тому керівництво радило вченому-початківцю обрати іншу. Проте Дмитро Іванович не відмовився від обраної теми, бо, як писав він другу Я. Новицькому, керувався єдиним — «знати правду про запорожців і ту правду світові оголосити».

Обрана Д. Яворницьким тема дослідження не випадково вважалася крамольною, бо Запорозька Січ уособлювала вольнолюбні іде-

али українського народу. З цією демократичною республіканською народом завжди пов'язував ідеї незалежної держави, боротьби за національне визволення.

Важким був шлях Д. Яворницького-вченого й треба відлати належне мужньому досліднику-патріоту, який витримав усі адміністративні утихи, поліційні переслідування, матеріальні нестачки й налагодливо продовжував дослідження обраної теми, розуміючи, що його праця має не тільки наукове значення, але й громадське. У цьому його підтримувало й свідоме українське спітковариство.

Окрім наукового ступіння, молодий учений розпочав активне пропагування історії запорозького козацтва серед широкого громадського загалу. 1883 р. у Харкові він виступив з циклом лекцій «Про запорозьких козаків». Лекції мали великий успіх й були надруковані в катеринославській газеті «Дніпро». Ученого почали запрошувати з лекціями в інші міста. Він включився в культурно-громадське життя України. Все це не залишилося поза увагою «власть придержала».

Обвинувачений в українофільстві й сепаратизмі, Д. Яворницький змушенний був покинути у 1885 р. Харків і, за допомогою друзів, переїхати до Петербурга, де продовжив плідну працю й видав 7 монографій, написав багато статей, а кожного літа проводив комплексні дослідження в Україні. У петербурзький період побачили світ такі великі монографії вченого, як-от: «Запорожье в остатках старины и преданиях народа», «Сборник материалов для истории запорожских козаков» (1888), «Очерки по истории запорожских козаков» (1889), «Публичные лекции по археологии России», «Больности запорожских козаков» (1890), «История села Фалеевки-Садовой» (1892) й наприпі 1-й том його фундаментальної праці: «История запорожских козаков» (1892).

По завваженню за «велику пристрасть» до історії України, з наказу міністра народної освіти І. Делянова, права викладицької роботи, учений три роки (1892 - 1895) перебував у відрядженні в Середній Азії (Ташкент, Самарканд), де на посаді чиновника з особливих доручень досліджував історію місцевого краю, писав 2-й і 3-й томи «Істории запорожских козаков» (СПб., 1895; 1897), книгу про кошового Івана Сірка² та інші розвідки. Великих зусиль доклав Д. Яворницький щодо вивчення історії місцевого краю. Саме він стояв біля створення історичного музею в Самаркандині. Окрім того йому насле-

жать й написання першого путівника по Середній Азії (1893), за який вчений був нагороджений орденом Станіслава (1893) та орденом Бухарської Золотої Зірки (1894).

По закінченні відрядження (1895) Д. Яворницький працював чиновником з особливих доручень при варшавській казенній палаті й одночасно склав магістерські іспити у Варшавському університеті (1895-1896), після чого, за сприянням видатного російського історика, професора В. Ключевського вілантувався приват-доцентом на історико-філологічному факультеті Московського університету. У 1901 р. в Казанському університеті Д. Яворницький захистив магістерську дисертацію. У 1903 р. вчений видав тематичну монументальну двохтомну збірку документів «Источники для истории запорожских козаков».

Як відомий історик і археолог, великий знавець історії Придніпров'я, Дмитро Іванович у 1902 р. був запрошений очолити щойно відкритий в Катеринославі музей ім. О. Поля (фактично це було відродження музею, створеного ще у 1849 р.). Переїзд Д. Яворницького до Катеринослава був прискорений підготовкою до XIII археологічного з'їзду, що відбувся в серпні 1905 р. саме в цьому великому промисловому місті на півдні України.

З цього часу й до кінця життя вчений мешкав у Катеринославі. Тут активізувалася й літературна творчість Д. Яворницького. Маніфест 17 жовтня 1905 р. послабив тиск на українське друковане слово, й зразу ж розпочалося видання книжок і часописів рідною мовою. Саме в Катеринославі побачили світ україномовні художні твори Д. Яворницького, передусім 2-е видання повісті «Наша доля – божа воля» (1905), автобіографічний роман «За чужий гріх» (1907), збірка поезій «Вечірні зорі» (1910), збірка оповідань «Поміж панами» (1911) та ін. Значною полією у творчому житті вченого була публікація фольклорної збірки «Малороссийские народные песни, собранные в 1878–1905 гг.» (Катеринослав, 1906).

У Катеринославі був «останній курінь» запорозького батька. Тут він зустрів й пережив усі революції й перевороти, громадянську війну, рятував музейні скарби від пограбування і знищення. З поваленням парату вже літній вчений поринув у роботу з відродженням української культури і мови, охорони пам'яток, читав лекції на курсах українознавства, працював у відродженні «Просвіти» тощо.

За радянських часів Д. Яворницький очолював місцеве Наукове товариство і відліення пам'яткоохоронної служби, завідував губархом, викладав у Катеринославському університеті (з 1918 р. – професор цього університету), завідував науково-дослідного кафедрою, продовжував збирати лексичний та фольклорний матеріал, розшукував запорозькі старожитності, поповнив (до 85 тисяч одиниць) музейне зібрання унікальними пам'ятками. Частина зібраного Д. Яворницьким матеріалу була видана: «Словник української мови» (Катеринослав, 1920. Т. 1), «До історії Степової України» (Дніпропетровськ, 1929).

У 1927–1932 рр. вчений очолював комплексну науково-дослідну експедицію на Дніпробуді. Історію реліктових Дніпрових порогів, що їх поглинули дніпрові води внаслідок будівництва греблі, Дмитро Іванович «закарбував» у книзі «Дніпрові пороги» (Харків, 1928).

Внесок Д. Яворницького у розвиток вітчизняної науки здобув високої оцінки. У 1924 р. вчений був обраний членом-кореспондентом Української академії наук, а у 1929 р. – лійсним членом АН УРСР. У 1937 р. академіку Д. Яворницькому було присуджено вченій ступінь доктора історичних наук.

Проте, як й за царських часів, так і за радянських, під час репресій проти української інтелігенції, що розпочалися наприкінці 1920-х рр., Д. Яворницький опинився під присікливиим оком системи; за літнім академіком стежили, писали доноси, а у серпні 1933 р. його, як «буржуазного націоналіста» і «організатора контрреволюційного підпілля», вигнали з музею, що був для вченого сенсом життя. Тяжко переживав цю несправедливість Дмитро Іванович, тривалий час хворів. Й тільки творча робота, підтримка рідних і друзів допомогли вченому подолати незгоди. До останніх днів працював він над запорозьким фольклором і словником української мови; до останнього отримувався свого девіза: «Працій доти, доки б'ється серце!»

Життя Д. Яворницького перервалося 5 серпня 1940 р. Його ім'я було присвоєно Дніпропетровському історичному музею, біля стін якого покіться прах вченого і зведеній (1995 р.) пам'ятник видатному вченому-подвижнику і великому українському патріотові.

«Нестор» Запорозької Січі, «енциклопедист козаччини», Д. Яворницький відзначався широтою творчих зацікавлень. Науковий додбік вченого містить понад 200 праць з історії, археології, етнографії, фольклористики, лексикографії, археографії, спеціальних

історичних дисциплін, архівної справи та музезнавства. Він зібрав близько 60 тисяч слів для словника української мови, записав більше 3 тисяч українських народних пісень, дослідив більше 1000 археологічних об'єктів. Окрім того, Д. Яворницький – автор художніх творів: прозових і поетичних. Багато зусиль доклав вчений у розшук та охорону національних скарбів українського народу, передусім запорозьких реліквій. «Безсмертною славою» Д. Яворницького вважається Дніпропетровський історичний музей, який має його ім'я. Пональ 30 років (1902 - 1933) очолював Дмитро Іванович цей музей і перетворив його на спрощено скарбницю пам'яток української історії та культури, просвітницький і дослідницький центр з історії запорозького козацтва й взагалі історії Південної України.

Д. Яворницький був не тільки талановитим дослідником, але й активним популяризатором історичних знань серед широкого громадського загалу. Неперевершений знавець історії козаччини, оповідач від Бога, Дмитро Іванович за своє життя прочитав безліч публічних лекцій по містах та селах України й Росії. Це були лекції з історії та археології України, запорозького козацтва, про українських кобзарів, бандурістів та лірників, які вчений читав під супровід кобзарських співів. Розповідження історичних знань про Україну та її славетних лицарів – запорозьких козаків – Д. Яворницький здійснював також шляхом викладання в навчальних закладах України та Росії, зокрема в гімназіях та пансионах Харкова, Петербурга, Москви, Катеринослава, у Московському та Катеринославському університетах.

Д. Яворницький був вченим-патріотом, що вболівав за долю рідної країни та її пригноблений народ. Вчений завжди поєднав активну громадянську позицію, брав участь у національних змаганнях і різних починах за збереження рідної мови і культури, підтримував, у тому числі й матеріально, видання українських газет, журналів, збірників, святкування ювілей українських діячів, спорудження пам'ятників Т. Шевченкові та І. Котляревському, боровся з цензурою за скасування закону про заборону друкування українською мовою. Д. Яворницький був одним з найактивніших діячів просвітінського руху в Україні, лідером катеринославської «Просвіти», співпрацював з «Просвітами» інших міст України, багато прочитав лекції у цих товариствах і друкувався в їх виданнях.

Енергійна, відкрита, комунікабельна натура Д. Яворницького сприяла встановленню широких творчих і дружніх стосунків вченого з багатьма лілячами України та інших країн. Серед його друзів та знайомих були видатні вчені й культурно-громадські діячі: В. Антонович, Д. Багалій, П. Балицький, В. Більов, К. Білловський, М. Богословський, В. Гліяровський, С. Васильківський, М. Вороний, Б. Грінченко, М. Грушевський, Д. Аорошенко, П. Ефремов, І. Забєлін, М. Заньковецька, Д. Іловайський, В. Ключевський, М. Ковалевський, О. Кониський, М. Костомаров, М. Коцюбинський, В. Кравченко, А. Кримський, М. Кропивницький, Леся Українка, М. Лисенко, М. Рильський, М. Міхновський, Д. Мордовець (Мордовцев), Олена Пчілка, Остап Вишня, О. Потебня, І. Репін, О. Русов, П. Сакаганський, М. Самокиш, О. Сластьон, М. Старицький, А. Старицька-Черняхівська, П. Стебницький, М. Сумцов, Є. Чикаленко, О. Шахматов, Я. Щоголев та багато інших.

Чуйна, доброзичлива людина, Д. Яворницький багатьом допомагав, завжди підтримував морально й матеріально усіх, хто звертався до нього за допомогою. Він надавав наукові консультації, надсилав книжки; маючи впливових друзів, багатьом допоміг влаштовуватися на ту чи іншу посаду, вступити до навчальної закладу тощо. Багатьох залучив Д. Яворницький до вивчення історії рілного краю, до розшуку і зберігання історичного минулого. Велику роль у пробудженні історичної пам'ті українського народу, піднесення його національної самосвідомості відіграли й зараз відіграють книги Д. Яворницького і музеї, створений його подвійницькою й натхненою працею.

В історії України Дмитро Яворницький назавжди ввійшов як видатний дослідник історії запорозького козацтва, Нестор Запорозької Січі, енциклопедист козаччини, неперевершений збирач запорозьких і взагалі історичних пам'яток, великий працівник на ниві рілної культури.

* * *

Появі першої великій монографії Д. Яворницького «Запорожье в остатках старины и преданиях народа» передувала серія статей у періодичних виданнях Харкова, Катеринослава, Києва, Петербурга і Новочеркаська, передусім у першому українському історичному часописі «Киевская старина»³. Ідея створення цієї книги виникла у Д. Яворницького ще в 1883 р. Й здобула умовної назви «Поездка на

запорожские пепелища». Приступаючи до вивчення історії запорозького козацтва, Д. Яворницький застосував комплексний підхід, керуючись настановами своїх університетських вчителів і порадою М. Костомарова, «обходіть усю запорозьку крайну», «заригтись в архівний матеріал», «придивитись до всього козацького добра, яке зібране в різних музеях», «не проминути і тих козацьких дум та історичних пісень, які збереглися в головах старих людей, а найшаче у сліпих бандуристів та кобзарів»⁴. Okрім того, як зазначив професор М. Ковалський, Д. Яворницький намагався реконструювати історію запорозького козацтва шляхом звернення до середовища козаків, майже в тотожному ареалі їхнього проживання, з врахуванням автентичних природних, кліматичних умов та топонімів.

На основі цього, Д. Яворницький вирішив, насамперед, вивчити топографію природного ареалу, в якому існувало запорозьке козацтво. Для цього він здійснив безпосередні спостереження, вимірювання і фотографування географічних об'єктів, складання карт і планів. Необхідно було дослідити досить великий природний ареал, тому вчений залучив до своїх дослідів місцевих шанувальників старовини, більшість з яких були нападками запорозьких козаків і не тільки добре зналися в топографії ріднокраю та етимології топонімів, які були безпосередніми хранителями історичного фольклору і запорозьких реалій.

Велику допомогу в збиранні матеріалів для книги «Запорожье...» надав Д. Яворницькому дослідник з Олександрівська (сучасне Запоріжжя) Яків Павлович Новицький (1847–1925) – великий знавець топографії та історії Запорожжя, збирач козацького фольклору тощо⁵. Разом з Я. Новицьким Дмитро Іванович подорожував землями колишнього Запорожжя. Звертався дослідник за допомогою й до викладача катеринославської семінарії Г. Маркевича та катеринославського етнографа Г. Залюбовського (1836–1898), який обіняв йому свої «Мандрівні нотатки». Значну допомогу в збиранні інформації для книги надали дослідники: відомий катеринославський меценат, колекціонер, краєзнавець Олександр Миколайович Поль (1832–1890), катеринославський поміщик і колекціонер Г. Алексеев, бериславські землевласники і велики шанувальники старовини М. Огарков та І. Блажков, М. Комстадіус, А. Миклашевський, А. Кацрова, далекий родич вченого Ф. Міхеєв, відомий колекціонер і ме-

ценат з Чернігівщини В. Тарновський, управлючий маєтком В. Силягін, священик Т. Чевяга та ін.

Особливо складним у дослідженнях топографії Запорожжя, вченій вважав питання, що стосувалося дніпрових забор та островів. Щоб уникнути помилок, Дмитро Іванович неодноразово подорожував по Дніпру. Так, влітку 1884 р. він проплив на човні усі пороги, від першого до останнього. Треба відзначити, що така подорож Дніпровими порогами була небезпечною для життя. Того ж року Д. Яворницький вперше зломав ліву руку. Праця над книгою тривала й у 1885 р. Взимку цього року він наполегливо працював в архівах Москви та Петербурга, де розшукав 500 запорозьких справ. Незважаючи на тяжкий моральний і матеріальний стан, що склався внаслідок обвинувачення Д. Яворницького в «українофільстві й сепаратизмі» і переїзду, у зв'язку з цим, до Петербурга, вченій доклав значних зусиль щодо розшуку коштів на видання книги, її художнє оздоблення тощо.

Спочатку вченій планував друкувати твір частинами в журналі «Київська старина». У 1885 р. в Одесі був надрукований уривок з майбутньої книги під назвою «Переправа через дніпровські пороги»⁶. У цю публікацію вченій, за його словами, «вklав половину своєї душі».

Плідним для Д. Яворницького виявився й 1886 р. У квітні цього року виникла й нова назва майбутньої книги – «Запорожжя». У травні 1886 р. Д. Яворницький, спільно з художниками і фотографами О. Сластьоном, Ф. Бондаренком та О. Іваницьким, здійснив масштабну подорож до Запорожжя, відвідав у Катеринославі відомого підприємця, мецената, краснавця і колекціонера О. Поля, ознайомився з унікальним музеєм останнього. Дослідницька експедиція Д. Яворницького в Південну Україну тривала до кінця літа 1886 р. «Ну і наїздився ж, хлопче, я за це літо! – писав учений Я. Новицькому. – Досхочу! [...] Матеріалу набрав велику кількість, топографію південно-західного Запорожжя бачу, як на долоні. Багато везу з собою і запорозьких речей»⁷.

Над завершенням монографії «Запорожжя...» учений працював з осені 1886 р. до квітня 1887 р. Багато розділів книги було вже написано раніше. Восени 1887 р. Д. Яворницький планував розпочати друкування книги. Кошти на це обіцяли дати В. Тарновський та Імператорське Археологічне товариство. Але до цього вченій здійс-

нів подорож на Соловецькі острови з метою розшуку матеріалів про перебування в монастирській тюрмі останнього кошового отамана Запорозької Січі Петра Калнишевського, який, після скасування Січі (1775 р.), 25 років був ув'язнений на Соловках, де й помер⁸. Ця подорож відбулася у травні 1887 р. Повернувшись із Соловків, Дмитро Іванович взяв участь в археологічному з'їзді в Ярославлі, а згоди поїхав у Качанівку до В. Тарновського, де оглянув коштовні колекції українських старожитностей. З Качанівки, спільно з В. Тарновським та роличем останнього полковником Є. Корбутом, Дмитро Іванович здійснив чергову подорож Дніпровими порогами. У серпні 1887 р. вченій наполегливо оправдовує здобуті під час подорожей матеріали з тим щоб ввести їх у монографію.

І саме цього часу він був обвинувачений у неблагонадійності й усунутий від служби. Завдяки клопотанню впливових знайомих цього разу вдалося поновитися на роботі й приступити до друкування «Запорожжя».

Видавцем книги виступив Лонгін Федорович Пантелеєв (1840–1919) – просвітник, громадський діяч, член народницької організації «Земля і воля». Друкувалася книга у друкарні М. Лебедєва в Санкт-Петербурзі. Видання коштувало 3000 крб, з яких 1000 крб. дав В. Тарновський, 1000 крб запропонував видавець з правом першого повернення по розпродажу книги, й 1000 крб Д. Яворницький позичив. Складною справою виявилося виготовлення ілюстрацій. Видання містить 57 світлин і фотомалюнків (хоча на титулі зазначено 55) та 7 карт. Деякі малюнки належать І. Рєпіну. Ілюстрації були виготовлені в друкарні Е. Гонпе.

На початку квітня 1888 р. книга «Запорожжя в остатках старины і преданнях народу» була надрукована накладом у 1550 примірників. Проте перша книга Д. Яворницького зазнала цензурних утисків⁹, у зв'язку з тим, що видання містило український текст, хоча і надрукованій російською абеткою. За Валуєвським ширкулем (1863 р.) та Емським указом (1876 р.), у Російській імперії було заборонено друкування «малоросійською мовою». Спочатку книга надійшла до цензурного комітету, який, з перепонами, але пройшла. Проте, у зв'язку з наявністю українського тексту, книгу відправили до Головного управління у справах друку, де було винесено вердикт, що книга написана «з метою піднесення українофільства», і на неї було накладено «арешт». І знову на допомогу прийшли впливові друзі. За спри-

янням В. Тарновського, який звернувся до свого племінника В. Юзефовича (одного з членів Головного управління у справах друку), заборону з книги було знято і вона «пішла» до читача.

Поява книги Д. Яворницького «Запорожье...» стала помітною подією в читацькому співоваристві, про що свідчать відгуки і рецензії в кількох провідних українських та російських часописах, зокрема: «Киевская старина», «Вестник Европы», «Южный край», «Исторический вестник», «Екатеринославские губернские ведомости», «Харьковские губернские ведомости», «Одесские новости».

Наукове співовариство неоднозначно зустріло книгу Д. Яворницького. Проте усі рецензенти відзначили колосальну копітку і нахилену працю, що її доклав автор у дослідження Залорожжя. Високо поцінювали книгу Д. Яворницького О. Пишін, М. Сумцов, І. Франко та інші рецензенти, які підкреслили, що в книзі вільчується галявича, ширя любов автора до рідної старовини, виславлення запорозького козацтва¹⁰. Саме ця надмірна захопленість автора предметом дослідження спричинила, на думку рецензентів, певні перебільшення і некритичне його ставлення до джерела.

Грунтовну, але досить негативну критику надав книзі Д. Яворницького І. Житецький¹¹. Головними недоліками монографії Д. Яворницького І. Житецький вважав безсистемність викладу і некритичне ставлення до джерел, передусім до народних пісень, передказів та оповідань старожилів, що, на думку рецензента, знижує ступінь вірогідності та історичної цінності джерел. І. Житецький підкреслив, що матеріал народної творчості потребує особливо ретельної критичної оцінки, щоб бути визнаним за науково-історичний матеріал. На основі цього, І. Житецький констатував «повну відсутність критичного методу» у Д. Яворницького і піддав сумніву існування усного матеріалу, що його подав автор у книзі¹².

Безумовно, і це вже неодноразово відзначалося в літературі¹³, критика книги «Запорожье...» з боку І. Житецького була занадто суворою. Проте слід відзначити, що з переважною більшістю зауважень І. Житецького Д. Яворницький погодився і згідно з цими зауваженнями зробив виправлення і доповнення, готовчи «Запорожье...» до другого видання. І хоча пізніше, вже після появи критичних рецензій на книгу, Дмитро Іванович підкреслив, що ця книга була написана «не з науковою метою» і «являє собою скоріше щоденник подорожі шанувальника запорозького краю», однак ще до

виходу книги з друку, автор надавав їй статус наукового видання і планував репрезентувати її на захист магістерської дисертації.

На жаль, І. Житецький не зміг оцінити ролі фольклорних і взагалі усних джерел, що були репрезентовані в книзі Д. Яворницького. І не невипадково, бо того часу в історіографії панував суворий позитивізм, чи tota iherarchia джерел, переважає віддавалася архівним документам, передусім актам.

Проте саме підхід Д. Яворницького до джерел виявився новаторським. Він вперше в історіографії здійснив комплексний підхід до вивчення історії запорозького козацтва. Цей же підхід вченій застосував і до формування джерельної бази свого дослідження. Вченій вперше здійснив широкомасштабну евристичну роботу, що складалася з власних археологічних, етнографічних, фольклористичних, топографічних досліджень, вивчення писемних джерел в архівах і бібліотеках, обстеження музеїв і приватних колекцій, аналізу історіографічних джерел (праць попередніх дослідників), вивчення конкретної інформації та джерел за допомогою широкого аматорського загалу. Внаслідок такої багатоаспектної роботи вченому вдалося сформувати унікальну, досить значну за обсягом і різноманітну за типологією, джерельну базу з історії запорозького козацтва. Д. Яворницького можна по праву вважати одним із засновників комплексного джерелознання в Україні, який зробив видатний внесок у створення потужної джерельної бази з історії не тільки запорозького козацтва, але й взагалі історії України XVII - XVIII ст. Вченій поставив речові, усні та зображенальні джерела поряд з писемними. Це ставлення Д. Яворницького до джерел яскраво виявилося саме в його книзі «Запорожье...».

Сам автор вважав «Запорожье...» першою у своєму роді книгою, яка не може замінити «Історію Нової Січі» А. Скальковського, проте обидві ці книги доповнюють одна одну. Як представник романтичної історіографії, Д. Яворницький продовжив ідеалізацію й романтизацію Залорожжя, що розпочав його попередник А. Скальковський¹⁴.

Книга «Запорожье ...» складається з двох частин. Перша частина містить 9 розділів, друга – 8 розділів. Оповідання викладається від першої особи – шанувальника козаччини, що подорожує місцями колишнього Залорожжя – по селах, церквах, монастирях, зустрічається з місцевими старожилами, нацадками запорожців, записує їхні оповідання (передкази), розшукує запорозький одяг,

зброю, побутові та культові речі (залишки старовини).

У книзі подається історія виникнення запорозького козацтва, його існування, організація й устрій Запорозьких Січей, військова історія козацтва, його побут, звичай. Задорожців Д. Яворницький вважав автохтонним українським населенням, «истинними синами Малороссії», «плотъ от плоти и кость от костей её», «лицарями віри Христової», «захисниками православ'я», що звільнили Україну від польського гноблення і турецько-татарської навали. Дослідник піл-кresлив прогресивну роль запорозького козацтва в історії України. Запорозька Січ, за Д. Яворницьким, це «низова вольниця», «демократична держава», де панувало братерство і рівність, повне народоправство. Саме це, піл-кresлив Д. Яворницький, згодом і спричинило скасування Запорожжя російським царем. Значну увагу вчений приділив висвітленню постаті легендарного запорозького кошового отамана Івана Сірка, якого Д. Яворницький характеризує як видатного подководця, «колосальнішу й разом з тим типову особистість славетного запорозького козацтва».

Для висвітлення історії козацтва автор зауважив значний корпус писемних джерел, у переважній більшості вже опублікованих. Це документи з таких серійних видань, як-от: «Акты Южной и Западной России», «Записки Одесского общества истории и древностей», з наративних джерел: літописи С. Величка, Г. Грабинки, Самовидця, записки та історичні трактати чужинців (Михалона Литвина, Е. Лассоти, М. Бельського, Г.-Л. Боплана, С. Герберштейна та ін.). Д. Яворницький багато цитує цих авторів, а також наводить численні фрагменти з творів С. Мишецького, О. Рігельмана, Д. Бантиша-Каменського, М. Костомарова, П. Куліша, Гаврила (Розанова), Феодосія (Макаревського) та ін.

Проте головна увага автора зосереджена на фольклорних та речових пам'ятках. Значними сковищами історичних, передусім речових і зображенняльників, джерел для дослідника історії запорозького козацтва Д. Яворницький вважав церкви і монастири. Вчений ретельно обстежив культові споруди на території колишнього Запорожжя з метою виявлення запорозьких пам'яток. Це стародруки, одяг, посуд, ікони, дрібна культа, пластика тощо. Згодом частина цих пам'яток опинилася, зважаючи Д. Яворницькому, у Катеринославському музеї ім. О. Поля, і у такий спосіб вони були врятовані від знищення під час антиреелігійної вакханалії радянського періоду. З багатьох релік-

вій вченому вдалося зробити світлини чи малюнки. Проте частина пам'яток, про які йдеється в книзі, загинула. Тому ще ціннішою стає монографія Д. Яворницького, в якій автор подав детальний опис кожної виявленої ним пам'ятки, відтворив усі надписи на іконах, хрестах, стародруках, посуді, сволоках та інших речах. Особливо відзначимо опис стародруків, що його презентував Д. Яворницький у «Запорожье...». Цей опис можна вважати, для того часу, взірцем камерального опрацювання такого виду пам'яток. Книга «Запорожье...» являє собою своєрідний «каталог», «охоронну грамоту» на досить репрезентативний корпус українських старожитностей. Своєю монографією Д. Яворницький актуалізував проблему охорони пам'яток в Україні.

Значне місце в книзі посідає фольклорний матеріал, а саме розповіді (у монологічній та діалогічній формах) місцевих старожилів («чудових дідів») про козацькі часи. Цей матеріал, окрім того, що містить інформацію з історії запорозького козацтва, одночасно є неоднієнним джерелом, що висвітлює уявлення української людності XIX ст. про історичне минуле країни, про запорозьке козацтво, описанку історичних подій і окремих діячів того часу. У книзі міститься багато інформації стосовно побуту і занять мешканців великого географічного ареалу, що свого часу був залюднений козацтвом.

Однією з основних у книзі є інформація історико-топографічного характеру, для здобуття якої, як вище зазначалося, вчений доклав багато зусиль, у тому числі й фізичних, під час численних полорожж суходолом і Дніпром. У книзі Д. Яворницького відображені різноманітні топонімики Південної України, що складається внаслідок особливостей історичного розвитку регіону¹⁵. Система региональних топонімів містить слов'янські (українські, російські, болгарські та ін.), тюркські, іранські назви. Автор досліджує етимологію місцевих топонімів і підронімів. Книга велими наскрінна мікротопонімами (назви балок, урочищ, скель, каміння тощо) та мікроайонімами (назви населених пунктів, в основі яких лежать ім'я, прізвище або прізвисько людини).

Книга Д. Яворницького містить безліч відомостей краєзнавчого характеру, причому не тільки конкретно-історичного (виникнення та історія села), але й біоісторіографічного, тобто про місцевих дослідників ріднокраю, як-от: І. Корелин, Г. Надхін, О. Поль, А. Карпова, М. Огарков, П. Барашпольський та ін.

Книга Д. Яворницького «Запорожье...» написана образною живою мовою, тому текст її легко сприймається, захоплює читача. Чудові описання Дніпра викликають асоціації з гогольським твором. Взагалі Дніпро є одним із знакових понять ціннісної системи Д. Яворницького. Для нього Дніпро – це жива істота. «Живий гомін житого Дніпра» вчений готовий був «слухати довіку». Образними й емоційними є оповідання про лоцманів і переграву через Дніпрові пороги, самих порогів, степу, Січі та ін. Свою безмежну любов до рідної землі та її історії Дмитро Іванович образно висловив у листі до Я. Новицького: «Запорожье, запорожцы, Днепр, пороги, степы! Сколько в этих простых малосложных словах заключается для меня обаятельного, живого, увлекательного смысла! Если бы мог я вметить в своей груди широкую и далёкую степь, если бы мог я скватить в свои объятия горячий низовой ветер, если б мог я сладким поцелуем слиться со своим Днепром, никакого другого наслаждения не хотел бы на земле. Выше, глубже этого счастья для меня не существовало бы!»¹⁶.

Новаторська, історико-фольклорно-етнографічна за характером, книга Д. Яворницького «Запорожье в остатках старины и преданиях народа», за визначенням М. Олійник-Шубравської, стала на той час помітною подією, вагомим внеском в історіографію, етнографію, географію, археологію України, історію переки, у розвиток вітчизняного книгоиздунства, пам'яткоznавства, краснавства, спешальних історичних дисциплін, як-от: історична географія, генеалогія, сфрагістика, нумізматика, епіграфіка, зброязнавство, ономастіка тощо. У галузі фольклористики ця книга Д. Яворницького вважається класичною¹⁷. І сьогодні пристрасна і поетична праця історика-художника, одного з останніх романтиків народницького напрямку у вітчизняній історіографії, не втратила свого наукового і соціального значення. Й сьогодні вона залишається джерелом у дослідженнях не тільки історії запорозького козацтва, але й широкого спектру наук гуманітарного циклу, у пробудженні історичної пам'яті й любові до рідної землі, її геройчної минувшини.

Як тільки книга «Запорожье...» вийшла з друку (на початку квітня 1888 р.), Д. Яворницький вже наприкінці квітня 1888 р. планував її 2-ге видання, мотивуючи це великою кількістю друкарських помилок. Проте за життя вченого цього не сталося. Донедавна в літературі не було інформації щодо підготовки Д. Яворницьким 2-го видан-

ня цієї монографії. Тому дійсно сенсаційно стала знахідка друкованого примірника книги з доповненнями та виправленнями автора. На титулі книги почерком Д. Яворницького зазначено: «Издание второе, исправленное». Цей примірник зберігся в Дніпропетровську в зібранні місцевого колекціонера і краснавця А. Ф. Стародубова, а у 1960-ті рр. потрапив до книгозбирні відомого дніпропетровського колекціонера і знавця ріднокраю професора А. К. Фоменка. У 1991 р. він подарував книгу Дніпропетровському історичному музею ім. Д. Яворницького¹⁸. Обидві частини (томи) віднайденого примірника книги мають численні доповнення й виправлення, зроблені автором чорнилом та олівцем. Доповнення написані між рядками, по берегах аркушів книги та на окремих папірцях (вклесних чи просто вкладених у книгу), які іноді складають навіть злитки. Текст першого видання доповнюється введенням окремих слів, речень, абзаців і значних текстових фрагментів. Особливо значні інтерполації стосуються 2-ї частини книги. Авторських викреслень та виправлень також зазнали окремі літери, слова, речення й великі фрагменти книги. Автор піддав переробленню понад 300 сторінок тексту.

Під час підготовки до друку цього видання в особовому фонді Д. Яворницького у Дніпропетровському історичному музеї були знайдені ще три додаткових фрагменти до 1-ї частини книги – всього 32 сторінки авторського тексту Д. Яворницького.

Дмитро Іванович працював над підготовкою «Запорожья...» до 2-го видання не менше ніж 10 років (1888 – 1897), про що свідчить введення ним до 2-го розділу 2-ї частини монографії фрагменту з його книги «Істория села Фалеевки-Садовой», яка датується 1892 р. У виправлений примірник «Запорожье...» вклесено друкарський фрагмент з книги «Істория села Фалеевки-Садовой». Окрім того, у знайденому в музеї тексті до 1-го розділу 1-ї частини книги Д. Яворницький посилається на 3-й том «Істории запорозьких козаков», який був виданий у 1897 р.

Доповнення та виправлення стосуються стимології географічних об'єктів, їх розташування; датування історичних подій. Виправлено орфографічні та синтаксичні помилки, скореговані підрядкові посилання. Значних виправлень зазнав текст, що стосується Хортицької, Базавлучької та Томаківської Січей. Варто відзначити, що Д. Яворницький виправив помилки, на які вказано було в рецензії І. Жительського. Зокрема, виявив більш критичне ставлення до свід-

чень Мицецького, зняв посилання на компілятивну книгу Маркоїна й замінив посиланнями на ті джерела, на які вказав І. Житецький. Зтільки із зауваженнями останнього, Д. Яворницький скорегував чи зовсім викреслив текст, що стосувався деяких фрагментів у характеристиці Запорозької Січі. У кількох розділах замінено епіграфи. Значними є інтерполяції, що стосуються Нового Кодака, Новобогородицької фортеці, села Фаліївки та її власників тощо. У другому виданні збільшилося цитування архівних джерел.

Видання, що заінсистилось, є фактично третім. Друге видання (текст надруковано російським та українським сучасним правописом), що повністю відтворює перше видання, у 1995 р. заінсистила відома дослідниця творчості Д. Яворницького Марія Митрофанівна Олійник-Шубравська¹⁹. Коли вона підготувала книгу до перевидання, стало відомо про існування примірника, підготовленого Д. Яворницьким до другого видання. Проте виправлення й доповнення виявилися настільки значні, що їх неможливо було врахувати у виданні, підготовленому М. Олійник-Шубравською (книга вже друкувалася). Тому актуальним і невідкладним завданням залишалася публікація другого видання «Запорож'я...», що його підготував сам автор – Д. Яворницький. З огляду на те, що видання М. Олійник-Шубравської є фактично другим виданням книги Д. Яворницького, пропонуємо видання, що заінсиститься зараз, вважати третім.

* * *

У даному виданні текст відтворено мовою оригіналу. Одночасно проведено археографічне опрацювання. При цьому видавці спиралися на принципи, що їх запропонувала для видання текстів Д. Яворницького М. Олійник-Шубравська²⁰.

Авторський російськомовний текст передається за сучасним російським правописом з урахуванням лексичних, фонетичних і морфологічних особливостей оригіналу, варіативності іменних та географічних реалій. В авторському тексті зберігається специфічне написання Д. Яворницьким окремих російських слів (близь, сажен, четыреугольник тощо) і українізмів у російському тексті (дерев, ножем, жолоб, чорт, лицем тощо). В цитатах, що їх наводить Д. Яворницький з архівних та опублікованих документів, а також з історіографічних джерел, застарілі літери «ї», «і», «ѣ» замінюються відповідно на «ї», «и», «ѣ»; твердий знак у кінці слів опускається. Надписи

на стародруках, іконах, хрестах, посуді та інших предметах друкуються без орфографічних змін. Усі власні імена людей та назви географічних об'єктів (незалежно від того, де вони наведені: в авторському наративі, у цитатах з монографій чи документів, надписах на предметах тощо) друкуються з великої літери. В авторському тексті й у цитатах зберігаються різночитання окремих слів (Кызыкерменъ // Кызыкермень; Сичъ // Сича // Сечь).

Значна частина книги (розмови автора з селянами, записані від них розповілі, перекази, легенди, пісні тощо) написана українською мовою. Як раніше зазначалося, у зв'язку із забороною в Російській імперії друкованого українського слова, український текст у першому виданні книги був надрукований літерами російської абетки. У даному виданні українські тексти передані за сучасним українським правописом із збереженням специфіки усного мовлення та діалектизмів. У відтворенні цих текстів видавці взяли за взірець видання «Запорожжя», що його заінсистила М. Олійник-Шубравська.

У книзі є також тексти, що подаються латиною, грецькою, польською, німецькою, французькою та старослов'янською мовами.

Новий текст, підготований Д. Яворницьким до другого видання, інтерполюваний у зазначене автором місце першого видання і надрукований «кірінним» шрифтом. Понікождення і втрати, що зустрічаються в інтерполюваному тексті, позначаються трикрапками у квадратних дужках.

Підрядкові посилання Д. Яворницького, які в першому виданні позначалися арабськими цифрами, в цьому виданні позначаються астериском (*). Це зроблено з метою полегшення сприйняття тексту, тому що цифрова індексація використовується видавцями для позначення численних авторських виправлень і корегувань тексту. Текст підрядкових посилань наводиться за правилами сучасної бібліографії.

Усі зроблені Д. Яворницьким виправлення і закреслення відмічені в тексті арабськими цифрами над рядком після слова чи речення, у якому робиться виправлення чи вицеслення. Цифрові примітки виносяться у покажчик «Примітки» (кожний розділ книги має власну нумерацію приміток), в якому повністю наводиться вицеслений текст чи той, що був підданий виправленню. Реальні примітки (коментарі змісту книги) відділяються в тексті малими літерами української абетки після слова над рядком. Якщо коментар охоплює фраг-

мент тексту з кількох слів чи речень, то літера ставиться перед першим і після останнього слова цього фрагмента вище рядка (²-²). Кожний розділ книги має окрему літерну індексацію коментарів.

Перше видання книги містило, окрім основного тексту, авторську передмову, «Указатель малороссийских слов», «Оглавление», «Оглавление рисунков», «Замеченные опечатки». Друге видання книги, що його здійснила М. Олійник-Шубравська, відкривається грунтовною статтею останньої.

Архітектоніка даного, третього за рахунком, видання містить усі тексти першого видання, окрім покажчика помилок (вони виправлені), а також додатки: вступну статтю, примітки, коментарі, географічний та анотований іменний покажчики, список умовних скорочень. Іменний та географічний покажчики охоплюють усі власні назви, засвідчені в тексті книги. Географічні назви передаються мовою оригіналу із збереженням усіх фонетичних особливостей. До географічного покажчика внесено усі географічні назви, що зустрічаються в тексті книги, включаючи назви шляхів, урочищ, балок, забор, інші мікротопоніми та гідроніми. Категорія географічних реалій подається після коми, українською мовою, у скороченому варіанті (див. покажчик умовних скорочень). Іменний анотований покажчик укладений за допомогою наукової співробітниці Дніпропетровського історичного музею К. Тележняк.

Видавці висловлюють щиру подяку професорові А. Фоменку, завдяки якому для української історії був збережений рукопис цього видання. Упорядники вельми вдячні колегам: головному зберігачеві Дніпропетровського історичного музею ім. Д. Яворницького Т. Звориціній, завідуючій археологічним відділом Л. Чуриловій, науковим співробітникам Т. Архіповій, І. Гуровій, К. Тележняк, М. Тихоновій, криворізькому археологу В. Титову, доценту ДНМЛ В. Звориціну, фахівцю з комп’ютерного забезпечення Д. Василенку за сприяння, допомогу і консультації, що були надані під час підготовки книги до видання.

Список використаних джерел і літератури.

¹ Біографію Д. Яворницького див.: Гапусенко І. М . Дмитро Іванович Яворницький. К., 1969; Шубравська М. М. Д. І. Яворницький: Життя, фольклористично-етнографічна діяльність. - К., 1972; Абрисимова С. В. Дмитро Яворницький. Запоріжжя, 1997.

- ² Эвариницкий Д. И. Иван Дмитриевич Сирко, славный кошевой атаман войска запорожского низовых казаков. СПб., 1894. 163 с.
- ³ Эвариницкий Д.И. Число и порядок запорожских Сечей // Киевская старина. - 1884. - Т. 8, № 4; Топографический очерк Запорожья // Там само. - Т. - 8, № 5; Т. 9, № 6; Т. 10, № 7; Остров Хортица на реке Днепре. (Из поездки по запорожским урочищам) // Там само. - 1886. - Т. 14, № 1; та ін.
- ⁴ Яворницький Д. В. В.Тарновський // Хроніка 2000.. - К., 1996. - Вип. 16. - С. 140.
- ⁵ Про Я. П. Новицького див.: Бровко Б. А. Яків Новицький – людина та науковий діяч // Південно Україна. - Запоріжжя, 1996. - Вип. 2. - С. 156 – 160.
- ⁶ Эвариницкий Д. И. Переправа через днепровские пороги. (Из «Поездки по запорожским урочищам»). - Одесса, 1885. - 18 с.
- ⁷ Дніпропетровський історичний музей (ДІМ). ВР. - Ф. 10, арх.3805.
- ⁸ Про П. Калнишевського див.: Эвариницкий Д. И. Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнышевский. - Новочеркаск, 1887; Грибовський В. Кошовий отаман Петро Калнишевський: Монографія. - Дніпропетровськ: Пороги, 2004.
- ⁹ Детально цензуриу історію цього видання див.: Олійник-Шубравська М.М. Рання наукова діяльність Д. І. Яворницького та його перша історико-народознавча монографія про Запорожжя // Эвариницкий (Яворницький) Д. И. Запорожье в остатках древности и преданиях народа. - К., 1995. - С. 20-22.
- ¹⁰ П. Половой]. Запорожское гнездо // Исторический вестник. 1888. - № 12. - С. 751. [За розшифрування криптоніму П. П. упорядники висловлюють подяку кандидату історичних наук В. М. Бекетовій].
- ¹¹ Київська старина. - 1888. - № 11. - С. 36 – 48.
- ¹² Там само. - С. 40.
- ¹³ Див.: Шубравська М. М. Д. І. Яворницький. Життя, фольклористично-етнографічна діяльність. - С. 48 – 49; Вона само. Рання наукова діяльність Д.І.Яворницького та його перша історико-народознавча монографія про Запорожжя. - С. 24.
- ¹⁴ Шевчук В. Очима першошукривача // Кур'єр Кривбасу. - 1994. - № 14. - С. 8.

¹⁵ Див.: Приймак О. М. Особливості топонімії Півдня України // Південна Україна XVIII – XIX століття. Запоріжжя, 1999. - Вип. 4 (5). - С. 228 – 230.

¹⁶ 50 листів Д. І. Яворницького до Я. П. Новицького / Публ., вступ. ст. і комент. М. Олійник-Шубравської // Наука і суспільство. -1988. - № 8. -С. 53.

¹⁷ Дмитренко М. Народні легенди про герой козаччини // Українське козацтво: витоки, еволюція, спадщина. - К., 1993. - Вип. 3. - С. 24-25.

¹⁸ДІМ. КП-185036. КН-7957.

¹⁹ Эварницкий (Яворницкий) Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа: Для ст. шк. віку / Упоряд., передм. М. М Олійник-Шубравської; Худож. оформлення О. В. Коваля. - К: Веселка, 1995. - 447 с.

¹⁸ Див.: Олійник-Шубравська М. М. Рання наукова діяльність Д. І. Яворницького... - С. 25 – 26.

С. Абросимова, Н. Василенко

Д. И. Эварницкий

**ЗАПОРОЖЬЕ
в остатках старины
и
преданиях народа**

Издание второе, исправленное

Часть I

С.-ПЕТЕРБУРГ
Издание Л.Ф.Пантелеева
1888

Типография Н.А.Лебедева, Невский просп., д. № 8.



Памятник кошевого Н.Д. Сирка.
С фотографии рисунок А.Г. Сластёна

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий труд – результат осмилетних поездок по бывшим владениям запорожских козаков. Собранные в нем сведения носят характер исторических, археологических и топографических данных о Запорожье вообще. Читатель не найдёт здесь полной, систематически изложенной истории запорожских козаков, а лишь отдельные эпизоды¹ на цельную историю.² В настоящем³ труде представлена,⁴ в неполном виде, лишь история⁵ главных центров Запорожья: городка Хортицы, становища Томаковки, Сичей – Никитинской, Чортомлыцкой, Каменской, Алешковской и Пидпильненской, или Новой, последовательно бывших центрами политической жизни запорожских козаков. Исследование этих Сичей собственно и положено в основание выпускаемого сочинения. Даные археологические, исторические и топографические пополнены в нем⁶ главным образом народными преданиями,⁷ отчасти также песнями и архивными актами, записанными и добытыми лично автором во время продолжительных поездок его по Новороссийскому краю.⁸ Имея в виду не только интерес специалистов дела, но и интерес вообще читающей публики и желая сделать книгу возможно наглядною, автор счёл необходимым приложить к ней⁹ несколько фотографических снимков с древнейших козацких вещей, также несколько планов Сичей с обозначением на них уцелевших до нашего времени крепостей и одного общего плана запорожских владений.¹⁰ Часть снимков сделана самим автором на месте, часть доставлена ему известным художником профессором Ильей Ефимовичем Репиным.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Учитесь, брати мої, учитесь, читайте,
І чужому научайтесь, й свого не цурайтесь:
Бо хто матір забуває, того Бог карас,
Чужі люди цурають, в хату не пускатъ.

Т. Шевченко

Кто не слыхал в детстве, в юношестве или в зрелом возрасте о запорожских козаках и их славной Сечи? Кого из русских, малороссийских, польских историков или вообще из писателей они не привлекали оригинальностью своей жизни, смелостью своих подвигов и потом печальною кончиною своей исторической жизни?¹

Теперь здесь много новых городов, еще больше того сел, деревень, колоний, в которых живут по преимуществу присяжные люди, не имеющие ничего общего, кроме разве языка да веры, с прежними обитателями, запорожскими козаками. Есть даже много и таких, у которых и язык, и вера несколько не скожи с языком и верою запорожцев. Среди такого населения трудно искать вещественных остатков запорожской культуры, и если они находятся, то в очень незначительном количестве, только в виде намёков или отрывков на что-то цельное. Оттого всякое воспоминание о запорожцах драгоценно для тех, кто так или иначе интересуется прошлой судьбой нашего отечества вообще и нашего юга в частности. Исследователю Запорожья приходится прежде всего заглядывать в монастыри, церкви, архивы, потом знакомиться с ледами, прибегать к раскопкам, заливывать песни, предания, собираять архивности, изучать местности, разбирать надгробные надписи, осматривать пещеры и т. п. Только таким путём и возможно, до известной степени, воскресить жизнь давно уже соннёших в могилу, но в памяти народной ещё и теперь умерших, запорожских козаков.

Если перебраться из г. Кременчуга, Полтавской губернии, через Днепр, в посад Крюков и оттуда повернуть влево, по-над Днепром, то первое село, стоящее на месте запорожских владений, будет Ка-

менно-Потоцкое Херсонской губернии, Александровского уезда. Село Каменено-Потоцкое, расположено амфитеатром по правому каменистому берегу Днепра, на восемь верст ниже г. Кременчуга и на четыре версты выше границы Екатеринославской губернии. Таким образом, близ Каменено-Потоцкого сходятся три губернии: Полтавская, восточным концом, всего три версты от посада Крюкова до села; Херсонская, северным углом, всего восемь верст шириной, и Екатеринославская, западным концом, не доходя четыре версты до села. Население Каменено-Потоцкого началось уже с конца XVI века: сюда шли крестьяне и козаки из разных сёл Полтавской губернии, преимущественно же из соседнего местечка Поток, отчего село получило прибавку к народному названию Каменки, название Потоцкого, в отличие от села Каменки-Красной. С 1741 года оно уже вошло в состав Миргородского полка, Потоцкой сотни, по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны. Первая церковь, в честь Преображения Господня, деревянная, с отдельной колокольней, заложена была в Каменено-Потоцком уже в 1752 году^{*} и находилась в том месте, где теперь огород крестьянина Носача. На цинковой доске, недавно найденной местным священником о. Петром Левицким, на месте старой церкви, вырезана следующая надпись: «Во имя отца и сына и святаго духа основавши сия церковь в селе Каменке Преображения Господня при державе великия Государыни нашей Императрицы Елизаветы Петровны, самодержицы всероссийской при наследнике ея внуке Петре Перваго, благоверном государе великом князе Петре Феодоровиче и при супруге его благоверной государыне великой княгине Екатерине Алексеевне благословением же преосвященнейшаго Тимофея Шербакова Архиепископа митрополита Киевского 1752 году Июня 11 в селе Каменке». Устроенная церковь существовала однако недолго: в 1792 году она сгорела вместе с сохранившимися в ней документами, после чего построена была новая, также деревянная.

После падения Запорожья, до 1838 года, село Каменено-Потоцкое считалось в пределах Екатеринославской губернии, а после этого отошло к Херсонской. Уже с самого начала его существования к нему присипана была соседняя деревня Троицкое, по народ-

* В "Материалах" Г. Ф. Миллера говорится, что первая церковь существовала здесь уже между 1740 и 1745 годами. М., 1848. С. 76.

ному Чкаливка, Екатеринославской губернии, Верхне-Днепровского уезда, бывшее имение Я. Г. Данильченка, теперь инженер-технолога Н. В. Чериковского. Из вещей, сохранившихся в теперешней церкви и перешедших сюда из старой, достойно внимания лишь одно Евангелие⁴ киевской печати 1733 года, с надписью по листам внизу: «Во мя (имя) отца и сына и святаго Духа амин. Я раб Бжи (Божий) Леско Плаксей и женою своею Агриппиною отменил Сие Евангелие за отпущение грехов своих, до церкви Божией преображения Господня на Каменку до Медведовки жеби (дабы) его не отдалив некто (никто) от церкви кроме снова (?) божей руини, то повинен мой брат Савка взяти и отдать до иной церкви, жеби от права били божия. Сие лялося при ктиторе Зеновию Дехтяренку, Федору Величку, Яску Шапошинку, Герасиму Рoenику и всему братству року 1744 месяца февраля 9, а кто би мога его отдалити и по своей хоти (хотению) або продати таковий да будет проклят анафема и будет судится со мною в судний день. Дано за сие Евангелие рублей семь ровно».

Против села Каменно-Потоцкого стоит среди Днепра² остров Дурной-Кут, около версты длины, наносной песчаной формации, покрытый лозой, и за островом пять забор: Горильчанская, Каменская, Кресты³, Черная и Ревучая. Против третьей заборы, на правом берегу Днепра, на одном из ляких камней, выбита буква М и около неё подобие каких-то слов, сделанных не то самой природой, не то рукой человека.

По всем сёлам, от Кременчуга и далеко вниз по-над правым берегом Днепра, в памяти старожилов сохранилось много рассказов о путешествии императрицы Екатерины II⁶. Это было в 1787 году, когда Екатерина, в сопровождении австрийского императора Иосифа II, приехавшего в Россию под именем графа Фалькенштейна, польского короля Станислава Понятовского, принца наассенского де-Линя, французского посланника Фриц-Герберта, русского князя Григория Потёмкина и многих других вельмож, путешествовала по новороссийским степям в Крым. С 30 января 1787 года императрица, прогостила в Киеве, в апреле месяце 22 числа отправилась вниз по Днепру на восьмидесяти галерах, нарочно для того приготовленных, разукрашенных амурами, флагами, снабжённых музыкантами, певцами и вмещавшими в себе, кроме отборной и блестящей свиты, большие трёхсот человек прислути. Спустившись ниже Киева, импе-

ратрица сделала остановку сперва в Каневе, где с ней свиделся польский король Станислав Понятовский, потом 30 апреля в Кременчуге. Отсюда она шла по Днепру до поместья полковника Якова Шошина, Шошиновки, на правом берегу, сопровождаемая огромною массою народа, ожидающего от неё большой и богатой милости.

На четыре версты ниже села Каменно-Потоцкого стоит деревня Троицкое, в народе известная под именем Чкаливки, против заборы Радуты в Днепре, а за ним на восемь верст ниже – село Успенск, по народному Плахтиивка. Село Плахтиивка стоит на речке Прогное и основано, по преданию, каким-то запорожцем Головком, жившим ещё в конце XVII века и занимавшимся ткацким ремеслом, по преимуществу приготовлением плахт. В 1740 году Плахтиивка считается уже довольно значительной деревней, а в 1744 году здесь устраивается и первая церковь, во имя Успения Богоматери. Спустя восемь лет Плахтиивка отошла в ведение Жёлтого гусарского полка⁶, состоявшего из сербов и румын, вышедших в Россию в царствование императрицы Елизаветы Петровны и получивших в собственность северо-западные окраины запорожских степей⁷. В это время село было переименовано из Плахтиивки в Зимун, или Земун, и вошло в пятый шанец, пятую роту Жёлтого гусарского полка.

В 1775 году в с. Плахтиивке отошла старая церковь и через год на месте её устроена была новая. Спустя некоторое время после этого жители, оказавшие в чём-то неповиновение военному начальству, переселены были в Бессарабскую область, а на место их вызваны были поселенцы из соседних сёл теперешней Херсонской губернии: Гришевского, Колонтаева, Стевовки, Вершеца и Моржановки. Тогда село вновь переименовано было из Зимуна в Успенск, по имени храма Успения Богоматери.

Из древних вещей, сохранившихся в теперешней церкви села Плахтиивки, достойны внимания лишь следующие: псалтирь⁸ киевской печати 1708 года с надписью по листам: «Сия псалтырь одана Никифором Демурею Успения Богоматери 1708»; евангелие киевской печати 1733 года с надписью по листам: «Коболяцкий Протопоп Симеон Андреев Книр сию святое Евангелие по указу до церкви Успенской Плехтеевской, которую купил житель Плехтеевский Феодор Свистун за свои собственные деньги семь рублей Року 1746 месяца Априля»; «триодь киевской печати 1761 года: «Сия книга именуемая триодь постная отмененна рабом божиим проживающим

в шанце плехтеевском Григорием Наумовичем во отпущение грехов его в церковь святоуспенскую Плехтеевскую за цену пять рублей. Записал той успенской церкви священник Василий Яблуновский⁴. Кроме этих трёх книг есть ещё служебник⁴ киевской печати 1768 года и два запорожских пояса, сделанных из красного персидского смычу шелковой материи, один длины семь с половиной аршин, другой – шесть аршин, с позолоченными концами с обеих сторон. По рассказам старожилов, близь Плахтиивки одно время очень долго жили турки и тут, в трёх верстах от села, прямо на юг от теперешней волости, у них стояла мечеть, сделанная из камня. Она построена была на песчаном высоком горбу, около неё повыкопаны были ямы, наполненные гречой и просом. Теперь крестьяне «выгулявали» её. Возможно, что это относится к 1711 году, когда значительная часть запорожских земель, по Прутскому миру России с Турцией⁵, отошли к туркам и татарам. По рассказам тех же старожилов, близь Плахтиивки в старину росли большие леса: по балке Смельницкой – дубовый лес, срубленный лет пятьдесят тому назад; по Бутивскому урочищу, близь д. Троицкой, по ярам близ села Каменюкого Потоцкого, около 500 десятин, также дубовый, по берегу Днепра, по плавням рек и, наконец, по степи владельца Я. Г. Данильченка – около 50 десятин. Теперь от них ни щепки, ни пня, ни палочки не осталось: всё повырубали и понизводили⁶.

В селе Плахтиивке есть древний старик, Яков Лигвин⁵, который любит в часы досуга кое-что порассказать о запорожских козаках; ему 108 лет от роду.

- Діду, скілько вам год?
- Сто вісім, серце.
- А бачили ви царицю?

– Бачив, серце; вона як іхала по Дніпру, то приставала у нас у Плахтиївці. Още де кучка народу, то вона поверне баркасик та й каже: «Здрастуйте, дестушки!» – «Здравія желасм, Ваше Імператорське Величествство!.. А дітям усе кидала грощи: кине жменю та й дивизи; то діти як почнуть халати, а вона смієтця; міні толі було вісім год.

- А що ж ви об запорожцях що-небудь знаєте?
- Знати не знаю, а чути чув, бо я не с цих міст, я захожий.
- Що ж ви чули?
- Чув, що то народ був вихватний; на всякі діла способний; інчи такі були, що й грамоті не вчілись, а читати так добре читали, що і

вчений так не прочита. Раз одного запорожця питаютъ: «Як ти навчивсь грамоти?» – «А як? Спав я в хаті, стало міні дуніно; я пішов під стіжок та й лежу, а тут летить птичка; як клюкне мене по лобові, а кров і побігла. І став я усе знати, і книги читати...» А сила яка у їх була? Хоч у старого, хоч і у малого! Іде раз кошовий, аж дивитця, дитина сім год загляда на дзвіницю. – «Чого ти, мале, заглядаєш на дзвіницю?» – «А я туди зніс ломову пушку». – «Ги?» – «Я». – «А підійди назад знеси!» Воно пішло та й знесло. От які тоді люди були! Тепер хоч десятеро коней запряжі, то не знесуть. А про старих запорожців, то вже й казати нічого. Вони още було як говітсь, то піп і приказує їм: «Пані молодці, котрі із вас ім'ють велику силу, то втягайте в себе...» А то як дожне, то піп є причастем упаде. Сила страшна була!

– Прямо, що страшна! А як вони воювались?

– А от як. Стануть було отут на Орловій балці, а против них двадцять повік вийдуть. Так повіки самі себе поріжуть, кров тектиме по черево коням, а запорожцям і байдуже: стоять та сміються; один тілько васюринський козак і не смієтця: той заряде пістоль тубкою та й стріля... А це все від того, що вони знаючий народ були: на своїй землі їх ніхто не міг узяти. Так вони як куди іхати, то зараз землі під устільку накладуть, у шапки понасипають та й Іауть. – «Хто чоботи скине, то й смерть; а хто шапку зніме, тому голову знімуть». Так і Іауть собі. Дойлучу у город який, п'ють, гуляють, музикі водять, танцюють, а як світ, посадають на коній та й гайдаб⁶. І всі чуноть, як вони й балакають, як і коні у їх хропуть, а їх не бачать. Раз були вони у Петенбурці, зайшли у дворець, ім стула подають, а вони посадають на землю та й сидять. Приходе до їх Катеринич⁷. Дивитця, що вони сидять на землі і давай з них смієтця. Потім підняв руку над одним запорожцем та й щипця його вларити. – «Рубай, рубай, каже, коли підняв» Так де тобі рубати: як підняв руку, так вона і зомкнулась, так і заклякла.

– Чого ж воно так, діду, що мали вони таку силу, а їх геть зігнали зівідція?

* Катериничем Лигвин называет князя Потьомкина.

— Не зігнали їх, а вони самі пішли кулись на райські острова, там і живуть, а перед конченiem світа уп'ять прійдуть і вп'ять своє спінкають.

Цим сведения дала Якова Литвинна о запорожцах и оканчиваются. Литвин — самый старый из всех лиц в с. Плахтиевке и один из старых со всем запасом лиц, известного на всем бывшем Запорожье. К сожалению,⁷ он «захожий чоловік», т. е. человек, не имеющий прямой связи с запорожцами; в противном случае, при его памяти, любознательности и долголетней жизни, он мог бы многое чего, более правдивого и точного, сказать о жизни запорожских казаков, чем то, что рассказано им.⁸

Ниже села Плахтиевки впадает в Днепр с правой стороны речка Мокрый Омельник, у Эрика Ласоты названный Омельником Песелским⁹, в котором, по словам Бопланя, водилось множество раков^{**}. Теперь это такая ничтожная речёнка, «що доброму молодцю можно обіперішись на ратище та й перескочить». Она начинается в Херсонской губернии, Александрийского уезда, из двух балок, Цветиной и Сметановской, из-под деревень Павлышицкой и Сметановки, течёт на протяжении 45 вёрст, впадая в Днепр как раз около Колодовки, верхней половины села Дериевки.

На двенадцать вёрст ниже Плахтиевки и на десять вёрст ниже р. Омельника стоит село Дериевка, или, как оно называется у путешественника прошлого столетия Василия Зуева, Даревка^{***}. Это одно из огромнейших сёл, разделяющееся на собственно Дериевку, Скотинку⁹, нижнюю часть, и Колодовку, верхнюю часть села, расположенного по двум балкам Кобиной и Крутянковке, по правому берегу Днепра, против местечка Келеберды, по левую сторону Днепра. Основание Дериевки относится к концу XVII века и, по народному преданию, приписывается какому-то козаку Дерию. В 1706 году здесь значится уже целое урочище, где жили старые запорожцы, занимавшиеся скотоводством, пчеловодством и рыболовством; с течением времени к ним присоединилось несколько малороссийских семей, и таким образом в 1740 году здесь образовалась слобода Дериевка с церковью Вознесения Христова на Серетовке. В

качестве устроителя приобрёл известность в то время слободской атаман козак Данило Батура. В 1751 году, когда земли «от верхины реки Омельника и по оной вниз даже до устья её, где она в Днепр впадает», отданы были под поселение сербов, слобода Дериевка отчислена была к седьмой роте елисаветградского пиклерного полка. Оттого уже в 1787 году путешественник Зуев называет её «ротным селением»*. В настоящее время из древних вещей хранится в церкви села Дериевки только шесть церковных книг: требник⁹ и чин Св. Василия, напечатанные в 1739 году, октоих¹⁰, московской печати 1753 года, триодь постовая, напечатанная там же в 1757 году, книга апостольских деяний¹¹, киевской печати 1768 года, и книга богоявления с такою надписью: «От книг роты седьмой Деревской Елисаветградского пиклерного полку церкви Вознесения Господня 1771 года Генваря 3 дня Церковная».

Почти смежно с селом Дериевкой, против забора Тройницкой и Уступа, стоит село Кутеволовка, иначе называется Вороновка, а по старинным документам урочище Троицкое, кутор Тройницкий, село Кутуповка, слобода Тройницкая. Первые поселенцы урочища Троицкого были малороссияне, жившие близь Кременчуга, Кобеляк и Келеберды. Они приезжали сюда сперва временно для обработки земли и пастбища скота, в потом мало-помалу привыкли к этой местности и стали селиться навсегда. Здесь они встретили уже готовые посёлки, зимовники запорожских сидней, и таким образом положили основание слободе Вороновке. В 1756 году в слободе Вороновке возникает и церковь, во имя святителя Николая. Эта церковь куплена была готовою в селе Келебerde, где она оставалась без богослужения после построения новой, и поставлена у самого берега Днепра. В это время Вороновка составляла уже 16 роту елисаветградского пиклерного полка. В 1787 году здесь построена уже новая церковь вместо старой обветшавшей, на другом месте, несколько выше берега Днепра, среди слободы, а старая была разобрана и употреблена для постройки колокольни при новой церкви. В настоящее время эта вторая церковь уже обветшала и закрыта, хотя всё еще стоит на прежнем месте. Архитектура её до крайности проста: это не церковь в обыкновенном, общепринятом смысле слова, а просто амбар или

* Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 54.

** Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 15.

*** Зуев В. Путешественные записки. СПб., 1787. С. 213.

* Зуев В. Путешественные записки. СПб., 1787. С. 245.

сарай, продолговатый на вид, сделанный из досок с крестом на крыше; только колокольня, стоящая при ней, походит на церковное здание. Самое положение церкви не соответствует положению теперешних церквей: в ней ведёт вход не с запада, а с юга.

Из древних вещей в церкви села Кучеволовки сохраняются книга пятидесятины¹, киевской печати 1702 года, книга триоль с надписью по листам: «Року 1711 сию книгу, глаголемую триоль цветную, отец Илья купил за церковные гроти за шесть талери до храму святой троицы во град Кереберду»; две книги минеи², киевской печати 1757 года, служебник, времён императрицы Елизаветы Петровны, с неполною надписью по листам: «Во имя отца и сына и святаго духа аминь. Сия книга, глаголемая служебник ...», серебряная чаша и дискос³, пожертвованные в церковь козаком Антоном Синявским, с надписью на нижнем ободку: «Сия чаша з дискосом зделано коштом и старанием козаком Антоном Синявским до храму покрова пресвятая богородици в село Маржакишу 1781 году ноября 12 днъ». Наконец, что всего интереснее в этой церкви, это архивные документы, сцё нигде не обнародованные и никому не известные, начинаяющиеся с 1756 года и состоящие из двух больших связок, каждая несколько менее четверти толщины.¹⁰

В том же направлении, но над правым берегом Днепра, на двенадцать вёрст ниже села Кучеволовки, стоит местечко Мишурин-Рог, иначе Верхнно-Каменка, Мишуринорогский ретраншемент. Мишурин-Рог имеет свою историю. «Як царити бігла з гори, то означила його городом, а як знизу, то проспала; тоді замість його поставили Верхньо-Дніпровсью... Но когда и кем основано это селение – ни документы, ни летописи не говорят. По преданию, оно основано каким-то козаком Мишурою или Михайлом¹¹ на возвышенном каменном мысе, далеко вдавшимся в правый берег Днепра. В первый раз, сколько нам известно, упоминается о Мишурином-Роге у писателя половины XVI века Михалона Литвина, под именем Миссури, литовского замка. Из остальных писателей ни Эрих Лясота, ни Боплан, ни Самовиц, ни Мишленский, ни даже Ригельман ничего не говорят о Мишурине, точно он вовсе не существует или, по крайней мере, на их времена, прекращал свое существование. Ни словом не упоминается о Мишурине и в 1654 году, при описании городов и сёл, приведённых Богданом Хмельницким в подданство России, и в 1672 году, при перечислении запорожских городов и

крепостей⁴. Только в истории Георгия Конинского мы встречаем упоминание о Мишурином-Роге, как старейшей крепости на Запорожье, но так как эта история, с полным основанием, считается публицистическим памфлетом, написанным только под фирмой Георгия Конинского, наполненным массою невероятностей, искажений и перенесений разных событий, современных автору, в далёкое прошлое, то придавать какое бы то ни было значение этому упоминанию нет никакого основания⁵. Тем не менее у запорожцев Мишурин-Рог играл не последнюю роль. Уже с 1690 года к Мишурину-Рогу вела от крепости Переяловской через Днепр переправа; это была первая у запорожцев переправа, начиная с верхних окраин их владений; в своё время она доставляла запорожцам 12 000 рублей ежегодного сбора⁶. Об ней упоминает малороссийский летописец Самонил Величко, под 1695 годом. В то время Пётр I предпринял поход в турецкий город Азов⁷; в этой войне ему должен был помочь малороссийский гетман Иван Мазепа. Мазепа должен был двинуться на турецкий город Кызыкермен⁸ вместе с боярином Борисом Петровичем Шерemetевым; 17 мая он вышел из Батурина; потом, добравшись до Днепра и простояв здесь, за неимением лодок, несколько недель, переправился выше Переяловской, против Мишурина-Рога⁹. Далее, название Мишурина-Рога упоминается в следующем 1697 году, в описании реки Днепра, представленном тем же гетманом Мазепою царю Петру I¹⁰. В 1709 году, близ Мишурина-Рога переправлялись через Днепр Карл XII и Мазепа, после несчастного для них Полтавского боя¹¹. В 1735 году, против Мишурина-Рога сделан был фельдмаршалом Минихом мост для переправы русского войска, "во время войны России с Турцией; в 1736 году, и похода на Крым, в 1737 году".

В 1741 году, когда дозволено было указом императрицы Анны Ивановны всем беглецам малороссийского и великороссийского

¹ Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (Акты ЮЗР). СПб., 1878. Т. 10. С. 291–306; 1879. Т. XI. С. 12–14.

² История Русов. М., 1846, предисловие. С. IV.

³ Маркевич Н. История Малороссии. М., 1842. Т. 2. С. 324.

⁴ Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. К., 1855. Т. 3. С. 273.

⁵ Описание реки Днепра от м. Переяловского до Черного моря // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Одесса, 1853. Т. 3. С. 577.

происхождения, скрывавшимся дотоле в Крыму, Польше и Молдавии, селиться в залнепровских степях, то вскоре после этого, в числе других слобод, возникла и слобода в Мишурине-Роге, которая была приписана к Полтавскому полку. Нужно думать, что именно в это время в Мишурине устроена была и та земляная крепость, которая сохранилась в прекрасном виде и по настоящее время. По крайней мере на карте инженер-полковника де-Бокселя, сделанной в 1751 году, Мишурин-Рог значится уже в числе крепостей. В 1787 году русский путешественник Василий Зуев писал о Мишурине-Роге, что прежде он был шанцем козацких полков, а потом сделался простым селением, однако сохранившим своё укрепление до 1787 года. Укрепление это находилось на самом верху мыса и охранялось местными жителями-козаками и кроме того егерской комендой. В крепости стояла деревянная церковь и для проезда двое ворот, для управления же устроена была контора, где заседал смотритель^{*}. С устройством в северо-западных степях Запорожья Новосербии¹³, Мишурин-Рог отошёл к елисаветградскому пикнерному полку сперва пятой, потом шестой, а потом десятой и осмой рот. Ко всему сказанному о Мишурине-Роге нужно прибавить ещё то, что здесь с давних времён различались два селения: собственно Мишурин-Рог, или городок, и слобода, стоявшая вне городка; в первом была церковь во имя пра-ведных Симеона и Анны, во второй – церковь во имя Преображения Господня. Церковь Симеона и Анны возводилась четыре раза: в первые два раза в крепости (около 1739 года и в 1736 году), в третий раз (1795 года) ниже крепости, там где теперь двор крестьянина Афанасия Задорожного, и в четвёртый раз на теперешнем её месте. Церковь Преображения воздвигалась три раза: в 1757 году, 1794 и 1870 году (?), на две версты ниже первой церкви Симеона и Анны.

Из древних вещей в церкви Симеона и Анны хранятся: два евангелия (Киев, 1746 г.), три книги миней (Киев, 1750 г.), книга деяний (Киев, 1752 г.) и книга пятидесятницы (Москва, 1759 г.), кроме того восемнадцать икон старинного письма и на колокольне два запорожских колокола, из коих больший имеет такую надпись: «Сен-ци(о)н отменил Иван Чумак стеблеевского нижшего куреня в город Мишур. до х. с. пр.: Симеона: з. т. с. року Божия 1751». В церкви

Преображения из древних вещей хранятся: книга пятидесятницы (Москва, 1755 г.), триоль (Москва, 1760 г.) с надписью по листам: «Сия книга церкви Преображенской слободы мишуринорогской Йерии Василию Попелнепцкого»; книга деяний с надписью: «1760 года мая 29 дня сию книгу глаголемую апостол купил житель слободы Мишуринской козак Григорей Гречин ценаю три рубли до церкви преобразения господня за отпущение грехов своих вечими часи, а кто бы сию книгу взял от оной церкви отдалити или укости, то та-коий ч(ловек) осудится во бном венце судию преднелищемирним, а отдано на руки в смотрение тоей же церкви иерею Василию Григо-рееву Попельницкому при иктору Хведору Григоренку»¹⁴. Книга якафист¹⁵ великомученицы Варвары (Киев, 1766 г.), и, наконец, се-ребряная позлащённая чаша с надписью: «1779 году сей келих отдан в местечко Мишурин Рог Григорием». Вероятно тем же Григорием Гречином, который пожертвовал и книгу апостольских деяний.

Из других достопримечательностей Мишурин-Рога бросается в глаза, прежде всего, земляная крепость. Выбор места, где была устроена крепость, показывает большие стратегические соображения козаков. Нужно сказать, что Днепр, пройдя десять верст от села Кучеволовки, по направлению с запада на восток, идущий неожиданно встречает огромную гряду гранитных скал, так называемую забору Кротову, у правого берега, с страшной силой ударяется об неё и, не будучи в состоянии одолеть, сам бросается в левую сторону к северу. Таким образом получается огромнейший мыс с правого берега Днепра. Этот мыс на живописном малороссийском языке и называн рогом, с прибавлением к нему собственного имени Мишуры. На вершине этого-то рога, между теперешнею пристанью и Пантино-твою могилою, растянулась огромная земляная крепость, одна из самых больших на всём бывшем Запорожье. По своему устройству она представляет собственно две крепости, центральную и внешнюю: центральная, как кремль или детинец, имеет вид правильного редонита, боковая линия которого, от севера к югу, равняется шести-десети шагам, поперечная, от запада к востоку, пятидесяти. Внешняя крепость представляет собой открытое укрепление, состоящее из трёх фасов, с исходящими углами, с двумя воротами, с юга и востока, но только второе или даже пятеро больше первого. Оба эти укрепления охватываются с трёх сторон, от запада, юга и востока, так называемой креморъеною линией с траверсами. Кроме крепости, в

*Зуев В. Путешественные записки. СПб., 1787. С. 244.

том же Мишурином-Роге есть и другие примечательности. Таковы четыре, совершенно правильно повышерченные в гранитных камнях, дырки, в огороде крестьянина Мусия Петрюка; таково подобие подковы,¹⁵ сделанное в камне, лежащем у берега Днепра, против огорода того же Петрюка, и имеющее в длину две четверти, в ширину полторы четверти; таков камень близ огорода Панька Крота, у берега Днепра, на котором выбиты какие-то латинские буквы; таковы три круглые ступки, сделанные в гранитном камне, лежащем за огородом крестьянина Фёдора Будки, и таков камень против хаты солдата Тимона Белоуса, с высеченной на нём буквою М. Наконец, к таким же достопримечательностям принадлежит и тот камень, который находится выше Мишурина-Рога, в урочище Буйском, на уступе, немножко поодаль от берега; на нём выбит крест. «Тут жили, кажуть, якісъ запорожці, так вони по цим скелям клали кладъ, а над кладло робили приміти. Отам у заборі і молоток був вибитий, і ножниці, а коло хреста щільй рукав вугалля лежав. Так, бач, славать у нас. Сорока сорою, ворона вороні; так і мі». Так объясняют крестьяне происхождение знаков на камнях¹⁶. Возможно, что это объяснение и имеет некоторую долю правды, но к нему, в виде дополнения, нельзя не прибавить два вопроса: не была ли выбитая на камне¹⁷ подкова знаком какого-либо литовского или польского рода, владевшего некогда Мишуриным-Рогом¹⁸, по крайней мере такими знаками устанавливались межи земель соседних владельческих родов, а буква М, сделанная на камне, не означала ли начальную букву гетмана Мазепы, а вслед за ним и Карла XII, когда, по словам малороссийского летописца, «принуждено было сундуки Мазепы с богатством и деньгами, почти три доли оных, в воду сбросить?»*

По рассказам старожилов, близ Мишурина-Рога да и там, где теперь значительная часть села, в стырину росли огромные леса. Таковы: Долгое-провалля, Лещина, Заячий, Кислый, Должик, Михайловский, Голоднинский, Криничный, Скотоватый, Ряловой, Липовый, Россоховатый, Кужупинский, Глыбокий, Белоусов, Косый, Патериков, Шестигривенный, Лысый, Дрышальной и Западной; всего около двухсот пятидесяти десятин; везде преобладал дуб. Наконец,

лес рос и по островам Днепра против Мишурина-Рога, а кое-где и по заборам¹⁹.

Начиная от границы земли села Кучеволовки в реке Днепр разбросано пять забор с различными наименованиями: Свячена, против урочища Буйнского; Дурна, на полторы версты ниже первой; Лихолатова, против двора Кондрати Лихолата; Пивнева, против двора Василия Пивня; Кротова, против балки Кислой, выше пристани; вместе с заборами²⁰ идут и острова: Почекаливский²¹, Тахташевский²², Средний²³ и Великий, длины пяти верст, ниже пристани, от Каменской и Переволочной межи.

Верстах в двадцати в сторону от селения Мишурина-Рога, стоит большое село Лиховка, по старым названиям, Омельницкая, расположеннное по реке Сухому Омельнику. Основание его относится к 1740 году, когда здесь поселилось несколько человек запорожской старшины и эсаклов со своими наймитами и хлонцами. Но настоящим осадчиком села был местный священник Павел Писаревский. Он же первый и основал здесь в 1754 году церковь. С течением времени село Омельницкое приписано было к елисаветградскому пикинерному полку, сперва к четвёртой, потом к шестой, а, наконец, и к двенадцатой роте. В 1788 году в нём возведена была новая церковь и самое село стало именоваться Лиховкой, от переселенца из Полтавской губернии Лихевского, в просторечии называемого Лихом. Из древних вещей здесь хранится: напрестольный крест, резной работы, в серебряной оправе, с надписью: «1756 года января 20 крест сей до церкви живоначальной троицы слободы Омельницкой зделан»; чаша серебряная позлащенная с надписью: «1757 года козак куреня корысунского Павел Котантинович сию чашу справил за отпущение грехов своих слободы омельницкой до святой Троицы»; евангелие, напечатанное в Москве, в 1781 году, с надписью с наружной стороны на медной доске: «Даниила Безчастного». Небольшая запорожская серебряная чарочка и три запорожских пояса, из коих два обычновенные красные, персидского сырца, а третий – великолепнейшей шалевой материи с превосходными узорами. В своём роде это единственный пояс из множества, сохранившихся по разным церквам.

Между селом Лиховкой и правым берегом Днепра стоит село Калужино, ниже Мишурина-Рога. Основание его относится к концу XVI века; оно получило своё название, по преданию, от какого-то запорожца Калуги, выходца из Великороссии. Первая церковь уст-

* Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России и его народе и козаках вообщ. М., 1847. Ч. 3. С. 83.

роена здесь в 1754 году, во имя Успения Богоматери, старанием и усердием священника Фёдора Иллича, иначе Ильина. Настоящая церковь – третья по счёту после основания села. В ней хранится несколько древних вещей, весьма замечательных по своей давности. Таковы прежде всего чаша, дискос и звездница, серебряные позлащенные, с надписью: «Сей келих и дискос и звезду надал раб божий Лаврентий Ленец Сухорский до церкви обласки року бож. 1639». Эта надпись, сделанная по подножию чаши, к сожалению, не даёт понять, в какое село и в какую церковь отдана была чаша; тем не менее надпись древнейшего начертания; но по бокам чаши сделана и другая, буквами более позднего начертания: «Сей келих спорядил раб божий Федор Ильин ион Успенский». Видимо чаша эта находилась в какой-то другой церкви, но перенесена в первую Успенскую села Калужина, о чём и заявляет свою подписью священник Фёдор Ильин. Из множества чаши, хранящихся в бывших запорожских церквях, эта самая древняя. Из книг здесь замечательны следующие: книга леяний, напечатанная в Киеве, в 1742 г., с надписью: «Сию книгу глаголемую апостол купленную за собственение леяний к церкви Святоуспенской калужинским козаком Василем Алексенком заручил крестовый намистник Артемий Зосимович 1759 года, июня 12 дня»; книга триодь, напечатанная там же в 1743 году, с надписью: «По указу Преосвященнейшего Рафаила Зaborовского архнепископа митрополита Киевского и Малия России сюю книгу триодь постную купленную в церковь Успенскую слободу Калужину заднепрянскую за церковные деньги четыре рубле и пятьдесят копеек. Заручил Кобеляцкий протопоп Симеон Андреев 1755 года декабря 11 дня»; евангелие, напечатанное в Киеве, в 1746 году, с надписью с лицевой стороны по отделке: «Сие евангелие сооружися в слободу Калужине до храму успения богои(м)атери року 1759 старанием иеря Феодора Ильина»; евангелие другое, и служебник, той же печати и того же года; триодь с надписью: «Сия книга глаголемая цветная триодь кобеляцкой протопопии местечка Келеберда наместнику кереберянской слободы Калужина церкви успения Богоматери купленная за общие деньги рублей ... 1755 года октября месяца 5 дня которую книгу по указу подтвердил кобеляцкий протопоп Симеон Андреев»; служебник московской печати 1756 года, с надписью: «Козак Василий Олексенко до храму успения Богоматере слободы Калужина а заручил крестовый намистник Артемий Зосимович 1760

года июня 18 дня»; служба Богоматери, напечатанная в Киеве в 1761 году, и книга ирмологий, напечатанная в Чернигове, в 1769 году.

Смежно с селом Калужином стоит село Днепрово-Каменка²⁴, отделённое с западной стороны речкой Сухим Омельником²⁵. Об основании села Днепрово-Каменки существует следующее предание. Первоначальными поселенцами места, где теперь Днепрово-Каменка, были козаки Каменный и Сусла, к которым впоследствии присоединились еще козаки Гайдук и Доброгорский. Козак Каменный поселился на возвышенной равнине, окружённой с двух сторон водою, недалеко от того места, где была первая в селе церковь. Козак Сусла поселился в двух верстах от козака Каменного, при самой реке, вниз по её течению. Оба они жили отдельными хуторами, из коих первый именовался Каменным, а второй – Суслиным. Сусла долго жил одиноко, без соседей, но возле Каменного скоро поселились Гайдук и Доброгорский, и за ними стали являться разные выходцы из Гетманщины, преимущественно Полтавской губернии уроженцы; так мало-помалу из четырех хуторов возникло большое и людное село. Поколения Гайдука, Суслы и Доброго-рского (иначе Маляры) существуют в селе и по настоящее время. Первая часть села, где жили Каменный, Гайдук и Доброгорский, именуется Каменкой, вторая – Сусловкой, в общем на официальном языке, обе части вместе составляют Каменку, названную в отличие от Красно-Каменки, Днепрово-Каменкой.

Первая церковь в селе Днепрово-Каменке устроена была уже в половине XVIII века. В церковной описи села 1809 года на этот счет мы имеем следующее указание: «иконостас старинной резьбы вызолоченный и местами высеребренный, куплен в местечке Келеберде в 1751 году с церковию за 100 рублей». Церковь эта была деревянная, во имя святителя Николая; в 1756 году священник её именуется наместником, а самое село Днепрово-Каменскою наместицею. В 1791 году в селе Днепрово-Каменке устроена была вторая церковь, сооруженная местным зодчим крестьянином Василем Альманом, старанием прихожан и священника Моисея Зосимовича. Церковь эта стоит и по настоящее время.

Из древних вещей, сохранившихся в церкви, следует отметить запорожское паникалио, увешанное металлическими бубенцами, небольшое оловянное блюдо с татарской надписью, сделанной на нем: «Хозяин его (блода) Хаджи-Али»; три металлических чаши, четырнадцать церковно-богослужебных книг и три небольших Евангелия, из коих последнее московской печати 1753 года, с надписью по листам следующего содержания: «Сие священное Евангелие отменил в церковь камянскую Николаевскую козак куреня Калиболовского Андрей Топчей 1756 года мая 10». Церковные документы начинаются уже после падения Сичи, с 1778 года.

Вне церкви, за ее оградой, с западной стороны, стоит известковый крест над могилою запорожца Мартюка, о чем свидетельствует следующая, сделанная на нем, надпись, сильно выветрившаяся от времени: «Во имя отца и сына и святаго духа аминь... козак Мартюк куреня... старанием раба божия Димитрия унука Мартюка 1748 году сентябрья».

Против села Днепрово-Каменки, в реке Днепре, стоят острова: Лискивский, Видмирский, Котельников, известный раньше под именем Баратова и получивший свое название от князя Барятинского, коменданта крепости (1709) Переяловчины, стоявшей против устья речки Ворсклы, падающей в Днепр; кроме того острова Кранц и Беловод. По рассказам старожилов, течение Днепра против села Днепрово-Каменки в старину было совсем иное, чем в настоящее время, а именно: он тек таким образом, что теперешние острова Беловод, Баратов и северная часть Кривца оставались по левую сторону его, острова Видмирский и Лискивский – по правую.

На две версты выше Мишуриной-Роги впадает в Днепр левый приток его, речка Ворскла, при устье которой стояла крепость Переяловчна. Местное предание говорит, что бежавшие, после полтавского поражения, шведский король Карл XII и малороссийский гетман Мазепа, направились именно на крепость Переяловчину; отсюда они бросились в Днепр и переправились через него не против Мишуриной-Роги, а против Днепрово-Каменки. Верить этому преданию заставляет, прежде всего, то обстоятельство, что в Днепрово-Каменском участке, вдоль реки Днепра, в старину росли непроходимые леса, в ко-

торые никогда не проникала стопа человека; эти леса всего лишь 50 лет тому назад изведены до основания. Сюда-то и могли направиться беглецы, – тем более, что здесь у запорожских и гетманских козаков издавна существовала переправа, известная под именем Переяловка.

Кроме того, на Днепре, против села Днепрово-Каменки, расположены параллельно, во всю ширину, от берега до берега, 3 больших острова, представляющих большое удобство для переправы*.

В «Истории Петра Великого» Брикнера говорится, что Карл XII и Мазепа переправились через Днепр у Переяловчной, близ Мишуриной-Роги**; слово «близ» несколько не мешает указывать место переправы беглецов через Днепр именно у села Днепрово-Каменки, стоящей на две версты выше устья реки Ворсклы. В так называемом журнале Петра Великого о переправе Карла и Мазепы через Днепр говорится слишком неопределенно; в нем рассказывается, что после победы под Полтавой русские, погнавшиеся за Карлом по направлению к Днепру, не могли раньше 30 июня доскакать до реки; доскакав до горы, недалеко от Переяловчной и взяв в плен полкового квартирмейстера, русские узнали, что шведский король переправился через Днепр «с великою трудностью» за три часа до этого времени с несколькими стами конных солдат***.

Непосредственно ниже села Днепрово-Каменки следует село Бородавка, иначе Орлянск, против островов в Днепре Алкогузова, Великого и Песчаного. Документально известно, что село Бородавка основано в 1707 году запорожцем Прокопием Бородаем, вышедшим из Коша, переведшим сюда все свое «домовство» из-под Кобеляк и «бадавшимся» здесь скотоводством и пчеловодством. До построения церкви здесь проживал монах Дорофей, живший прежде в Чортомлыцкой Сичи, «но после разорения её Петром I* удалившийся в урочище Бородавку. Здесь он собирал к себе по воскресным и праздничным дням народ и читал ему разные священные книги. Первая церковь основана здесь в 1756 году. С открытием Ново-

* Эварнишский Д. И. История запорожских козаков. СПб., 1897. Т. 3. С. 461.

** Брикнер А. История Петра Великого. СПб., 1882. Т. IV. С. 459.

*** Журнал Петра Великого. СПб., 1770. Ч. I. С. 217.

россии, Бородавка сделалась военным поселением елисаветградского пикинёного полка, сперва осьмой, а потом десятой роты. Во время нападения на новороссийский край татар, в 1768 и 1769 годах, Бородавка спасена была командром Яковом Диком и Григорием Бутовичем. В 1771 году Бородавку посетила страшная болезнь, чума, прекратившаяся по молитвам жителей святой великомученице Варвары. Вследствие этого, в 1781 году, в селе Бородавке заложена была новая церковь, вместо старой обветшавшей, во имя прп. Покрова и великомученицы Варвары, а с 1788 года и святых архангелов. В 1787 году село Бородавка описывается в таких словах: «Селение Орлянск или ныне называемая Бородавка, стоящая на ровном и песчаном займище, расстоянием от Днепра версты на две или на три. Строение в ней весьма хорошее, снаружи выбеленное половина белою, другая красною глиной, доставаемыми здесь по близости из буераков; сверху крыши соломою, на голландский образец; весьма плотно и ровно. Улица одна широкая идёт через все селение; равным образом дворы около домов пространные и все были наполнены складами хлеба. Домы сверх того усажены вокруг деревами от жителей нарочно посаженными, а у иных есть и особливые огороды, в коих молодые деревца для рассаживания выращивают... В слободе, так как и в других государственных селениях, есть церковь и смотрительская канцелярия. Okolo слободы много было ветреных мельниц, кои равным образом по способности своей и утютиности достойны примечания... Походит она (мельница) некоторым образом на голландскую ветреную мельницу, но легче можно перевозить с места на место, и что у неё всё строение на столбе поворачивается, а не одна крыша, как у голландской»*.

В церкви села Бородавки сохранилось в настоящее время довольно много запорожских вещей: чащ, икон и книг. Из них можно отметить следующие. Евангелие, напечатанное в Киеве, в 1746 году, с надписью: «Сию книгу глаголемую священное евангелие отменил раб божий Симеон Латиш козак Сечи Запорожской курсия Кальни-болонского в церковь покров Богоматере в слободу Бородавку за отпущение грехов своих во вечное к той же церкви владение 1761 года месяца апреля 8 дня. А цена оному евангелию девятнадцать рублей

* Зус В. Путешественные записки. СПб., 1787. С. 247.

лей». Евангелие той же печати 1747 года, с надписью: «Сие евангелие новопоселенного казачего полку слободи Бородавки житель Афанасий Шекеренко купил ценою за сем рублей до храму Покрова пресвятая Богородица 1754 году декабря 21 дня». Евангелие московской печати 1766 года, с надписью: «1773 году мая 20 д(ня) составленное сие евангелие рабом божиим козаком войска запорожского Низового куреня нижестеблиевского Луяном Белим за собственнико умершаго брата его того ж куреня Павла Нося за деньги ценою за сто двадцать рублей в церкви покрова пресвятая Богоматере в роту осьмую Бородавскую и ими прежде писаниими козаками врученное». Евангелие той же печати 1786 года, с надписью: «Сие святое евангелие козака куреня криловского Илии Василиева се есть вера отмены в церковь трепрестолную Покрова Богоматери в слободу Бородавку о своем спасении 1789 году июня дня за оное данно сто пятьдесят рублей». Служебник с надписью: «Сия книга глаголема служебник купленная... до церкви покрова Богоматере в слободу Бородавку сотником Нестором Дмитриевым Войновичем, 1758 года апреля дня. Деяния апостольские с надписью: «1756 года месяца июля 20 дня я раб божий Филип Бутенко купил сию книгу глаголемую Апостол в церковь покров пресвятая Богородицы в слободу Бородавку ценою за два рубли и пятьдесят копеек да не присвоит же кто либо оную себе будет бо наказан». Из утвари интересны чаша и дискос. «Сия чаша сделанная коштом войскового пушкаря Ивана Смолы в церковь покровскую бородавскую старанием ерея Гавриила Щ» (т. е. Щастливцева). «Сий дискос: и з(везда) зделана коштом бывшого войскового пушкара Ивана п: Смолы слободи Бородавки у церковь Покров пресвятая Богоматере: за отпуще грехов своих станием (старанием) ирея Гавриила Щастливцева». Кроме всего этого следует отметить ещё икону, изображающую Господа Савиофа, писанную на полотне и прибитую над престолом предела Варвары великомученицы; тут же икону снятия со креста Спасителя, на стене против алтаря, серебряного ангела на серебряной привеске, икону Св. великомученицы Варвары, в алтаре Покрова, и две хоругви с изображением Варвары и архангела Михаила. Наконец, ко всему этому две большие связки дел, каждая в четверть толщины, со времён императрицы Елизаветы Петровны.

На четыре версты ниже села Бородавки расположено село Глинское, иначе Домоткань, на речке Домотканы, против островов

среди Днепра: Глинского, Спорного и Старова. Основание села Домоткани относится уже к 1696 году. В 1756 году в Домоткань устроена была уже и церковь, во имя архистратига Михаила*, а вместе с ней и земляная крепость**. У запорожцев Домоткань известна была как место ярмарки, куда они сгоняли для продажи скот киевским и кременчугским торговцам. В своё время она была причислена к елизаветградскому пикинерному полку, к одиннадцатой роте. В 1799 году первая церковь села Домоткань сгорела и на её место велено было выстроить новую. Из древностей в церкви села Глинского только и есть: евангелие московской печати 1746 года, две иконы: св. Николая и Бога Вседержителя да две хоругви, в яршинах квадраты каждая. Из всех сёл от Крюкова и до Екатеринослава Глинское с его церковью — одно из самых беднейших.

На четверть версты ниже села впадает в Днепр с правой стороны речка Домоткань, о которой писал Боплан, что в ней водилось множество больших раков, в девять дюймов величиною, и кроме раков превкусные чилики***. Близ речки Домоткань в 1594 году спутники Эриха Ласоты напились на медведя, который и был ими застрелен****. Речка Домоткань берёт своё начало близ села Елизавет-Семёновки, Верхне-Днепровского уезда, идёт мимо сёл Андреенки, Акимовки и впадает в Днепр под селом Глинским. Всего течения Домоткань около 35 вёрст.

На пять вёрст ниже Глинского стоит село Пушкировка, получившее своё название, по преданию, от первого основателя его, казака, служившего в Сичи пушкарем, между речками Домотканью и Самотканью и против острова Песчаного на Днепре. Первая церковь здесь построена в 1781 году; она простояла девяносто семь лет, а потом 11 августа 1878 года была обворована, а 24 декабря того же года подожжена. Из древностей только и есть одно евангелие, напечатанное в Москве, в 1760 году. Пушкировка — последнее село Верх-

* Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской губернии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Екатеринослав, 1880. Ч. I. С. 278; по Г. Миллеру, первая церковь устроена здесь между 1740 — 1745 гг. Материалы М., 1848. С. 76.

** Зуб В. Путешественные записки. СПб., 1787. С. 249.

*** Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 17.

**** Ласота З. Путевые записки. СПб., 1873. С. 54.

не-Днепровского уезда, с левой стороны, за которым уже начинается самый город Верхне-Днепровск.

Город Верхне-Днепровск стоит на реке Самоткань, в двух верстах от впадения её в Днепр. Речка Самоткань с окружающею её местностью известна была уже в XVI и XVII веке разным путешественникам, проезжавшим близ неё. По теперешнему она начинается верстах в тридцати выше города Верхне-Днепровска, близ Больных хуторов, идёт между сёл Павловкой, Ивановским, Ново-Григорьевской, Богодаровкой, потом через самый Верхне-Днепровск и впадает в Днепр с правой стороны. Не в далёком прошлом места близ Самоткань славились своим обилием и растительностью. «Здесь находятся многие озёра, столь обильные рыбой, что она, умирая от тесноты, заражает гниением своим воздух и стоячую воду озёр. Места эти называются Самокань (т. е. Самоткань). Вокруг озёр я заметил малорослые вишни в два с половиной фута высотою, которые в начале августа приносят довольно сладкие плоды, величиною в сливу. По полям Самокана, особенно же по лощинам, встречаются целые леса вишневых деревьев, небольшие, но весьма частые, алиною иногда более полукилометра, а шириной от двухсот до трёхсот шагов; летом вид их прелестен. Там же растёт множество диких, малорослых миндалевых деревьев, с горькими плодами; но они не составляют лесочек подобно вишням, коих вкусные плоды не уступают садовым»*. От этого неудивительно, что эти места уже в 1680 году были избранны запорожцами для своих поселений. Запорожцы здесь жили до самого уничтожения Сичи, после чего местность по речке Самоткань досталась князю Григорию Александровичу Потёмкину, который основал здесь село своего имени Новогригорьевку. Впоследствии (1785 году) он передал это село в казённое ведомство и предназначил его для поселения отставных семейных солдат, отчего село стало именоваться государственною воинской свободою. Два года спустя, к поселенным солдатам в Новогригорьевке присоединено было ещё несколько переселенцев от реки Буга, «семейных отставных разных чинов людей». В 1793 году здесь заложена была первая церковь во имя равноапостольных Константина и Елены. После переименования Новороссийской губернии в

* Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 16.

Екатеринославскую, село Новогригорьевка переименовано было с 1813 года в уездный город Верхне-Днепровск. В настоящее время это едва ли не самый худший город из всех уездных городов Екатеринославской губернии. В нём одна единственная церковь; улицы в летнее время страшно пыльны, в зимнее время страшно грязны, речка Самоткань обратилась в сухой ров, близ города – ни илки леса.

Из островов, находящихся на Днепре против г. Верхне-Днепровска, замечателен остров Жуков, расположенный как раз против устья р. Самоткани, к левому берегу, и имеющий около трех верст длины.²⁶

Вёрст на двадцать ниже Верхне-Днепровска вниз по течению Днепра стоит село Шошиновка, у запорожцев называемое Шуринкой. Между запорожцами селение Шуринка славилось отлично устроенным здесь рыбными ловлями и семёновской ярмаркой, первого сентября, на которую съезжались киевские и кременчугские купцы для покупки рыбы и скота. С падением Сичи урочище Шуринка отдано было подполковнику Днепровского пикинерного полка²⁷ Якову Шошину, устроившему здесь и первую церковь в 1783 году, во имя Божьей Матери Казанской. В настоящее время село Шошиновка – самое беднейшее на всём правом побережье Днепра от Крюкова и до Екатеринослава. В церкви его никаких древностей, кроме пяти церковно-богослужебных книг, из коих самая старая напечатана в 1757 году в Москве. Зато местоположение этого села превосходное: оно лежит по страшно высокому берегу Днепра, покрытому вековечными дубами и окаймленному с западной стороны прекрасным строевым лесом, идущим снизу вверх по-над Днепром версты на четыре и принадлежащим владельцу П. А. Базилевскому. На самом верху кругого берега стоит миниатюрная церковница, Бог весть какою силой поддерживаемая на такой высоте: так и кажется, вот-вот схватится буря и унесёт её в Днепр, а она всё-таки стоит себе и стоит, и тут же ниже её, у подножия гористого берега, пристоялся микроскопический домик симпатичнейшего, бескорыстнейшего и образованного священника отца Фёдора Свириденка. Если подняться по высокому берегу к церкви и тут ступить лицом на север, то можно увидеть Днепр во всей его прелести: несётся он, пышный, по песчано-жёлтому руслу, среди мягкой зелени лесов, отражая в своих светлых водах яркие лучи солнца... Отсюда, как с птичьего полёта,

видны и забора Пристань²⁸, и остров Великий²⁹, и деревня Губина, и хутор Корбе.

Село Шошиновка, по народным преданиям, было конечным пунктом путешествия императрицы Екатерины II по Днепру*. По причине весенних непостоянных истров и ненастной погоды, доскав до имения Шошиновки, она должна была выйти на берег, сесть в раззолоченную карету и всё остальное время ехать по правому берегу Днепра пролегавшим здесь трактом, сопровождая свою флотилию, движавшуюся по Днепру. Крестьяне села Шошиновки и до сих пор рассказывают, как царица вышла на берег Днепра, какая страшная сила народа сюда собралась, какая блестящая свита генералов сопровождала её и как ласково и кротко она разговаривала с людьми, но больше всего говорят о том, как долго восхищалась она прекрасным береговым видом Днепра.

На три версты ниже села Шошиновки стоит село Аулы²⁹ (с татарского на русский значит «кочевое селение»), уже Екатеринославского уезда, расположенное против косы Голой и забор Кобылячей и Аульской селни Днепра. Село это до 1797 года причислено было к Романкову, а с этого года – к Шошиновке. Первая церковь в нём устроена в 1816 году, и потому из древних вещей в ней решительно нет ничего, кроме одной книги оконоиха, напечатанной в Москве, в 1756 году, с надписью: «Сии дава (для) оконоих тим же козаком Антоном Белопапкою куреня Ивановского (т. е. Ивановского) куплены також за пять рублей и пручил их до церкви успения Богоматере. При том же козаку Лукияну Льзову Конеловскому (т. е. Конеловского куреня) и при ктитору Василю Костенку и ключнику Тимошу».

За Аулями непосредственно следует село Романково. Село Романково – одно из самых известнейших запорожских сёл на всём правом побережье Днепра, начиная от верхних пределов Запорожья и кончая нижними. Впрочем, начало села Романкова не поднимается ранее второй половины XVII века, так как ни в XVI веке, ни в первой половине XVII его ещё не было. Боплан, живший на Украине от 1620 по 1637 год, упоминает лишь о Романковом кургане, на

* Из записок современников видно, что императрица вышла из Днепра на берег через час времени после того, как отплыла от слободы Григорьевки // Киевская старина. 1891. Т. 34. С. 38.

котором козаки имели обыкновение держать свои рады и собирать войско*. Между прочим на одной из рад, бывших на Романковом кургане, запорожцы, в марте месяце 1659 года, решали вопрос о построении церкви в Сичи, на речке Чортомлык, правом притоке Днепра, ниже теперешнего местечка Никополя. Несомненно, что название села заимствовано от кургана Романково, но почему же сам курган получил это название? Письменных актов на то не имеется, и местные старожилы, каков например Платон Завгородний, отвечают на этот вопрос преданием: «Тут жив запорожец Роман». Собственно Романков курган не один, а целых двенадцать; они расположены правильным кругом с небольшою площадью в средине, по теперешнему близ ветрянки крестьянина Степана Салмая. Во всём Романкове нет лучше и нет красивее места, как место, где стоят названные курганы. Если взойти на них в ясный день и взглянуть на север и восток, то отсюда можно увидеть село Петриковку, за семнадцать верст от Романкова, и село Новый-Кодак, за двадцать верст. Немудрено, что здесь часто собирались запорожцы. Что за картина была здесь во время рады, можно только вообразить себе: чистое, безоблачное небо, вольная бесконечная степь, широкий синеватого оттенка Днепр, мужественные загорелые лица, роскошные усы, длинные чубы, бритые головы, красные жупаны, блестящие сабли, булавы, перначи, бунчуки, вольная речь, говор, смех – всё это сливалось в одну общую, живую, полную и в своём роде единственную картину... Но всё прошло! «Де це наші, наші діти? Де панують бенкетують?.. Вернітесь!».

Первая церковь в селе Романковом устроена была около 1740 года, на Романковом кургане, во имя святителя Николая. Это была подвижная церковь, сделанная на колёсах и, по внешнему виду, походившая на «хлипину». Вторая церковь построена в 1766 году на так называемой Зaborе, нижней окраине села, к востоку от настоящей, на четверть версты от Днепра, в центре тогдашнего села Романкова. Она сделана была из соснового дерева, покрыта гонтом, низка, с одним куполом, некрашена, на вид «присалкувата нечернечкою». При ней стояла деревянная колокольня, крытая гонтом, высоты до 15 сажень, с пятью башнями, некрашеная. На каждой из четы-

рёх сторон колокольни стоял ангел на жестяном с петлями, как в дверях, пруте, с трубой, вставленной в левую руку и приложенной ко рту; на средней башне стоял апостол Андрей с крестом в правой руке и со свитком в левой, на котором было написано: «На сих горах процветает благодать божия». При движении ветра ангелы поворачивались из стороны в сторону, а трубы их издавали звуки: «Кругом двері его гоняе, а воно й грає». Церковь эта просуществовала до 1793 года; после чего была разобрана и продана в соседнее село Ивановку, на р. Сухой-Суре, в двадцати-пяти верстах от Романкова, помещику Семёновичу, где в 1855 году сгорела от пожара. А колокольня от этой церкви перекочена была на катках к настоящей церкви, где простояла до 1827 года. На месте этой церкви стоит теперь каменная капличка, в огороде крестьянина Фёдора Нимченка. В 1865 году эта капличка была разрыта одесским археологом Чириковым⁴. При раскопке найден, на глубине полутора саженей кусок дерева, повидимому остаток от того деревянного креста, который поставлен был при заложении церкви. Вместе с куском дерева найдено стальное копьё, длины три с половиной вершка, для вырезывания частиц просфор. Из раскопок также видно было, что церковь стояла на низкожном фундаменте, что под у неё был земляной, смазанный глиной.

После второй церкви устроена была в Романкове, в 1792 году, третья трех-престольная: во имя Успения посередине, во имя святителя Николая справа и во имя апостола Андрея слева.

В настоящей церкви хранится несколько вещей, переданных в неё из древней. Таковы: евангелие московской печати 1759 года, аршин длины, двенадцать вершков ширинны, большие двух пудов веса, с надписью, сделанной по листам внизу: «Сия книга, глаголемая евангелие, купленна рабом божиим Савкою Соломкою за покойного Макара, лядка своего, ценою за триста шестьдесят рублей в церковь романковскую Свято Успенскую 1779 года, ноября 9 дня за памяти священников при оной церкви упомянутого года находящихся Ефимия Сербина, Иоанна Семенова и ктитарей Иоанна Серого и Григория Недождя». Крест резной, в серебряной оправе, с надписью: «Сей крест надал козак Сече Запорожской куреня Шкуринского Мартин Сила до храму успения пресвятой богородицы в селе Романков 1758 году». Такой же крест с надписью: «Отменил сей крест козак куреня Сергиевского Леско Чорный в церковь романковскую пресвятая богоматерь за упокой родителей Василия, Агафии и

* Богдан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 17.

старанием иеря Феодора Щетинского 1777 года августа 10 дня». Такой же крест с надписью: «Сей крест отменил Алексей Гнедий в церкви романковскую за 55 ру(блей)». Триодь постная, киевской печати, в царствование императора Петра III, с надписью: «Богоматере в селе Романково книга триодь постная куплена козаком куреня Титаровского Ильею Харкуном ценою за чтири рубли до храму Успения 1762 года». Из книг кроме триоди есть еще: евангелие московской печати 1745 года, книга Симфония^{*} той же печати, 1761 года, книга Маргарит^{**} 1773 года.

Против Романкова среди Днепра протянулась забора Косова и за ней остров Великий, как раз против церкви села, имеющей длины около двух вёрст. Это тот самый остров Романков, о котором упоминает ещё Боплан: он служил пристанищем для рыбаков, писавших из Киева и других мест ватагами для ловли рыбы*. В конце XVII века, как видно из акта 1689 года, остров Романков принадлежал Лубенскому Мгарскому монастырю, потому что на этом острове был от монастыря «стан» для рыбных ловель**.

В старину против острова Романкова с правой стороны впадало в Днепр речице Медвежье, понад которым вверх тянулся огромный лес. А навстречу шла балка Кислицына. Это место было облюбовано гайдамаками^{***}. Много «шкоды» делали людям эти гайдамаки. Как едет человек по шляху, так он вылезет из лесу, сядет на дороге, подложит ноги под колёса, да и сидит, хочешь езжай, хочешь стой; поедешь – убьёт, не поедешь – плати деньги. А что жидали от них доставалось? Беда! «Іхав жид із ярмарку, – рассказывает старик Платон Завгородний, – та й став коло ліску напувати коній. А тут вилазе із байрака с кіюрою гайдамака. Поставив кій перед жидом та й каже: «Купи, жиде, кій!» – «А напо він міні?» А той як підніме кійок та по плечах жида. «Купи, жиде, кій!» – «Не шуткуй, я його куплю, я бачу, що він міні треба. Шо він у тебе стойть?» – «П'ятдесят карбованців». – «Ну, я бачу, що він стойть, бери гроши». Отдав жид гроши, а кійок скоронив у віз, та й поїхав додому. Приїхав додому, коли це нискочилася жида від глядять, що жид привіз. Побачила кійок та й пита: «Шо це таке?» – «Кійок!» – «А де ти його взяв?» – «Купив». – «А що

* Богдан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 17.

** Акты ЮЗР. СПб., 1867. Т. 5. С. 223.

ти за нього даді?» – «П'ятдесят карбованців». – «Шо ти здурив?» – «Цить, серие, як би ти там було, то ти б і сто дало».

От Романкова и до самого Екатеринослава тянутся одно за другим шесть сёл, настолько слившимся одно с другим, что их можно принять за одно сплошное громадное село. У запорожцев здесь сделаны были в разных местах ходы и лёхи, в которых они хоронили своё добро и сами прятались на случай внезапных набегов со стороны неприятелей. Первое из таких сёл, стоящее на семь верст ниже Романкова, есть село Камянское, назнанное по скалам, разбросанным против него у берега Днепра и расположенные против большого острова среди Днепра, Слюсарева. Это село издавна принадлежало к вольностям запорожских казаков, но первая церковь, во имя Пресвятой Богородицы, устроена в нём не ранее второй половины XVIII века. В виде остатков старины в этой церкви хранятся: чаша, серебряная, позлащённая, пожертвованная в 1777 году войсковым старшиной Лукьянном Ивановичем Великим; дискос, купленный в 1795 году Степаном Качаном; напрестольный крест, резной, в серебряной оправе, и серебряная гробница, сооружённая войсковым старшиной Макаром Ногаем в 1779 году; блюдо для всеночного бдения и шесть перковно-служебных книг, из коих четыре имеют следующие интересные надписи: «Куплена сия книга Деяний святых апостол рабом божиим Савою и братамы его Иоанном и Антоном Сечи запорожской казаками куреня Брюховецкаго ценою за три рубле и отдале оную в храм рождества Пресвятыи Богородицы находячогося в селе Камянке в области Сечи запорожской за священника отца Демьяна Иванова и другого священника отца Власия Нестерова и будучих в то время ктиторей Якова Манжеловского и Василия Иванова 1757 году декабря 28 дня». «Сия книга, глаголемая менея, куплена козаком куреня кущевского Федором Бабкою за цену два рубле и пятьдесят копеек до церкви рождества богоматере в селе Камянское волностей запорожских во вечное владение дабы от оной церкви не отлучать. 1759 года июня 12 дня августа 1». «Сия книга, глаголемая октоих, куплена козаком куреня ведмедовского Иаковом Безрукавим до храму рождества пресвятыи богородици, которая книга священнiku Демьяну Иванову вручена при свидетелю ктитору Евстафию Кравченку, Михайлу Глеменку да Якиму Снежку 1769 года марта 29». «Сия книга, глаголемая афалогион, куплена в богоспасаемом граде Киеве козаком куреня тимошевского Евстафи-

см Пестом денежю за цену рублей за 12 и 50 копеек вольность запорожскую в село Каменское до храму рождества богородицы во вечное владение и чтоб как и священников, також и дьячков и ис прочих людей никакой продажности не имели и не причит[...] во вечное владение в церковь отдано и записано при той же церкви ктитору Максиму Чорному запорожской». Все четыре книги печати киевской.

Смежно с селом Каминским находится село Тригузное, расположеннное по возвышенности правого берега Днепра, против острова Гречаного и заборы Речицкой, находящихся в реке. По объяснению старожилов, село получило своё название от запорожца-гнездока Данила Семененка. «П'янікуватий був чоловік, як нап'єтия, так і кричить: «О, у мене три сини, як три тузи, я на синів, як на тузів надіюсь!» То й прозвали его Тригузом, а по нему й село Тригузним». Село Тригузное принадлежало к Кодацкой паланке, и первая церковь основана здесь в 1784 году, что видно из указа, хранящегося в настоящее время в церкви, подписанного преосвященным Иовом и заведенного в номер 3909. Вторая церковь заложена в 1820 году на место сгоревшей. В настоящей церкви из древностей, кроме названного указа пр. Иова, есть еще четыре церковно-богослужебных книги черниговской, московской и петербургской печати, из коих одна имеет такую надпись: «Сия книга, глаголемая октоих, ставшая раба божия Павла Писменного товарища куреня никуринского умершаго року 1768 году марта в 6 день».

Непосредственно ниже села Тригузного стоит село Карнауховка, против острова Просереда и забор Ясеноватой и Липовой в Днепре. Она получила своё название от запорожского козака Семёна Карнауха, жившего здесь зимовником и приспавшегося к новокодакому приходу. А прозван он был Карнаухом потому, что был безух: «чи на войне одрубали, чи на морозі поостмерзали». Основание села положено в 1737 году. Спустя немного после этого времени в нём устроена была первая деревянная церковь, вроде молитвенно-го домика, по преданию крытого камышом. В 1771 и 1772 годах в село Карнауховку проникла моровая язва, и тогда жители её, по внушению монаха Ивана Кайдапы*, устроили у себя икону Святой

великомученицы Варвары и перед ней просили у Бога защиты от губительной смерти. После этого, когда моровое поветрие миновало, жители Карнауховки обратились в Запорожский Кош, а через него в старокодакое духовное управление о дозволении им построить новую церковь, во имя избавительницы от смерти Варвары, в своём селе. Кошевою атаман, Пётр Иванович Калнишевский, с воинским старшиною обратился по этому поводу к митрополиту киевскому Гавриилу с официальной бумагой, на что митрополит отвечал дозволением о построении в селе Карнауховке желаемой козаками церкви. Место для церкви освящено в 1773 году, 18 августа, и первыми священниками к ней посвящены были козак куреня Каневского, Василий Трофимович Удовицкий, и козак того же куреня Иеремия Леонтович. Церковь устроена была деревянная, о пяти главах, освящена через два года после основания и существовала до 1858 года, когда внезапно была разрушена сильной бурей. В 1861 году устроена была третья церковь, существовавшая до 1886 года и сгоревшая от случившегося в ней пожара.

Из древних вещей, теперь хранящихся в соседнем селе Таромском, достойны внимания следующие. Евангелие, московской печати 1771 года, с надписью на странице 425 месячеслова: «Месяца марта 29 числа 1775 года сотворенная вновь в Карнауховке церковь Свято-Варваринская* освящена священником старокодакским Григорием Порохнёво соборне по благословению Киевского митрополита Гавриила первого. Тоже церкви первый настоятель священник Василий Удовицкий. Второй настоятель священник Иеремия Леонтович». Евангелие второе, печати киевской 1771 года, с надписью по листам: «Сию книгу священное евангелие отменил раб божий куреня каневского товарищ Карп Дурдаук о своем здравии и за отпущение грехов и за покойных родителей своих Евстафия и Марии до храму святого великомученицы Варвары в село Карнауховку 1774 году февраля 12». Евангелие третье, московской печати 1771 года, с надписью по листам: «Сию книгу Евангелие отменил раб божий житель новокодакский Иоан Резниченко о своем здравии и супруги своей Екатерине и за упокой померших Иоана, Стефаниды родителей и померших же сродников Колрадя (Кодрата) Акилини, Иосифа,

* См. о нем: Феодосий (Макаровский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880. Т. I. С. 82.

* Вторая по времени.

Корнея и Феодосия к церкви святого великомученицы христовой Варвары в село Карноуховку волностей запорожских 1775 году сентября 20. Притом бывших нередко той же церкви Василию Удовицкому и ктитору Тишку Рибальке и прихожанах Иоану Забару и Лаврену Соколовскому и клушнику Василю По [...]». Евангелие четвертое, московской печати 1785 года, с надписью: «Отменил раб божий бывшой козак Влас Иванов сын Кривой... Сия книга Евангелие в простом переплете в городе Полтаве у мещанина Кирилла Ивановича куплена за семь рублей к церкви Карноуховской святыи Варваринской, состоящей в уезде Екатеринославском на концѣ тамошняго прихожанина Власа Иванова кривого. Записал и договорил оправить серебром показанной церкви священник Василий Удовицкий 1785 года июня 23 дня». Серебряная позлащенная чаша. «Сию чашу, дискос, звездицу и лжи (ложицу) отменил раб божий товарищ кур(еня) каневского Роман Строцинский за себе и за померших родителей Федора и Мелании в село Карноуховку до храму святого великомученицы Варвары 1775 года месяца октября 1 числа». Другая чаша, серебряная позлащенная: «Сию чашу отменил раб божий Стефан Самсика о себе и за впокой родителей Нестора и Ефимию до храму великомученицы Варвары в село Карноуховку 1777 года». Серебряная позлащенная дарохранительница с надписью: «1777 года: Зделана: Сия Гробница до храму в: м: Варвари в село Карноуховку Кузмою Афанасиечем за покойного Лукина б: (бывшаго) воиска Запорозкого куреня каневского за священико(в) Василия и Веремия». Крест напрестольный, весь серебряный с пятью камнями, больше трёх четвертей высоты, с надписью: «Сей крест отменил Влас Кривой о своем здравии а за упокой родителей Иоанн(а) и Агринину в село Карноуховку до храму великомученицы Варвары 1775 году октября». Крест напрестольный, резной в серебряной оправе, высоты несколько больше трёх четвертей. «Сей крест сооружил раб божий Дмитрий на брачие убиении до храму святого великомученицы Варвары в слободу Кореукову а старанием атамана Ефрема Иванови(ча) каневского 1771 года месяца сентябрь 19 числа». Такой же крест с надписью: «1775 года сооружен крест сей в село Карно-

уховку до храму святой великомученицы Варвары концом козака каневского Якима Мякого»*.

Непосредственно ниже села Карноуховки следует село Тарамское, раскинувшееся между Днепром и высоким, почти отвесным, правым берегом его, по которому идёт от юга к северу балка Козырева. Вместе с Шошиновским берегом Днепра это – превосходнейшее место на всём протяжении его от Крюкова и до самых порогов. Разница между этими двумя местами одного и того же берега та, что берег у Шошиновки хотя и высок, но не так крут, к тому же он покрыт лесом и даёт мягкое впечатление, тогда как берег у Тарамского почти отвесен, открыт и производит впечатление громадной горы, придинувшейся к берегу Днепра и далеко впавшей в него. Издали вся эта гора кажется колоссальнейшим мысом или по-малорусски рогом, известным у теперешних крестьян под общим названием Высокой горы. У Бондана эта гора называется Тарентским рогом. «Никогда не видел я, – пишет он, – места прекраснее для жития и удобнее для построения крепости, которая бы могла обстреливать Днепр, свободно здесь текущий, шириню не более двухсот шагов, помнится, что пуля из карабина моего долетала до противоположного берега, который несколько выше и называется Высокая гора (Soco gura). К удобствам Тарентского рога можно присоединить ещё и то, что он окружён каналами, наполненными рыбой»**.

На Днепре, против села Тарамского, следуют³⁰ сверху вниз остров Пидмижевий, принадлежащий частию таромцам, частию карноуховцам, ниже острова забора Кульмичевска, против двора священника, за ней заборы Недоступова, Вовча, за Вовчей заборой остров Погорелый³¹, далее заборы Рваная и Белая, залив Сомивака³² и против него «густа» Сомивская забора.

Урочище Тарамское с балкой Козыревой считалось у запорожцев одним из древнейших земель, принадлежавших к заново-кодашкой паланке. В 1764 году урочище Тарамское объявлено было государственною воинскою слободою, а в 1794 году здесь освящена была первая церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В настоящее время эта церковь считается одною из беднейших по части

* Эти надписи, напечатанные в брошюре «Селение Карноуховка» (Екатеринослав, 1876. С. 9 – 11) священника Иоанна Чорного неизвестны и неточны.

** Бондан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 17.

древностей: кроме двух церковно-богослужебных книг, да и то конца XVIII века, в ней ничего нет достопримечательного.

За селом Таромским следует село Сухаченка, расположеннное у берега Днепра, против островов Баранченкова, среди реки, и Чайчина, к левому берегу её. «Тут жив запорожець-чумак, Іван Сохач; багатенький був возів по шість, по вісім у дорогу споряджав». Сохач был и первым колонизатором этого села, населивши его выходцами из-под Сорок и Кобеляк, по преномуству родственниками и знакомыми своими. После уничтожения Сичи, здесь немало оселось и собственно запорожских казаков. После объявления слободы Половицы губернским городом Екатеринославом, часть крестьян её, по распоряжению начальства, отведена была для жительства по окличным селениям; тогда и в селение Сухачевку прибыли новые поселенцы; они перенесли с собой упразднённую церковь из Половицы в Сухаченку Казанской Божьей Матери; однако, спустя немного времени, нашли более целесообразным устроить у себя новую церковь, во имя апостола Иоанна Богослова, освящение которой состоялось 23 сентября 1795 года; впоследствии к ней прибавлена была колокольня и перенесены были иконостас, маза и ризы из молитвенного дома, бывшего в слободе Половице, до объявления её Екатеринославом. В настоящее время нигде нет такой бедности по части древностей, как в Сухачевке: в ней есть одна единственная книга Цветная триодь, напечатанная в черниговской типографии, при архимандрите Сильвестре, в 1753 году.

Смежно с селом Сухачевкой стоит село Днівка, разделяющееся на собственно Днівку и Ростыковку и расположеннное по тому же правому берегу Днепра против острова Порошного, иначе Спорного, имеющего в длину до трёх верст. «Дійовка звєтця від того, що тут жив запорожець Максим Дій, по торговій часті, а Ростиківка – жив запорожець Ростика». Документально известным урочищем Дія становится уже с 1755 года. Максим Дій сперва служил запорожским войсковым старшиной, потом с дозволения новокодакского полковника, занял себе землю около Нового-Кодака, вызвал своих родных из-под города Конотопа и завёл обширный зимовник, послуживший началом села Днівки. С течением времени в Днівку перешла и часть жителей Нового-Кодака, когда сюда переселились обитатели города Екатеринослава I-го. В 1798 году Днівка объявлена была государственною казенной слободою, а в 1803 году в ней устроен был

временный деревянный молитвенный дом, впредь до окончания каменной церкви во имя Воздвижения честного креста. Из древностей в церкви села Днівки сохранились только те, которые были перенесены сюда из Нового-Кодака. Таковы: евангелие, один аршин высоты, три четверти аршина шириной, московской печати 1759 года; чаша серебряная позлащённая с надписью: «Сия чаша Максима Герасимовича Журби и жены его Анны Михайловны и чад их сооружила от своих трудов до церкви николаевской новокодакской ради спасения и всегдашнего поминования»; напрестольный крест, резной в серебряной оправе с надписью: «Сей крест старанием и коштом козака куреня поношевского Василия Урского за упокой рабов родителей своих Романа, Евдокию, Ивана и Федора. Местечко Ново Кодакий до храму Николая 1726 году месяца геваря 30; икона Николая Чудотворца в серебряной шкатулке с надписью на ней: «Сия шкатулка зделана коштом и старанием Максима Герасимовича Журби козака и жителя новокодакского 1772 года месяца декабря 2 дня»; здесь же ещё четыре боковые иконы в серебряных шатах, сделанных тем же Журбою. Из книг, кроме упомянутого евангелия, имеются еще две: миця и служебник старой печати киевской 1750 года.

Из урочищ села Днівки замечательны: Сичова-гора, городок и балка Безп'ята, за могилой Робленной. Сичова-гора названа от того, что там запорожцы «сильно вибивали ляхів; як було ореш на цій горі, то все голови валиются». Городок находится в трёх verstах от села Днівки, в хуторе Вонючках; «там колись жили татари». Может быть это относится к набегу татар между 1768 и 1769 годами. Балка Безп'ята, по теперешнему Кринична, получила свое наименование от того, кто в неї плодятив було чорти без'яїї.

– А від чого ті чорти звутця без'яїми?

– А от їде чого. Це діло йде ще від сотворення світу. Як Господь людій создавав, то создав він уперед теля; кинув его через ліску, воно й побігло. У другій раз создав він поросся; кинув його через ліску, воно теж побігло; у третьій раз Бог создав дитину; став її кидати через ліску, а мате за плече: «А, Господи милостивий, не кидай, бо воно маленьке, уб'єтця». – «Ну, коли тобі школа його, так ти будеш глядти его до трьох год». А чорт те все бачив та й каже: «Дай я зроблю таке, щоб его людей пойло». І зробив він вовка. Аме-аме, а він ніяк не оживе. Коли ось іде Бог, чорт і давай его питати: «Шо ти таке робиш, що тільки надмеш, киниш через ліску, а воно і побігть». – «А

кого ти зробив?» «Вовка». — «Гм, так ти оттагни його до кручі налів річку, стань у ряд з ним та й кажи: «Устань, вовче, та з'їш чорта, а сам мерци у воду і плигай!» Чорт послухавсь. Узяв вовка, притяг отсюда до Дніпра, став у ряд з ним та й каже: «Устань, вовче, та з'їш чорта! Вовк і схвативсь. Не всів чорт і в воду плигнуть, а він его за п'яти, та так і одкусив. І стали чорти без'яті. Отут у їх на балці саме збіго-вище було; за ними уже й балку прославили Без'ятою».

Последнее село, на пути от посады Крюкова до города Екатеринослава, есть Новый-Кодак, расположенный вдоль правого берега Днепра, среди зыбучих песков, против островов Насыпного и Каменского, покрытых мелкою лозой и травой. Когда возник Новый-Кодак, — сказать с точностью нельзя, так же точно, как нельзя сказать и того, почему он получил такое название. «Там жив (ниже Екатеринослава) батько Кодак, а тут (выше Екатеринослава) син Кодак». Но это так же вероятно, как батько Чут (откуда будто бы Чутугев) и сын Кермен-Чут (откуда будто бы Кременчут). Название Нового-Кодака мы не встречаем ни в XVI веке, ни в начале XVII-го, и ни Эрих Ласота, ни Бондан, ни Ригельман, ни Самовидец, ни Величко, ни даже баснослов историк Конисский ни одним словом не упоминают об нём. Нет об иём ничего и в актах Южной и Западной России. Зато о Новом-Кодаке находим подробное указание у столетнего запорожца Никиты Леонтьевича Коржа. Местечко Новый-Кодак, говорит он, существовало ещё во времена польского владычества; потом им завладели запорожские козаки и выстроили в нём небольшую деревянную, крытую соломой и камышом, церковь. Вскоре, однако, после этого весь город и выстроенная в нём церковь от происшедшего пожара обратились в пепел. Тогда запорожцы, возобновив город и устроив в нём вторую церковь, назвали его Новым-Кодаком и сделали сильную крепость. Внутри города они сделали три башни: первую внизу, при Днепре, вторую вверху, против Днепра, и третью к югу города. Снаружи они обвели весь город глубокою канавою, обставили острыми, в две лавы, на сажень от канавы, рогатками, и насыпали, вдоль канавы, вокруг всего города, земляной с четырьмя, по всем четырём углам крепости, раскатами; на всех раскатах уставили крепостные пушки, а на всех валах поставили сплетённые из лозы и насыпанные до верха землей, наподобие маковок, кошели или плетёники, имевшие

внизу ширины около аршина и вверху ширины около сажени. Эти кощели установлены были один возле другого на таком близком расстоянии, что верхние края их сходились вместе и в общем составляли как бы одно целое, а нижние оставляли некоторые щели или окна для стрельбы. Издали этот круг сплетённых кошелец казался подобием венца с коронами и служил превосходной защитой для пикетовых (бекетовых) козаков против неприятелей. Дело в том, что неприятель, пускавший пули в крепость, попадал в земляные плетёники и вовсе не попадал в козаков; напротив того, козаки, лёжа за плетёниками и оставаясь совершенно невредимыми, прекрасно попадали в неприятеля, через нижние щели или окна плетёника. Такая крепость считалась большою диковинкою в военном искусстве не только между запорожцами, но и между поляками*.

Из этого описания очевидно, что всё, что относится в летописях и актах к крепости Кодаку вообще, должно быть относимо именно к Новому-Кодаку, стоящему в настоящее время выше города Екатеринослава и против села Каменки на левом берегу Днепра. Издатель³³ «Материалов», бывший пресвященный скатериновский, Феодосий, уверяет, что Новый-Кодак существовал вместе с приходскою церковью во имя св. Николая уже в 1650 году**. Из истории А. А. Скальковского можно понять, что съё в 1656 году Запорожье разделялось на пять плафонок, в числе коих была и Кодацкая плафонка, средоточием которой был укреплённый город Новой-Кодак***. До самого конца XVIII века Новый-Кодак стоял на пути большой дороги из Батурина через Гадяч, Полтаву, Кобыляки, Переяловичи, Сичу и до самого Переяслава. Для этого через Днепр у Кодака устроена была переправа, доставлявшая её содержателям огромные доходы. Это была вторая запорожская переправа через Днепр. Отсюда несмудрено, что уже под конец XVIII века, в особенности же в начале XVIII, близ Нового-Кодака группируются так называемые запорожские гнездочки, т. е. семейные козаки, зани-

* Устное повествование Коржа. Одесса, 1842. С. 87.

** Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринослава. 1880. Т. I. С. 25.

*** Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего коша запорожского. Одесса, 1885. Ч. I. С. 31.

мавшися коневодством, скотоводством, а отчасти и хлебопашеством. Быстрый рост Нового-Кодака приостанавливается только на время от 1709 по 1734 год, когда запорожцы, после битвы под Полтавой, ушли на земли крымского хана. Но с возвращением их в Россию прежнее значение Нового-Кодака также возвращается. В делах правительствувшего сената по малороссийской экспедиции под 1747 годом апреля 26 числа, о Новом-Кодаке читаем следующее: «По представлению сотника орлянского Псла, з оной сотне из слободки Даниловки многие обыватели перешли на житло в новопоселенный запорожский Новый Кодаю». В 1750 году он уже именуется паланочным городом; в нём имеют свой местопребывание полковник, эсаул, писарь, шафарь с помещениями для них и для паланочной канцелярии; церковь его, устроенная в честь святителя Николая, именуется уже соборною.

В 1770 году в соборной Николаевской церкви нашлась и нововыплаченная икона Богоматери, подобием ахтырской чудотворной, мерою в пол-аршина с тремя вершками высоты, пол-аршина с вершком ширины, на лиевой склеиной доске, с потемневшими от пожара красками. Она стояла сперва в церквионном притворе старой Николаевской церкви Нового-Кодака, потом перешла в ризницу, из ризницы в пономарню, а из пономарни в алтарь новой Николаевской церкви, где поставлена была за престолом, в особом киоте. На ией висело более двадцати серебряных привесок. Говорили, что она творит чудеса. Тогда сам Кош сделал предписание поставить эту икону, в новом киоте, за левым клиросом, на виду всех. Но вследствии она была взята из Нового-Кодака преосвященным Евгением и перенесена в ризницу Полтавского крестовоздвиженского монастыря; отсюда перевезена в г. Екатеринослав и из Екатеринослава отправлена в Самарский пустынно-николаевский монастырь.

Однако это обстоятельство несколько не помешало дальнейшему благосостоянию ново-кодакского прихода: в 1773 году здесь было семь священников и четыре дьякона. Тогда за Новым-Кодаком считалась вся местность снизу от Ненасыщенского ретраншемента и Старого-Кодака и сверху от Каменского и Романкова. В 1777 году бывшее до этого времени в Старом-Кодаке так называемое Духовное

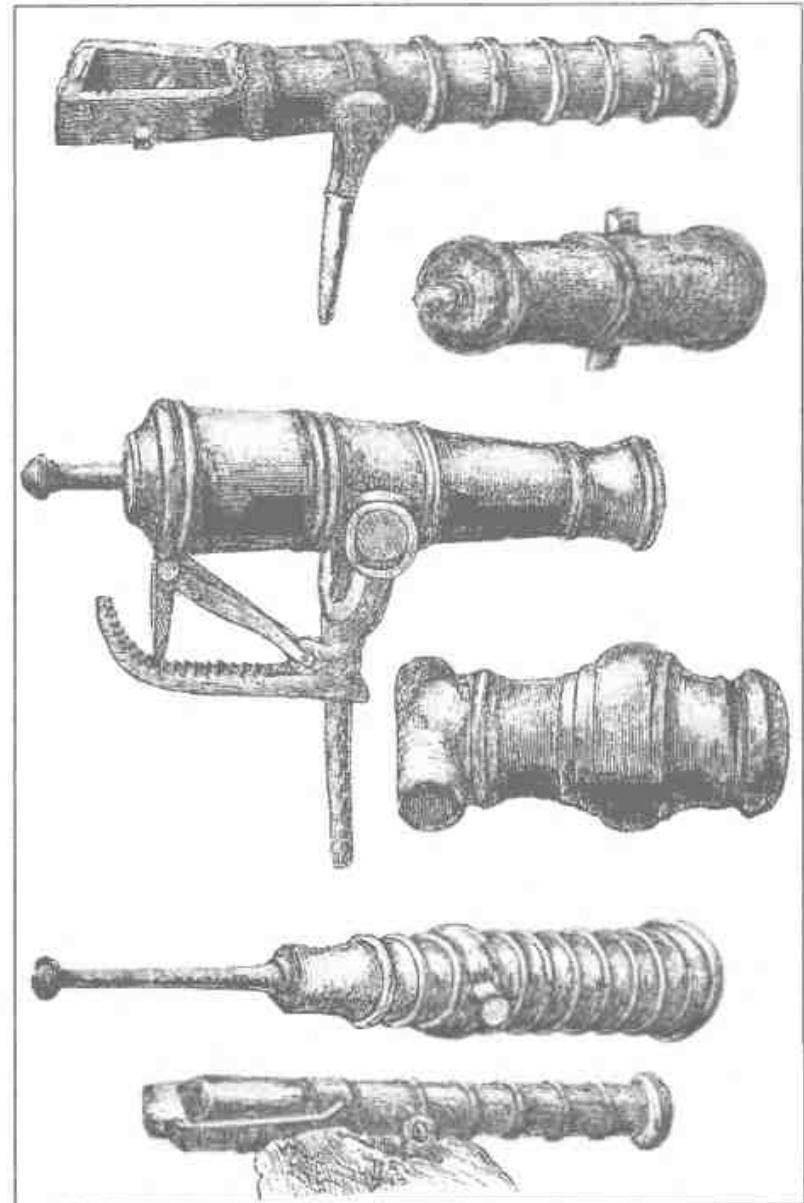
Правление заменено Правлением Славянским, а впредь, до открытия самого города Славянска, пребывание его назначено в городе Новом-Кодаке, к которому, кроме собственной церкви, приписаны были еще и другие в сёлах: Карнауховке, Камянском, Старом-Кодаке, Волошком, Покровском, Никитине, Омиловом и два ретраншемента Кинбурнский и Збуровский. С 1780 года, по распоряжению князя Г. А. Потёмкина, Новый-Кодак должен был сделаться предместьем города Екатеринослава, перенесённого с реки Самары, при впадении в неё речки Кильчени, в бывшую запорожскую слободу Половицу, и временно заменить собой этот город. Спустя два года после этого, в Новом-Кодаке возникла другая церковь во имя сошествия Св. Духа, сперва в качестве кладбищенской, потом в качестве приходской, а через одиннадцать лет к ней прибавлен придел во имя Св. Михаила, князя черниговского; спустя девять лет после этого и деревянный Николаевский собор велено было заменить каменным.

Памятниками усердия жителей Нового-Кодака к церкви служат сохранившиеся до настоящего времени разные церковные вещи, каковы: икона святителя чудотворца Николая, в серебряной ризе с надписью: «Сей блат отменил войска запорожского низового судия Николай Тимофеевич, курсия деревянинского в ново-кодакской Богоматере 1772 года мая 15 д.»; напрестольный крест, резной в серебряной оправе, с надписью: «Отменил сей крест атаман курсия незамайского Стефан Чуб в местечко Новин Кодак до храму святителя Христова Николая за вложкой Афанасия Белого и за вложкой родителя Иоанна»; напрестольный крест, сплошной серебряный, с финифтью: «Сей крест отменил бывшаго Запорожья козак Леонтий Лефсин за уложкой родителей своих Евстафия и Марии за отпущение грехов их в город Новий Кодак до храму сошествия святаго духа»; евангелие, московской печати 1760 года, с надписью: «Сия книга священное евангелие купленное в новуи Сечи запорожской за денги бывшого судии запорожского войскового Григория Якимова Лабуровского в церковь новокодакскую святителя Христова Николая ценою за сто рублей 1764 года в генваре месяце по смерти его а по обещанию еще вживих бывшого а ныне усопшим находящагося, а ежели какой худой случай Кодаку и изгнание будет, то сие евангелие приказал он Григорий вживих еще будучи в зимовнику своему состоящему, везде честному иерою новокодакскому Артемию

* Архив Министерства юстиции; дела Правительствующего сената по малороссийской экспедиции. 1742 – 1751 гг. № 130 – 1857.

Иванову из церкви взять и где придется церковь будет жить и служить оnim владеть вечно. При чем был свидетель из курсня в зимовнику покойного бывший Яков прозиваемий Якубъ; всенощное блюдо, серебринос позлащенное, с надписью: «Сие блюдо зделано коштом козака каневского Максима Комлика а старанием священника Стефана Малишевича до храму новокодакскому святыниколаевскому 1773 году; трикайръ», серебряный с надписью: «Сей подвесецник зделан коштом козака пластуновского Самула Комлика а старанием священника Стефана Малишевича до храму новокодакскому святыниколаевскому»; две ризы, одна на красном бархате с кованым из серебра оплечьем, с изображением креста на оплечье; церковный устав, московской печати 1749 года; большой часослов, московской печати 1753 года; козацкий пояс, красного цвета, изделия персидского сырцу, длины восемь аршин, ширины почти две четверти, с посеребренными концами, складывавшийся втрое. Кроме этих вещей, пожертвованных запорожскими козаками, в церкви Нового-Кодака есть еще несколько вещей, купленных другими лицами. Таковы, например: запрестольный серебряный крест высоты два аршина и три четверти, купленный в 1786 году на средства церкви завещанием протоиересев Феодора, Фомы, Иоанна Быстрицкого и Кондрата Северского; крест, купленный сыном Петра Баштанником; евангелие, пожертвованное Павлом Малым; евангелие, сделанное на средства Ивана Семергесика; служебник, пожертвованный Петром Якименком.

Уже с 1785 года Новый-Кодак стал именоваться в церковных бумагах, а с 1787 и в правительственныех, городом Екатеринославом. В это время его посетила императрица Екатерина II, когда ехала из Шошиновки в Половицу, во время своего путешествия по Новороссии. В трёх верстах около Кодака, близ корчмы запорожца Галайды, Екатерина II встретилась с австрийским императором Иосифом II, приехавшим навстречу ей через Херсон. Это было ⁷⁴ мая вечером, 1787 года.³⁵ В памяти местных старожилов это свидание императрицы с императором у корчмы Галайды ознаменовалось счастьем для последнего: высочайшею волю было освобождён от рекрутчины Галайды племянник, Лев Боровиковский, впоследствии приобретший громкое имя церковного живописца. Того же дня, приъезде в Новые-Кодаки, высокие путешественники были встречены князем Потёмкиным и губернатором Екатеринославского наместничества,



Ч. I. Рис. 1.

Пушки, собрания А.Н. Поля

И. М. Синельниковым, у триумфальных ворот, разукрашенных гирляндами цветов и золотых колосьев, с надписью большими золотыми буквами: «Твоя от твоих, тебе приносящих». Потёмкин и Синельников стояли на коленях и держали в руках хлеб-соль. Императрица поместилась в нарочно устроенном для неё временном деревянном дворце, построенном сперва в Царичанке, но потом перенесённом в Новый-Кодак. Императору отведена была квартира в доме священника Кондрата Северского. В Новом-Кодаке императрица провела весь день седьмого мая*, ожидая прибытия своих судов по Днепру. Для пристани судов, на берегу Днепра, устроена была башня, вроде колоколни, без крыши, с небольшим куполом, наподобие маяковки, вся расписанная разными цветами; из башни вёл к реке небольшой мостик. Скоро прибыли и суда. Тогда отдано было через князя Потёмкина приказание спросить у местных лоцманов, могут ли царские суда пройти через пороги. Лоцманы, осмотрев суда, отвечали, что они могут пройти, но в том случае, если в них заменить рули на стерна или оюочины, т. е. длинные, наподобие лопат, вёсла. Императрицы донесли об этом, и она дала своё согласие. После этого однако она сошла через башню на мостик к Днепру и приказала некоторым судам с приделанными стернами сделать несколько движений по реке. Приказание её было исполнено, и плававшие суда не оставляли ничего желать лучшего. Императрица осталась довольна распоряжением Потёмкина и вместе с этим пожелала знать имя атамана лоцманов. Ей назвали. Это был житель Лоцманской-Каменки, Моисей Иванович Полторацкий, при коем был и помощник, житель Старых-Кодак, Степан Кузьмич Непокрытенко.

После этого, назначив день для выхода судам к порогам, императрица возвратилась во дворец и на другой день, 9-го мая, в 9 часов утра, в сопровождении всей своей свиты, сухим путём уехала в слободу Половицу, где воздвигался город, должностновавший, по словам князя Потёмкина, прославить её имя. В то время вся Половица представляла из себя громаднейший склад разнородного строительного материала; даже предместья её были загромождены множеством камней, извести, алебастра и киринча с их заводами, а берега Днепра покрыты были плотами сплавного строевого леса.

* По словам 104-летнего запорожца Н. Л. Коржа, она пробыла в Новом-Кодаке две недели, но это не согласуется с показанием «Журнала путешествия Екатерины II» (М., 1787).

Кто и когда основал слободу Половицу, история не знает. На этот счёт существуют лишь одни предания да учёные домыслы. Половицу производили от известного древней Руси народа половцев, от первого насельника её Половика; от полуницы, в обилии росшей здесь; от полона или плаща, потому что здесь татары переправляли через Днепр пленных христиан; от полового, в смысле желтоватого, подобного цвету мякоти, каким будто бы отдавались берега Днепра, где стояла слобода; от половье, в смысле улова или полеванья, так как в лесах, принадлежавших слободе, ловили зверей; от половы: «здесь жили запорожцы-хлеборобы и у них много было половы»; от поля, так как слобода стояла в поле; от половины, потому что половина слободской земли принадлежала монастырю, и наконец от речки Половицы; но тут опять может явиться вопрос: отчего же речка Половица получила такое наименование? Ответить на этот вопрос нет возможности ввиду отсутствия каких бы то ни было указаний.

Документально известно, что начало поселения Половицы относится к 1750 году. На карте де Боксета, составленной в 1751 году, Половица помечена уже слободой. В 1768 году её посетил главный командир Новороссийской губернии генерал Исаков. В 1768 и 1769 году она осталась нетронутой во время набега татар на Малороссию; в 1779 году она состояла в Саксаганском уезде Славянской провинции. В то время слобода Половица сидела по балкам Крутенькой, впоследствии названной Бобыревой, Сухому-байраку, впоследствии Войцеховой, Кленовой и Долгой, против двух островов в Днепре: Чортова, небольшого островка, и Монастырского, большого острова. Местность, где сидела Половица, покрыта была лесом дубовым, кленовым, поросла камышом, травой, вдоль берега Днепра и по его островам. Между лесом тянулись огороды, на которых росли капуста, подсолнечники, табак. На горе, против берега, стояли ветрянки, крытые камышом, а в Днепре устроены были водяные мельницы, которые стучали и день и ночь. Самая слобода представляла из себя кучки хаток, частью деревянных, частью земляных, то там, то сям разбросанных: «хата от хаты геть-геть». Население её состояло главным образом из запорожцев, поселившихся здесь ещё до уничтожения Сичи. А потом и из тех, которые прежде жили на Гидильянской Сичи и принуждены были отсюда удалиться. Не мало было также здесь и выходцев из Польши. Жители занимались коневодством, скотоводством, обрабатывали землю, косили сено, разводили пчелу.

До 1779 года слобода Половица была приписана к соборной николаевской церкви Нового-Кодака, но в это время жители Половицы решили построить у себя собственную. Старателями по этому делу были есаулы: Лазарь Глоба, Игнат Каплун, Андрей Мандрыка, полковой хорунжий Данило Косолап, ктиторы Фёдор Крыпка и Фёдор Сок и громадский писарь Василий Кияница. Мастер был приглашен из села Каменского, Данило Деревянка. Церковь уже была окончена в 1783 году, как 6 августа этого же года, неизвестно от какой причины, загорелась и вся, кроме иконостаса, сгорела. Жители Половицы вновь начали заготовлять материалы для церкви, но, прослышив, что правительство имеет намерение на месте Половицы основать город Екатеринослав, приостановились; решено было испросить изволение о построении в слободе молитвенного дома. Дозволение было получено в 1786 году.

Между тем слухи о переименовании Половицы в Екатеринослав действительно оправдались. Екатеринослав уже раньше этого существовал. Он был основан, по мысли азовского генерал-губернатора Василия Алексеевича Черткова в 1777 году, при впадении речки Кильчени в реку Самару, в пяти верстах от теперешнего самарского моста лозово-севастопольской железной дороги. Здесь он просуществовал целых пятнадцать лет, но потом, вследствие неудобства местности, им занимаемой, подверженной постоянным наводнениям и оттого очень нездоровой, в 1780 году был перенесен к Новобогородицкой крепости, на четыре версты ниже, против теперешнего села Одинковки, Новомосковского уезда. Но отсюда город был перенесен в слободу Половицу, а пока жители его должны были располагаться в городе Нового-Кодака. Так и приступили к построению города Екатеринослава в запорожской слободе Половице. В то время лучшие места занимал здесь полковой есаул Лазарь Глоба: он был выходец из Нового-Кодака; жил он в Половице на той самой горе, против которой стоит в Днепре остров Монастырский; здесь он развел большой сад, при содействии запорожцев Никиты Коржа и Игната Каплуна. Вверх против сада красовалась рожь Коржа, а вниз от сада, в монастырском проливе, стучали две водяные мельницы Глобы. Как раз в это время в слободу Половицу прибыла императрица Екатерина II из города Нового-Кодака.

На возвышенности правого берега Днепра, там, где он, поворотив с востока на юг, образует довольно широкий и возвышенный

полуостров, устроена была из камня, среди зелени майских цветов, царская палатка с походной полковой церковью, у которой встретил великую императрицу архиепископ Екатеринославский, херсонский и таврический, Амвросий, с крестом в одной руке и с святою водою в другой. Выслушав литургию в походной церкви и приложившись ко кресту, императрица прошла к тому месту, где предложено было воздвигнуть для города собор, спустилась по ступенькам в выкопанный для фундамента ров и тут, поцеловав крест, поднесенный си преосвященным, и поклонившись на все четыре стороны народу, положила первый камень в основание соборного храма, во имя Преображения Господня в городе Екатеринославе; после неё второй камень положил светлейший князь Г. А. Потёмкин; после Потёмкина третий камень положил преосвященнейший архиепископ Амвросий и после Амвросия четвёртый — генерал-майор губернатор И. М. Синельников, как представитель народа в Екатеринославском наместничестве.

Так совершилась закладка Екатеринославского собора, по величине своей обширнейшего в то время в целом мире: длиною 80 саж., шириной 22 $\frac{1}{2}$ саж., о двенадцати престолах. С заложенным камнем в Екатеринославе по величине мог соперничать только храм апостола Петра³⁶ в Риме, и теперьшая ограда Екатеринославского собора служит только указателем минувших великих предназначений императрицы Екатерины II, померкнувших вместе со смертью Потёмкина и первого губернатора Екатеринослава Синельникова, «правой руки и лучшего друга светлейшего»⁺.

При громе пушек, грохоте ружей и при восторженных воскликаниях народа, императрица из Екатеринослава в тот же день 9-го мая направилась сухим путём дальше, к пятому порогу на Днепре, Ненасытному.

Прошло сто лет после этого события, и время успело уже многое изгладить из памяти народа. Теперь иные лица, иные интересы, иные дела; от прежних деяний есть только одни намёки: городской сад Глобы, вместе с незатейливым памятником, поставленным кем-то над прахом погребенного есаула; дворец князя Потёмкина, построенный в бывшем саду того же запорожского есаула, да три невзра-

* При Екатерине II выведен был фундамент собора, который стоил казне 71102 р. и 45 $\frac{1}{2}$ коп.



Ч. I. Рис. 2

Запорожец со статуэткой, собрания А.Н. Поля.

чных памятника, поставленных разновременно в Екатеринославе в воспоминание его основательницы. Зато есть здесь такой памятник прошлых времён, о котором не может умолчать ни историк, ни археолог южно-русской истории. Это замечательное собрание древностей известного знатока и собирателя южно-русских древностей вообще, запорожских в частности, Александра Николаевича Поля. Ведя свой род, по женской линии, от наказного атамана малороссийских козаков, Павла Полуботка, Александр Николаевич Поль ещё с раннего возраста пристрастился к собиранию запорожских древностей и, занимаясь уже более тридцати лет этим делом, составил у себя огромнейший музей, стоящий более ста тысяч рублей серебром. Всё собрание этого музея разделяется на следующие отделы: 1) древности каменного века; 2) древности бронзового века; 3) древности железного века; 4) древности скифские; 5) древности запорожские; 6) древности екатерининские; 7) стеклянные изделия; 8) керамические изделия; и 9) нумизматическая коллекция. Из древностей запорожских особенно замечательны следующие. Оружия: пушки — одна бронзовая, две железные кованые и две чугунные литые; мортиры — две медные и одна чугунная, келепы или боевые чеканы, которыми запорожцы разбивали кольчуги, сабли, копья или ратища, пули, ядра, гранаты, бомбы, картечь, дробь, рушницы, пистолеты, ятаганы, топоры, гайдамацкие «сиячения» ножи, подсланные из кос с деревянными в виде крестов ручками, кистени, бронзовые, медные и железные, якирычи для разбрасывания их по степи в виду движения татарской конницы, пороховницы, ногай, ременные с железным дротом по полам и т. п. Сбруя: удила, стремена, железные, бронзовые и медные, бубенчики, пряжки, серебряные, бронзовые и железные. Клейноты: перначи, булавы, трубы. Одежда: пояса, серебряные с бляхами, длины соответственно животу человека, кожанные с металлическими петлями, шерстяные с крючками и т. п. Письменные принадлежности: чернильницы, каламари, фланкончики и один выдолбленный из дерева портфель. Посуда: ножи столовые, вилки, тарелки, ложки, чарки, кружки с рельефами, изображающими между прочим библейских патриархов — Исаака и Иосифа, бегущих в Египет — с люльками в зубах, бокалы, кубки, бляхажки. Украшения: перстни, кольца, серьги, позументы, статуэтки. Из последних особенно замечательна статуэточка, выпитая из меди, довольно изящной работы, изображающая, в сидячем положении по-турецки, запорожца, с чар-

кой в левой руке, с лицом в полуоборот, с раскрытым ртом для пения. На бритой голове статуэтки превосходно выделяется чуб, на верхней губе прекрасно оттенены густые усы, на спине, плечах и руках очень хорошо отлит кафтан с выштамповками, а на поджатых ногах явственно выделяются широкие шаровары и ниже их подошвы сафьяновых сапог. Видимо, статуэтка имела назначение если не ручки книжала, то всего вероятнее фигурки, стоявшей на столовых часах. Высота её около четырёх вершков. Далее картины, изображающие в разных видах запорожцев. Одна из таких картин представляет группу запорожцев из шести человек. Из них один сидит и играет на бандуре, а другой пляшет перед ним в присядку; за этими двумя стоят два другие и угощаются водкой, причём один держит флягу, а другой «михайлю»; о бок с этими другими стоят ещё два и дерутся между собой: один поднял вверх деревянную люльку и соудьёт по левому уху другого, отчего из уха этого последнего течёт кровь и изо рта наружу высунулся красный язык. Последний держит в левой руке скрипку, опустивши её вниз. Другие картины изображают весьма распространённый тип козака, сидящего под дубом, играющего на бандуре, привязавшего близ себя коня и разложившего у ног своих шашку, люльку, пороховницу, чарку и паншку с горячкою. Внизу на каждой из картин написаны стихи, частью обыкновенные, частью оригинальные:

Іхав козак полем та й отакувався,
Сів під зеленим дубом та й ростиризався:
«Гей як міні душно!
Я козак Бардадим, куди гляну, стел як дим!
Гей пікода ж міні великий молодому,
Що як доведеться в стелу помирити,
То ні кому козашкі кості мої поховати:
Татарин бойтия, а лих не приступе,
Хіба прийде лютий зірь та в байрак погупе.
А в того не боюся, горілки нап'юси,
В бандуру заграю, з товарищем погуляю.
Гей я, козак, був змолоду добряка,
Що не заставалось в Польщі ні жида, ні ляха,
Там-то ми гуляли, ляхи оббирали».



Група запорожців, собраній А.А. Пом.

Из других запорожских вещей, хранящихся в собрании А. Н. Поля⁶, обращают на себя внимание золотые часы большого размера, без верхней крышки, парижской работы, XVII века, кресты, иконы, кадильница, найденная в запорожской могиле села Старого-Кодака, бандуры, множество трубок, черепковых и деревянных; из последних одна имеет спереди стих, составленный из жемчуга: «Козацька люлька – добра думка».

Из Екатеринослава идет путь влево, на Новомосковск, и путь прямо, на Старый-Кодак.

ГЛАВА ВТОРАЯ

А Самара річка неглибока,
І на перевозі неширока,
А луги із лугами,
Береги з берегами,
Не проходять з кораблями.
А колись було проходили,
І бурлаченків проповодили.
А тепер не проходять,
І бурлак не проводять, -
Все за вражими панами.
Та віють та вітри все бойній,
Та ідуть доці заливній,
Та на землю спадають,
А траву напояють, -
Все цвітами зукрашають¹.

Местность при впадении реки Самары в реку Днепр, обильная водами, богатая прекрасным лесом, наполненная множеством зверей, дичи и рыбы, с давних пор заселена была разным народом. Нет никакого сомнения, что и у запорожцев в этой местности были самые первые поселения. Мы не можем с точностью сказать, когда именно здесь возникли первые запорожские поселения, как не можем сказать и того, когда началось самое Войско Запорожское, потому что появление народностей и первые зародыши их культуры всегда опережают самую историю. Так бывает вообще, так и в частности. История запорожских козаков знает, что в 1576 году на реке Самаре уже существовал старый город Самарь. В 1637 году в этот город Самарь хлынула большая толпа поселенцев, когда гетман Павлюк был разбит поляками^{*} и когда многие из его козаков бросились искать себе места для поселения около Днепра. Спустя десять-двадцать лет после этого, при гетмане Богдане Хмельницком, старый город Самарь приобрёл уже большую известность. Он стоял на шесть верст выше впадения реки Самары в реку Днепр. Местополо-

жение этого города и близость его к татарским границам были причиной того, что на него обратило внимание московское правительство, в царствование Иоанна и Петра Алексеевичей, в правление их сестры Софии Алексеевны, и решило здесь устроить² так называемую Новобогородицкую крепость³. «Великие государи Иоанн и Петр Алексеевичи с сестрою свою великою государынею царевною Софьей Алексеевной, намереваясь чинить на Крым военный промысел, рассудили за благо первое на Самаре создать город для склада⁴ в нем не только хлебных, для войска потребных, припасов, но и для помещения пушек и иных всяких воинских припасов и тяжаров»⁴. Указ о построении Новобогородицкой крепости дан в 1687 году, но постройка её состоялась только в 1688 году^{**}. В собрании государственных грамот и договоров читаем: «Князь Василий Голицын повелел на речке Самаре, в урочище Сорок-Байраков, выше Вольного брова, обыскав место, построить город со всякими городовыми крепостями и от неприятелей с оборонною твердынею; 20 июля сделано мерою 386 саж., приказную избу, воеводский двор, казенный погреб, на полковые и хлебные запасы амбары, 50 изб служилым людям, земляного окопу на 600 сажнях и по тому окопу сделаны караульные и проезжие башни»^{***}. Малороссийские летописцы говорят, что указ о построении Новобогородицкой крепости был сообщён гетману Ивану Степановичу Мазепе и севскому воеводе Леонтию Романовичу Неплюеву. Получив его, они явились с козаками и ратниками на указанное место, заложили на устье речки Самары, падающей в Днепр, несколько поодаль от Днепра, город Новобогородицкий, снабдили его всякими запасами и посадили в нём много московских людей, конных и пеших^{****}.

Нет никакого сомнения, что возведённая Новобогородицкая крепость устроена была в старом городе Самаре. «Точию татара де-

* Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. К., 1855. С. 60.

** Соловьев С. М. История России. М., 1864. С. 41, 48.

*** Собрание государственных грамот и договоров. М., 1828. Ч. 4. С. 605.

**** Летопись Самовидца. М., 1846. С. 80; Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. Т. 3. С. 61; Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России. М., 1847. Т. 3. С. 112.

али покушение на новую крепость, пронесшееся тогда Богородицкою, ныне же старая Самара». «Во оном 1691 году в крепости Богородицкой, тож и Самара, был великий мор на людей»*. Несомненно также, что этот самый Новобогородицкий город есть тот же Старо-самарский ретраншемент. В стране запорожской Новобогородицкий город, или Старо-самарский ретраншемент, был первым базисом московского правительства против татар, а вместе с тем и против самих запорожцев. Оттого он и пришёлся не по вкусу последним. Запорожцы приписали мысль о построении Новобогородицкого города Ивану Мазепе и потребовали, через своего кошевого атамана Ивана Гусака, его к ответу. Требование выражено было в такой резкой форме, что гетман решил было посчитаться с запорожцами оружием, но его воинственные намерения остановлены были открытием на Самаре моровою извою, в 1691 году**. Однако уже в следующем году ненавистная запорожцам Новобогородицкая крепость выужена была внезапно набежавшими сюда татарами, не без содействия впрочем самих козаков. Но московское правительство, понимавшее всё значение Новобогородицка, не думало однако отказываться от города и снова возобновило его. Так город возродился и расширялся, пока не настал несчастный для России 1711 год. В этом году Пётр I вынужден был заключить невыгодный для себя мир в Пруте, по которому обязывался туркам срыть у себя несколько крепостей, в числе коих был и Новобогородицкий город. В это время запорожцы жили под властью турецкого султана^b, а татары прилипнули до самой реки Самары и в 1733 году заняли Новобогородицкий город своими аулами. Спустя однако год запорожцы вновь переселились в Россию и заняли свои прежние урочища. Всё Запорожье теперь раздelenо было на восемь округов или плафонок, из которых главнейшая была самарская с городом, основанным на 25 верст выше устья р. Самары. Вскоре после этого, в царствование императрицы Анны Ивановны, когда у русских начались войны с турками^c, от монастыря до устья Самары, в 1736 году, построено было «несколько ретраншементов^d и несколько редутов^e», а на самом устье

* Ригельман А. И. Летописное повествование. С. 112.

** Акты ЮЗР. СПб., 1867. Т. 5, прим. С. 7.

её «ретраншемент и несколько редутов»*. Таким образом возникла крепость Усть-Самарская **. В 1742 году, при заведении так называемой Украинской линии крепостей^e, в числе восемнадцати крепостей означена и Усть-Самара. В 1751 году на карте де Боксера по р. Самаре снизу вверх означенны крепости: Усть-Самара, Старая Самара и Песчаная Самара. В 1783 году Усть-Самара была уничтожена, а артиллерия из неё перевезена в крепость Кинбурн, к устью Днепра.

Преобразование старой Самары в Новобогородицкую крепость и наплыв в неё людей московского звания были причиною того, что запорожские козаки и их послолитые крестьяне оставили этот город и основали близ него новый, известный на официальном языке Новоселицей, на простом языке – Самарою, Самарчиком, Самарчуком, дав ему оригинальный герб – коронованного льва, стоящего на задних лапах и держащего в передней лапе копьё. «Название Новоселицы ясно показывает, что первые обитатели её были выходцы из разных мест Запорожья, и особенно из близ лежащего города старой Самары. И точно, в старинных бумагах местных архивов есть прямые и ясные указания на то, что когда город старая Самара сделался главным станом русских войск и поступил как бы в полное владение их, многие из жителей старой Самары сами собою ушли из города и поселились между старой Самарой и Самарским монастырём, т. е. заняли местность нынешнего Новомосковска, образовали слободу Новоселицу»***. Близость к Днепру, счастливое местоположение, соседство с древним Самарским монастырём были причиной того, что уже в 1755 году в Новоселице учреждена была почтовая станция по дороге из Полтавы в Керчь, а с 1769 года устроен пост для «бекетов и фигур», с 1775 года Новоселица объявлена была слободой Новосёловкой, Азовской губернии^e, Екатеринославского уезда, и сделалась таким видным пунктом, что в ней нашли нужным назначить место для постоянного пребывания полтавского пинчирного полка. В это время, близ Новосёловки, при нападении

* Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 60.

** На левом берегу Днепра, между сел Огренью и Чаплями, прямо против средины острова Станового, у самого берега Днепра // Екатеринославские губернские ведомости. 1887. № 35.

*** Федосей (Макаровский). Материалы для историко-стилистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880. Вып. 1. С. 306.

р. Кильчени* в р. Самару, в трёх верстах от Новобогородицкой крепости, с 1777 года, стоял уездный город Азовской губернии - Екатеринослав. В виду неудобства местности, нашли нужным перенести его в другое место, а пока именоваться не Екатеринославом, а Новомосковском. Это было между 1782 и 1786 годами. Но в 1786 году присказано было и самый Новомосковск перенести «на возвышенное место к богоизбранию ретрапшементу». Простояв восемь лет, Новомосковск в 1794 году перенесен был в третий раз на то место, где была воинская слобода Новосёловка. Так и возник город Новомосковск, переменив три места оседлости за время своего исторического существования**.

Со времени основания новой Самары, Новосёловки или Новомосковска и по настоящее время в ней было только две церкви последовательно. Первая, устроенная с давних пор и существовавшая до 1773 года, была маленькая, однопрестольная, деревянная, крытая камышом. Вторая, заложенная в 1773 году, была большая, о трёх престолах, девятиглавая, высокая, но также деревянная церковь. О построении первой не сохранилось никаких подробностей, о построении второй сохранились и письменные документы, и устные предания. Не одно сколько-нибудь важное дело не предпринималось у запорожцев без общей рады, а тем более такое выдающееся, как построение храма на целую паланку. Уже все видели, что старая Троицкая церковь в Самаре приходила в ветхость и требовала замены её новою. Сперва об этом заговорили простые казаки, а потом и значная старшина. В летний жаркий день собирались в саду князя Якова Андреевича Легкого паланочный сердюк, полковой старшина, полковой есаул и подесаулы⁷, писарь и подписарий, самарского перевоза шафарь, местный протопоп, местные священники, начальник соседнего Самарского монастыря и несколько почётных прихожан, чтобы порешить вопрос о построении нового храма в Самаре. В холодку, под яблонями и тополями сада, раскинуты были дорогие персидские ковры, разостланы были узорные украинские килимы***, растянуты были бурки, повсти и кощи, и тут гости размести-

* «Кильчен» – с титирского “кульден” – выходящий из озера.⁸

** См.: Найдин Г. Н. Память о Запорожье. М., 1877. С. 49 – 51. Более точные показания см.: Владимиров М. М. Первое столетие г. Екатеринослава. Екатеринослав, 1887. С. 15, 16.

*** Килим с персидского и русский “ковер”.

лись, кто как попал: кто на боковеньку, опершись на локоть, кто потурецки, поджав под себя ноги, обутые в сапьянцы. Подана была в чашках душистая варена, самый любимый напиток у козаков, предлагаемый у зажиточных хозяев и всегда в торжественных случаях. Собрание решило постройку церкви утвердительно, вопрос лишь касался мастера. Паланочный сердюк, хлебнув из чашки вареной, как бы мимоходом спросил:

– А кто же нам выстроит церковь?
– Кто? Я знаю кто, – отвечал один из присутствовавших.
– А ну, скажи!
– И скажу. Был я недавно в Мерефе*, там славная церква о пяти верхах; в ясный день на ней кресты горят точно паникадила. Христианская душа не нарадуется, «дивлячись» не неё.

– Кто же её строил?
– И то скажу. Строил её человек из Водолаг^{**}, а прозвывается он Яким
– Погребняк.
– Так поехать за ним!
– Нечего ездить, коли он здесь. Агу! Якиме, вражий сыну, а йди словы!

Яким явился; это был человек высокого роста, на масть ръжий.
– Можешь ли ты построить нам церковь?
– Можу, панове, дайте мне только сны да плоти, дерева да кирпича.
– Ну, где тебе такому непоказаному выстроить храм Божий?
– Ой, выстрою, батьки! Да коли на то пошло, так я вам прежде всего намалюю её.

– А намалой, намалой!
Яким поднял с земли щепочку, и тут же на песку садовой дорожки начертит фасад церкви с пятью банями, т. е. куполами.
– Да, это церковь и славная церковь, но как же ты выстроишь её?
– Строить нам не первина, батьки; я ёщё и не такую сумею выстроить: я сделаю церкви с девятью баниями⁹.

* Село в 27 верстах от Харькова.

** Есть Старые Водолаги и Новые Водолаги; первые от Харькова 25 верст, вторые – 14 верст.

— Ну, козаче, — отозвался на это один из батькив, — и я, когда был малым, то также брехал, как и ты, только меня за то кормили не раз берёзовой кашей.

— От же можу Я вам и эту намалюю, коли хотите.

— А намалуй!

— Гей, отецка дочка, Бог бы тебя любил, — обратился Погребняк к прислуживавшей ливчине в красных монистах, с вызолоченным дукачем; — а принеси-ка мне дошку да крейду.

Ливчина принесла. И Погребняк начертил на доске церковь, но уже с девятью куполами нынешнего Новомосковского собора.

Запорожцы как увидели, так и ахнули: так им понравилась написанная церковь; но тут они вдруг спохватились и заметили:

— Как же это, ты говоришь, церковь будет на девять башт?

— На девять башт, панове.

— По три башты в ряд?

— По три башты в ряд.

— И со всех четырёх сторон?

— И со всех четырёх сторон.

— Так это выйдет двенадцать, а не девять.

— Нет, вельможные батьки, будет только девять.

— Да считай сам: в один ряд три, в другой ряд три, в третий и четвёртый по три, выходит двенадцать.

— Нет, батьки, будет девять.

Запорожцы недоумевали. Они сразу не могли понять того, что здесь каждая крайняя сторона трёх башен при общем счёте повторяется, оттого, имея со всех четырёх сторон по три башни в каждой, церковь на деле имела не 12, а только 9¹⁰. Но когда это было понято, приступили к торгу, решили дело за 2000 рублей и, как следует, заключили контракт. Но из договорной цены Погребняк уступил на помин своей души 24 рубля. Таким образом, за изделику церкви, как значится в аттестате её, заплачено 1976 рублей.

Прошло несколько времени; уже совершилась и закладка церкви; нужно было приступить и к делу. Но вдруг оказалось, что Погребняк куда-то исчез. Начали беспокоиться об его отсутствии. Ктитор Павел Фёдорович Кореневский, принявший на себя надзор за

работами, нашёл на площади работника, который очищал там разный хлам*.

— Где мастер?

— Не знаю.

— Да не куликает ли он?

— Не такой человек: он воды в рот не возьмёт, пока служба святая не отойдёт.

Ктитор не знал после этого, что и подумать о мастере.

— Ну, пришли его ко мне, когда он вернётся.

На третий или четвёртый день после этого, только что Кореневский хотел, по старосветскому обычанию, уснуть после обеда, как вдруг в его хате скрипнула дверь и вошёл Погребняк. Ктитор уже собрался было его полаять¹¹, но, взглянув на него, с удивлением остановился.

— Ну, вот она вам вся тут. Берите её, смотрите, со всех четырёх сторон по три башты в ней, а всех таки девять, а не двенадцать.

С этими словами Погребняк подал ктитору небольшую церковь. Ктитор взял её, поставил на стол и с изумлением начал рассматривать со всех сторон. То была модель, сделанная из оситнягу.

— Вижу, вижу... Все так, как ты говорил. Где же ты был, божий человек?

Тут открылось, что зодчий изнемог было под собственную мыслью, испугался, что не будет в состоянии выстроить такую церковь, какую обещал, и бежал.

— Бежал я в наши самарские камыши и залёг в них, а думка моя точно спорит со мной: то выстрою, то не выстрою. Доведу, вот, кажется, до самых верхов, смотришь, какой-нибудь сучек либо задоринка и остановят; пройдёшь и то и другое, лойдёшь до крестов, ироква в крокву не приходится, одно — гнёт, другое — прёт, того и гляди всё полстит стремглав книзу. Я совсем ослаб... Лежал я в очередах нашего Николаевского Самарского монастыря и вот, обратясь лицом к монастырю, где обретается престол святителя Николая, помолился я Св. Николе. После молитвы я заснул, и спал, помню, долго: заснул чуть не в пору обеда, а проснулся, солнце было только на два дуба над землёй. И верно угодник божий услышал грешную мою молит-

* Ктиторов в Самаре было два.

ву: во сне я видел Св. Николая Чудотворца седым старичком, который указывал мне, как строить этот храм, да так ясно, как будто теперь вижу его перед очами. Я встал бодрый и свежий и стал, как во сне мне указано было, плести эту церковь из осиняги и вот сплел, как видите.

— Ну, будь тебе святая сила в помощы! Начинаешь ты, господь с тобою, как-то необычайно, дай-то тебе Бог так и кончиши!*

Таково-то существует в народе предание о построении второго храма в Самаре, теперешнего собора* в Новомосковске. Заложен он, как значится в «описи имущества», хранищейся в нём, в 1773 году архиепископом славянским Евгением или в 1775 году, 2 июня, как утверждает издатель¹² «Материалов для историко-статистического описания екатеринославской епархии»**, по благословению киевского митрополита Гавриила. Главный престол церкви посвящён Св. живоначальной Троице, боковой правый — апостолам Петру и Павлу, боковой левый — трём святым: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоустому. Зодчим её был названный выше Яким Погребняк, блюстителем «войска запорожского бригадир» Альтон Головатый и «войска запорожского кошевой» Иван Чепига. Вся она сооружена из леса, — частью дуба, частью сосны, доставленных из соседних самарских лесов, — кроме фундамента, выведенного из камня. Украинский зодчий обошёлся без железа; и все балки храма, косыки, обшивки сколочены при помощи тиблей, т. е. вставленных посередине между брёвен шипов и замков, т. е. вырезанных по концам брёвен связей. Железных гвоздей, по понятию запорожцев, совсем не годится в церкви имени Спасителя, потому что железными гвоздями было прибито его тело ко кресту. Церковь окончена была уже в 1778 году; отделялись только иконостасы. В это время в г. Екатеринослав-І приехал, обозревая епархию, преображенский славянский Евгений. Обыватели Новоселицы нашли нужным воспользоваться этим случаем. Тогда несколько старшин, два ктитора и несколько человек духовенства собрались на общую раду

* Весь этот привычный рассказ заимствован нами из сочинения весьма диковитого, но, к сожалению, безвременно ушедшего, Г. П. Надкнина «Церковные памятники Запорожья» (М., 1878). С. 3—6. В некоторых местах мы позволили себе сокращения и незначительные видоизменения, чтобы рассказ не казался слишком длинным.

** Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания екатеринославской епархии. Т. I. С. 309.



Ч. I. Рис. 4.

Новомосковский собор.

и решили поставить временный в главном престоле иконостас из старинной церкви и просить преосвященного освятить главный престол церкви во имя Св. Троицы. Преосвященный изъявил свое согласие и 13 мая 1778 года, с архимандритом Феоктистом, освятил его. В 1780 году окончены были иконостасы и в боковых приделах Троицкой Новоселицкой церкви и того же года, 1780, (а по «Описи имущества» - 1781 г.), 30 августа, освящены местным протопопом Григорием Порохней.

Архитектура церкви проста: ни колонн, ни украшений; снаружи церковь была обшита шилевкой и окрашена белой краской, кроме куполов, окрашенных зеленою краской; внутри стены и своды её расписаны были картинами религиозного содержания. Иконостас возведен до сводов, с резьбой и разными фестонами, завитками и другими хитростями столярного искусства. Живопись на нём сделана в старинном византийском вкусе. Высота церкви 31 с., объём 58 с.; стоимость, вместе с иконостасом и другой отделкой, кроме колокольни, 16 785 р. и 71 к. При церкви впоследствии поставлена была отдельно колокольня с шестью колоколами, из коих самый больший весил 262 п. и 24 ф., ценою в 7220 рублей, ава дома, деревянная ограда и за оградой колодезь с деревянным навесом. Колокольня, ограда, так же как и собор, окрашены были белою краскою. Снаружи, на стене, близ западной входной двери, повешено чугунное «било» с украшениями вверху, в виде двух лошадиных голов и в середине в виде каких-то углублений или букв. В «било» ударяли деревянным молотком, созывая запорожцев на раду. Звук «била» – приятный, серебристый.

Воздвигнутый в 1778 году Новомосковский собор стоит и по настоящее время, несмотря на многие перемены времени и поколений. В последнее время он был стянут железными болтами и укреплён деревянными столбами. Не раз он испытывал бури и даже ураганы. Однажды под Новомосковским разразился такой ураган, который всрывал крыши с домов, поворачивал дубы с корнями, а собор остался невредим; в нём только, по словам очевидца, паникаило вздрагивало да связь по углам скрипели.

«Достоинство архитектуры собора – в необыкновенном изяществе общих очертаний и в смелой до дерзости постановке. Надо взглянуть на эту церковь днём, с той горы, откуда в первый раз открывается самарская долина и город Новомосковск: издали это что-то

поражающее. Надо посмотреть на неё в иеный летний вечер с берега Самары, когда нельзя распознать, из какого материала она построена: тогда представляется на горе, в розовом отлеске погукающей зары, величественный монументальный девятинупольный силуэт её, который поспорит красотой рисунка со многими знаменитыми и богатыми храмами. Особенного внимания заслуживает в храме соединение башен: сложенные из сосновых и частью дубовых брусьев, в отрубе от шести до десяти вершков, почти нигде не скреплённых гвоздями, они служат одна опорою другой из основания равновесия, угаданного с замечательною верностью»*.

В настоящее время в Новомосковском соборе сохранилось несколько древних вещей, доставшихся ему частично от запорожцев, частично из церкви города Екатеринослава-І. Таковы: картина, иконы, шесть евангелий, пять напрестольных крестов, две чаши, три дискоса, плащаница, две ризы, подrizник, ларохранительница и антиминс. Картина изображает собой страшный суд, где представлены демоны, огни, смола, орудия пыток и вместе с ними люди, разделённые по сословиям, начиная с архиереев и кончая простыми мужиками. Она стоит в передней части храма, с правой стороны, занимая почти всю половину стены от двери до угла. Из икон всех интереснее та, которая представляет собой собор апостолов с надписью: «Сию икону отменил козак Иван Батуринский** Терещенко до храму святых Троицы Новомосковского 1774 года апреля 18 дня». Из шести евангелий первое напечатано в 1748 году, в Москве; второе — в 1750 году, пожертвовано козаком Аверентием Плихою; третье напечатано в той же Москве, 1759 года, и пожертвовано Иваном Сребренником: «Сию книгу святое Евангелие отменил своим коштом и старанием раб Божий Иоанн Андреев сын Сребренник ко храму святых живоначальных Троицы в государственную слободу Новоселицу 1782 года месяца марта 26 дню; четвёртое напечатано в том же 1759 году и пожертвовано в 1781 году козаком Иваном Прудком; пятое евангелие напечатано в 1763 году и шестое в 1773 году; оба в Москве. Из пяти крестов четыре пожертвованы общим коштом запорожского войска (1771, 1772, 1774 и 1775 г.), а последний принесен в дар отдельно тремя запорожскими козаками, как о

* Надкин Г. П. Церковные памятники Запорожья. С. 10.

** То есть Батуринского курсня.



Ч. I. Рис. 5.

Играющий на балалайке тайдамака, собрания Я.П. Новицкого.

том гласит следующая надпись: «Сей крест наядал (и) до храма свято-го Троицы доброхотными стариями атаманом Булахом, Иоаном Неклесою, Иоаном Булахом и с прочими товаришии их в 1782 году». Из трёх чаш одна пожертвована запорожцем Иваном Чумаком и имеет надпись: «Козак войска запорожского куреня Кане^{*} отменил сей келюх Иван Чумак до церкви живоначальной Троицы самарин-кой: 1754 году». А другая чаша принесена в дар козаком Федором Ко-лотнечею и имеет такую надпись: «1766 году декабря 17 дня соору-жил сию чашу до церкви самаринской святотроецкой раб божий Фёдор Колотнеча, только чтоб подчас всякаго нещастия наследст-венным моим до рук отобрать дозволено было». Третья чаша купле-на общим коштом запорожского войска. Из трёх дискосов первый пожертвован общим коштом запорожского войска в 1761 году; втор-ой дан в дар Федором Колотнечею в 1763 году, а третий куплен общим коштом запорожского войска в 1772 году. Из остальных ве-щей дарохранительница пожертвована в 1768 году общим кошлом запорожского войска; риза – первая куплена священником Михайл-овым, в 1763 г., риза – вторая пожертвована общим кошлом запорож-ского войска в 1764 году; подrizник – «от козака Стефана Прилуки, 1758 года» и, наконец, антиминс привезен в церковь в 1780 году с надписью: «Освящен Евгением архиепископом славянским и херсо-нским 1779 года месяца февраля 14 дня, а дан 1780 года августа 14 дня. Выдал смиренный Никанор архиепископ славянский и херсон-ский в слободе Новоселовке».

Из памятников не церковного характера в Новомосковске есть интересный портрет запорожца, достояние крестьянина Ивана Чуприны, унаследованное им от его предков. На полотне, имеющим в длину аршин с четвертью, в ширину ровно аршина, масляными крас-ками изображен запорожец, в силячем положении, по-турецки, с круглою осьминогуною бандурою в руках, в дорогих желтого цвета с черными краинками шатах, в широких синего цвета шароварах, в красных сафьяновых сапогах, с короткой, лымящейся люлькой-носогрийкой в зубах, с открытой гладко выбритой головой, на кото-рой протянута толстая чуприна из черных, как смоль, волос, замо-танных за левое ухо, и с длинными черными усами на загорелом мо-

* Очевидно, Каневского куреня.

лодом лицे. Перед запорожцем, слева, лежит круглая с баращковым синим окольшем и с красным суконным верхом с кипицей шапка; справа – небольшая, темно-зеленого стекла фляжка и возле неё металлическая, довольно объемистая чарка. На том же фоне, но в отдалении, с левой стороны, изображен конь с седлом на спине, привязанный к ратищу, воткнутому в землю; с правой стороны поставлено огромных размеров дерево, покрывающее своими листьями и голову запорожца и всего его коня; на дерево повешены лядунка красного сафьяна с буквою П и длинная кривая сабля на черном ремне. Ко всему этому внизу картины помещены стихи.

«Хотъ ліпвсь на мене, та ба не вгадасп,
Звідкіль родом і як звуть, не чичирк не взнаєш.
Кому ж тряслись хотъ раз у степу бувти,
То той може і прізвище мое угадати.
В мене ментя не одно, а сесь іх до кати, -
Так зовуть, як набіжши на якого свата:
Жил-псюха мене з лику за брата приймис,
Милостивим добродієм лехва величас;
А ти як хоч називай, на все поволюю.
А би крамарем не звав, бо за те погано.
А якого роду я, то всяк про те знає,
Хто по сніту ходе-блука та долі шукас.
У степах нас знають всі звіри і птиці
В горомах нас знають дівки і молодиці, -
Одна дівка угалала та й лошака друвала.
Я козак – душа правдива сорочки не маю,
Коли не п'ю, так воши б'ю, а все ж не гулюю.
Я козак-запорожець, не об чим не тужу,
Як люлька є й тютонець, то міні й байдуже.
Гей, бандура мої золота, коли б до тебе жінка молодая!
Скакала б, співала як до того лиха,
Шо не один би чумак вільдуравсь і гроший міха.
Бо як заграю, то не один поскаче,
А пождавши трохи, то й не один заплаче.
Гай, гай, як був же я молодим, яку мав я силу,
Лихов борючи й жадав, і рука не маліа,
А тепер від ляж-гори і вони одоліли.
Здастся, плач вже не ті, а ноги чужі,
Кругом мене одоліли вороги тижді.

Як бачу я, недобра є козацька година:
Цвіте-янє, наче в степу молода билина.
Хоча міні не страшно в степу помирити,
А жаль тильки, що іхому в степу поховати:
Жил цурайти, а лях не приступе,
Хіба яка зла звірюка у байрак почуше.
А може я в городах умирати мущу,
Може хоч там одомлянуть ноги мою душу,
Бо на степу ноги, ченці ізвертали з плаху.
Протопопы, філозофи набиралися жалу.
Але ж міні не годити на лаві умирати,
Бо ще в мене є охота і ляхів шарпятти,
Бо ще в мене є що-небудь прокинутъ до смерти,
Жидам, ляхам ще мушу я і носа утерти.
Хоч я трохи і злидаці, однак чують плачі,
Зластія, я поборовся б з ляхами і в гречі*.
Случалось же, що й не раз, варити те пиво,
Що пив турок і татарин, що пив лях на ливо.
Багато десь і тепер лежать із похміля.
Мертвих голов по степу із того весілля.
Надія в мене на мушкет, на ту сіромаху,
Шо не ржавіє ніколи, - на шаблю, на схаху.
Бо хоч вона і не раз паскою милась,
А вже ж таки і тепер як би разізлилась.
То не одна б голова на дві розвіялась.
Надія в мене і на спис, на гостре ратище,
Коли хочеш утікати, скач на него вище.
Як натяну ж лука я, брязну титевою,
То від него і хан кримський мусить утікати.
Та є скрипі усі добре, червініш хапати.
Гей, ну ж, братці, запалимо у степу пожари,
Шо б кокухи поміноти на ласкою жупані!
Як ярмарок добрий буде, удачу покаже,
То не один і жил, і лях від списів поляжє.
А послі, братці, повернати до Січі, до стану
Кокухи нумо іскладти та геть іх до кати,
Аби добити до корчми, до першого свата
Та моторичу більш у Січу та гроший достати».

* Поединок, удалые одиночные схватки перед началом сражения, которыми противники подготавливались к настоящему бою.¹³

Этот портрет – один из тех многочисленных, которые ходят с разными вариациями по Старой и Новой Малороссии, с подписанными под ними стихами, иногда короткими, иногда очень длинными. Один из таких портретов попал в одесский музей истории и древностей; копия с него напечатана в приложении к «Истории о казаках запорожских» князя Мышецкого, изданной в Одессе в 1852 году.

На расстоянии не более четверти версты ниже Новомосковского собора, по направлению от востока к западу, идёт река Самара к Днепру, а в двух верстах от левого берега Самары стоит Самарский монастырь. Самара, или в «Географии южной России» 1698 года, Малая Самара, у казанских татар Сакмар, у запорожских козаков Самарь, в «Книге большого чертежа» Самар^{*} вытекает из Харьковской губернии, Изюмского уезда, близ села Самарских пруд, и впадает в Днепр, с левой стороны, против Самарского острова. Течение её необыкновенно тихое, вода на вид зеленоватая, потому что уже с 9 мая подвергается цветению; берега реки по местам усеяны гранитными глыбами, по местам покрыты травой, камышом, лесом; причем правый её берег почти везде возвышенный, левый – низменный. Вся длина реки не свыше 200 вёрст, ширина от двадцати до ста сажен, наибольшая глубина до семи сажен. Сперва Самара идёт одним руслом, потом, под селом Знаменкой, она отделяет от себя вправо большой залив, который неопытные пловцы принимают за настоящую реку. Вслед за этим, не доходя Самарского монастыря, она разделяется на Старую Самару и Новую Самару, иначе Самарчик, и потом тот же час ниже монастыря за Левашинским хутором опять сходится в одно русло. От этого разделения реки на Старую и Новую Самару образуется огромный остров, почти в две с половиной тысячи десятин земли. При самом впадении в Днепр Самара вновь даёт от себя залив вправо.

Название «Самара, Самарь, Самарчик, Самарчук» распространено у разных народов древнего и нового мира, начиная от евреев в Палестине и кончая киргизами в европейской России и Сибири. У евреев под этим названием мы знаем область: вся Палестина разделялась на четыре области: Галилею, Самарию, Иудею и Перею. По

* Книга, гравюрами Большой чертеж. М., 1846. С. 97.

сказанию житий «Сорока двух мучеников, Павла Афонского» и др., в Азии на реке Ефврате был город Самара, принадлежавший сарацинам; по известию русских летописей, в Сибири был остяцкий князь Самара, неудачно сражавшийся с русским покорителем этой страны Ермаком Тимофеевичем. На горе Афоне и теперь есть утес Самара; на Волге есть город Самара, на реке Самаре же; в Крыму была речка Самарчук^{**}. Наконец, слово «Самара» встречается и у киргизов, в смысле нарицательном. Различно переводили и переводят это слово учёные, но ближе всего, кажется, подходит перевод с киргизского, на котором «самара» значит круглое озеро. Искусственное всего производство Самары от народов сарматов или савроматов: «Самарцы построили себе город Савромару, в просторечии называвшуюся Самарою, при реке того же имени»^{***}.

Так это или иначе, но у запорожских козаков река Самара после Днепра пользовалась огромной известностью. «Она весьма обильна рыбой, а окрестности её замечательны чрезвычайным богатством в мёде, воске, дичине и строевом лесе, так что едва ли какое-либо место может сравниться в этом с окрестностями Самары. Оттуда доставляют лес для построек на Колаке... Козаки называют её святою рекою, может быть за счастливое богатство её»^{****}. То, что сказано о самарских лесах листи пятьдесят лет тому назад, почти то же можно сказать о них же в настоящее время. Несмотря на варварское обращение владельцев с самарскими лесами, они всё-таки поражают человека даже и теперь – и особенной высотой, и особенной толщиной своих деревьев: в них есть сосны в обхвате шесть аршин, дубы в обхвате девять, вербы – десять аршин. Но что же тут было в далёком прошлом от нас? Об этом можно судить по тем гигантам дубам, которые находятся в русле Самары в окаменелом виде. Таких дубов можно видеть целую сеть, при понижении воды в реке, близ села Вольного, на две версты ниже дома владельца А. А. Короленко, в так называемом «пристинии», близ Думной (иначе Лысой) горы; по рассказам старожилов, здесь были «несходимые и невидимые» леса. У запорожцев тут ископана была криница, имевшая чудолействен-

^{*} Налин Г. П. Память о Запорожье. М., 1877. С. 46, 47.

^{**} Историческое обозрение церквей скатериннославской епархии. Екатеринослав, 1876. С. 12^{**}.

^{***} Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 18.

ную силу: если освятить её в засуху, то немедленно вся окрестность Самары оросится дождём. Самарский лес состоит из деревьев самых разнообразных пород: дуба, сосны, клёна, береста, ясения, липы, берёзы, орешника и др., с преобладанием, однако, дуба. Лес тянется на протяжении около ста верст по обеим сторонам реки Самары, начиная почти от впадения её в Днепр и кончая как раз тем местом, где она принимает в себя реку Волчью, на границе уездов Павлоградского и Новомосковского. Нечего говорить о том, какие и сколько водилось здесь птиц, зверей и гадов. Вспоминания старожилов всегда больше говорят о диких козах и турах, а находимые рога их подтверждают рассказы стариков. Близ села Вольного, в материковом слое земли, найден рог тура полторы четверти длины, около четырех ширин, по форме напоминающий тот малорусский иранык, которым кололят бабы белё на речке. Из гадов всего больше говорят о желтобрюхах. Желтобрюхи и теперь не извелись; множество их водится около так называемого Зелёного моста, в лесу, повыше названной Думной горы, близ села Вольного. Здесь они достигают поистине громадных размеров: шести аршин длины и около четырех толщины: «стві, наче оглобля». Они бросаются на человека со свистом и кусаются точно собаки: «плодімі голову угору та й свистить як чабан на вівці». При ярком солнце издали они кажутся жёлтыми-жёлтыми точно золото, в обыкновенное же время и вблизи они кажутся серебристого цвета: «лежить, наче срібне колесо звернене». Если наедут на желтобрюха во время оранки земли плугом, то он схватывается за лемеш с такою силою, что его иногда и двумя парами волов потянуть нет никакой возможности. Если же его спишешь тащить из норы, то скорее перервёшь пополам, а не вытащишь. Рассказывают, что однажды желтобрюх впутался между ног какому-то крестьянину, шедшему по лесу, и до того сильно обвился кругом ног, что несчастного человека едва могли вырвать шесть здоровых мужиков из колец чудовища; бедный человек на другой же день и умер от испуга. Если разозлить желтобрюха, то он подскакивает вверх, бросается на человека, рвет на нём целые шматья одежды и вырывает куски мяса. К счастью, эти укушения, кроме весьма немногих случаев, не бывают смертельны: укушеннный страдает лишь от опухоли да от страшного жара в ране, отчего поминутно просит пить. От разозлённого желтобрюха можно спастись, если бежать так, чтобы солнце ударяло ему в глаза: на солнце он не видит.

Голой-Грушевке, Екатеринославского уезда, желтобрюх жил в первви, под престолом, но там, говорят, был такой батюшка*, который умел свистом подзывать к себе желтобрюхов и укрощать их. В настоящее время крестьяне села Вольного занимаются их ловлею, для того, чтобы убивать и делать из их кожи пояса. Все желтобрюхи удивительно проестливы: найдёт яйцо хохитвы — съест; найдёт лягушку — съест; найдёт ящерицу — съест: «усе жме, а за шпаками так по комицах і лазе».

Кроме огромных богатств, которые доставляла запорожцам река Самара, она приобрела известность у них ещё и потому, что здесь устроена была паланка**, что через неё вела самарская переправа и что на ней стоял знаменитый Самарский Пустынно-Николаевский монастырь. Самарская паланка считалась у запорожцев самою богатую и самою благоустроеною; центром её был сперва город Старая-Самара, а потом сделался город Новая-Самара. Здесь устроены были церковь, помещения для паланочного сердюка, т. е. полковника, войскового хорунжего, паланочного шафаря и целой канцелярии. Самарская переправа была одной из многолюднейших, а следовательно, и одной из доходнейших переправ на всём Запорожье. Река Самара была центром, около которого расходились шесть больших дорог: с севера к ней тянулся Муравский шлях***, ниже Муравского, с правой стороны, шёл Сумской шлях, ниже Сумского — Глуховский; с левой стороны, ниже Муравского, тянулся Изюмский шлях, ниже Изюмского — Калмиуский, а все эти шляхи пресекались шляхом, соединявшим город Очаков с городом Азовом, шедшим понад верховьями Самары. Таким образом, близ Самары всегда, особенно весной и осенью, происходило беспрерывное движение; у города Самары устроена была переправа, за которой наблюдал шафарь, взимавший с проезжающих плату и выдававший им паспорт в Крым, Турцию или Польшу. Переправа устроена была в самом узком месте Самары, немного выше так называемого Чернечьего пекла в реке. Когда-то переправлялись в лодке через Самару чернцы; на-

* Отец Андрей Барышпольский, теперь почтенный.

** «Паланка» — с турецкого значит крепость. У запорожцев этим словом означались самая крепость, и целый округ или уезд.

*** В XVIII и первой половине XIX века он назывался Чумским и Крымским, теперь называется Большим или Битым.

скочила страшная буря, опрокинуло лодку, и монахи пошли в воду. С того времени и стало называться место пониже переправы Чернечым пеклом.

Тотчас у переправы, от левого берега реки, начинается дорога, ведущая в исторический Самарский Пустынно-николаевский монастырь², главную святыню запорожских козаков. Дорога идёт среди прекрасного дубового леса, славившегося громадностью своих деревьев, множеством зверей и птиц, ещё с отдалёнейших времён.

Монастырь раскинулся на огромном острове, который образуют собой реки Старая Самара и Новая Самара. Этот остров искони покрыт был высоким дубовым лесом или, по-козацки, товидею. Вблизи острова находилось несколько озёр, наполненных множеством рыбы и раков и обижающих самою разнородною дичью. Повсюду росла высокая, густая, сочная трава, между которой шныряли целыми стаями лесные звери. В таком-то укромном, как бы нарочно созданным самим Богом, уголке приотилась скромная монашеская обитель. По отрывкам документов и по преданию, более или менее вероятному, она возникла во второй половине XVI века, при польско-литовском короле Стефане Батории. Сначала сюда уединились два каких-то монаха-отшельника. Предаваясь молитвам и воздержанию, они дальше своего уголка никуда не выходили и никого, кроме неба да леса, диких зверей да птиц, не видали. Но, вероятно, это место манило к себе не одних отшельников, оно влекло к себе и тех, кому нужно было скрываться от преследования со стороны законной власти и кто промышлял не молитвами и подвигами, а гнусным грабежом и кровавым разбоем. Так, скоро сюда явились так называемые каменники, т. е. разбойники, жившие прежде в берговых каменных пещерах Днепра, а потом удалившиеся в самарские вековечные леса. Случайно набрели они на монахов и нашли избранные ими места весьма удобными для себя. Но монахов они не тронули, напротив того, стали приносить им пищу, воду, помогать в работах и под конец даже построили им маленькую келийку³. Своё звание и свой промысел разбойники тщательно скрывали от своих сожителей.

* Для истории Самарского монастыря мы располагаем тремя сочинениями: Гавриил. Исторические записки. Одесса, 1833; Феодосий (Макаренский). Самарский Пустынно-николаевский монастырь. Екатеринослав, 1873; Топографическое описание Самарского Николаевского монастыря // ЗООИД. Одесса, 1881. Т. XII. С. 472.

Спустя, однако, некоторое время, старцы узнали страшную тайну своих благодетелей и решились бежать. Разбойники, проведавшие об этом, удержали монахов, быть может из опасения, чтобы они не предали их в руки правосудия, а быть может в виду того, чтобы их молитвами выпросить у Бога прощение за свои злодеяния. Старцы волею-неволею должны были остаться с разбойниками. Но вор ворует не для прибыли, а для гибели, так и каменники: скоро их открыли запорожские разъезды. Можно себе представить недоумение запорожцев, когда они вместе с разбойниками открыли и монахов! Однако недоумение их рассеялось, и запорожцы, схватив злодеев, оставили им свободу старцев, предоставив им разные льготы и обставив их возможными удобствами. Так, старцам дарованы были «властные грунты», т. е. лес и земля, им построена была крепость, при крепости погреба, склады, небольшая деревянная церковца, во имя святителя Николая, а при церквице «спипталъ» для недужих и убогих козаков. Скоро для этой обители вызван был и настоятель, бывший иеромонах⁴ Киево-Межигорского монастыря⁵ Паисий, родом волох. Он переименовал крепость в монастырь, добыл для него ставропигию, установил общие правила, ввёл в богослужении иноческий устав, устроил для братии общую трапезу. Для запорожцев Самарский монастырь был самою высокою святыней на земле: «Это – рай божий, это – святая Палестина, это – истинно новый Иерусалим», – говорили запорожцы о своём монастыре. Но возникнув так быстро и так быстро возвеличившись, Самарский монастырь много претерпел бед, оттого много изменился за время своего исторического существования. Несколько раз он был ограблен поляками⁶, русскими⁷, татарами⁸, несколько раз он был опустошаем саранчей и так называемой наглой смертью или чумой⁹; тогда кельи его оставались пустыми, церкви без богослужения, посёлки без жителей. В начале XVIII века особенное бедствие монастырь испытал ещё и оттого, когда, по Прутскому миру России с Турцией, в 1711 году, значительная часть земель запорожских козаков, в том числе и земли самарских иноков, достались туркам. Тогда в нём поселились

² В 1635 и 1654 гг.

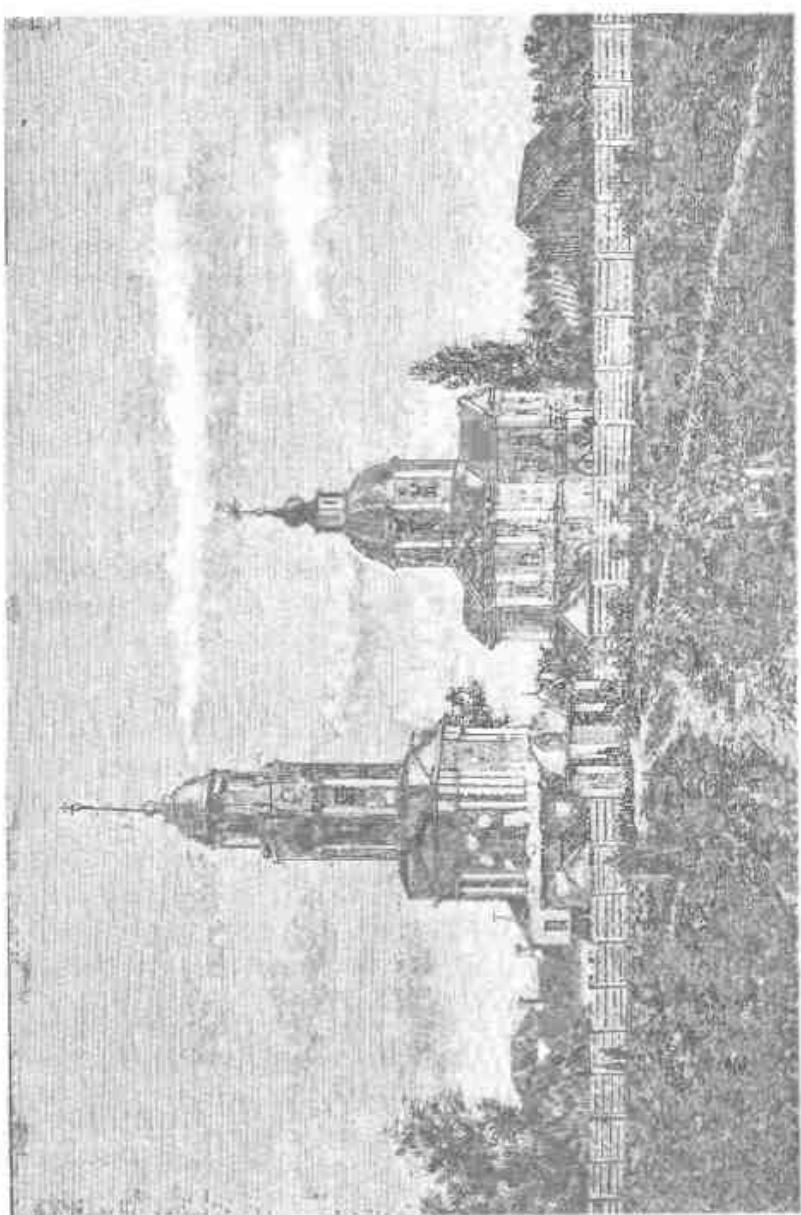
³ В 1688 г.¹³

⁴ В 1654, 1736 и 1737 гг.

⁵ В 1690 и 1750 гг.

татары, которые разграбили всё его достояние, обратили в пепел все его здания, вырубили и выжгли большую часть его прекрасного дубового леса. Однако время бедствий, хотя и не надолго, миновало, и монастырь вновь организовался: в нём введён был афонский устав, увеличено было число братии, устроены «питальницы», т. е. странноприимческие дома и «загоны», открыты школы, лечебницы, насыжены хутора и верхолазные борты, заведены рыбные ловли по р. Самаре и по озёрам Луковатом, Глущковом и Мазничном, офункционирован целое село Чернечье для посланных, вотчинников и прислужников монастыря, число которых доходило тогда до тысячи пятисот шестнадцати человек обоего пола. Тогда Самарский монастырь стал иметь громадное значение для всего запорожского края. «Кроме того, что он исполнял все христианские требы для окружавших его поселян — крестил, хоронил их, он даже имел при Запорожье оригинальное для монастыря право венчать их. Многие запорожцы ездили сюда для говенни издалека; некоторые, послужив матери Сичи и рукою и головою, селились, чтоб быть вблизи храмов божих, вокруг монастыря зимовниками, хуторами; таким образом монастырь делался центром поселения, которое постепенно разрасталось: у стен его завелись даже сельские ярмарки; они составились сами собою, естественным путём, большей частью из приезжих на богомолье в дни его храмовых праздников: первая — девятого мая, в день Св. Николая, а вторая — шестого августа, на праздник Преображения Господня. Тогда стекались сюда богомольцы из Малороссии, из польской и слободской Украины, от тихого Дона и даже из соседних великороссийских Курской и Орловской губерний. Были сичовинки, которые окончательно затворились в Самарской обители^{*}, были и такие, которые удалились сюда с целью окончить здесь своё земное поприще. Таков, например, кошевой ятаман Филипп Федоров, который, «подякував Сичь за панство», т. е. отказавшись от звания кошевого, ушёл в Самарский монастырь и здесь умер в 1795 году, имея от роду сто один год.

В 1775 году, после падения Запорожской Сичи, Самарский монастырь остался нетронутым; тогда за ним считалось земли 18 697 десятин и 615 квадр. саж. Но спустя пять лет он лишился своей са-



Самарский собор.

* Наддин Г.П. Церковные памятники Запорожья. М., 1878. С. 22, 23.

мостоятельности и приписан был к Киевскому Межигорскому Спасо-Преображенскому монастырю. Это, однако, не мешало братии Самарского монастыря возобновить у себя свой обветшавший собор. При содействии священника Кирилла Николаевича Тарловского, известного более под прозвищем «дикого попа», собор действительно был возобновлён и сохранился в таком виде до нашего времени. Но с 1791 года бедствия для монастыря вновь начались: сперва его сделали «домом екатеринославских архиереев, затем, с 1794 года, по приказанию кн. Григория Потёмкина¹, от него отобрали крестьяни, а потом, наконец, лишили большей части его владений: из 18697 с излишком десятин земли оставил только 1632 десятины и 1630 квадр. саж. Тогда прежнее благосостояние монастыря сменилось лишением и даже нищетой, а братии осталось самое ничтожное число. В 1865 году в монастыре было семнадцать иноков и десять служителей; в 1871 году их осталось всего лишь семь, и то престарелых и убогих; теперь в Самарском монастыре иноков ещё меньше того; земли за монастырём считается всего лишь 341 десятина, из коих большая часть находится под дубовою пущею.

В настоящее время местоположение Самарского монастыря представляется в таком виде. Он стоит на очень ровной местности, окружённой с трёх сторон – восточной, северной и отчасти западной – высоким дубовым лесом и с одной стороны – южной – окаймлённой песчаною равнинною, по которой торчат сухие пни от некогда росших здесь дубов. Лицевая сторона монастыря открывается с запала, где он отгорожен от леса прекрасной деревянной оградкой с воротами на самой середине её и с небольшим, также очень красивым, домиком для приезжих и заходящих богомольцев. Первое, что бросается в глаза путешественнику, по входе во двор монастыря, это высокая каменная колокольня и за ней каменная же, хорошо выбеленная церковь, – собор монастыря, возобновлённый иждивением священника Кирилла Тарловского.

Всех церквей в монастыре три: главная Николаевская церковь, построенная в 1787 году, другая трапезная, Преображенская, построенная в 1815 году; третья, при архиерейском доме, Георгиевская, построенная в 1838 году. При главной церкви стоит высокая каменная колокольня; она построена в один год с архиерейским домом, 1828-й, на место деревянной четырёхъярусной колокольни, поставленной новокодакским жителем Карлом Яковенком. На новой колокольне

висит большой колокол, в 169 пудов и 22 фунта, сохранившийся ещё от времени запорожских козаков и стоивший им 8320 р. и 90 коп.

В каждой из названных церквей есть свои достопримечательности. Если войти в главную николаевскую церковь и спуститься под пол её, в усыпальницу, то тут можно увидеть четыре гроба, скрывающие в себе четырёх архиереев: Афанасия Иванова (? - 1805 г., 18 августа), Платона Любарского (? - 1811, 20 октября), Иова Потёмкина (? - 1823, 28 марта) и Онисифора Боровика (? - 1828, 20 апреля). В средней части храма, перед алтарём, с правой стороны, можно видеть и главную святыню монастыря, икону Богоматери, ту самую, которая стояла прежде в городе Новом-Кодаке, потом перевезена была в Полтавский Крестовоздвиженский монастырь, отсюда отправлена была в Екатеринослав и из Екатеринослава – в Самарский монастырь. На серебряной позлащённой шкатулке её сделана следующая достопамятная надпись: «Сия шата сделана к Богоматери в Новую Кодакскую церковь в цену сто-шестьдесят один рубль двадцать пять копеек коштом велиможности пана Кошового Атамана Петра Ивановича Калнишевского 1772 г. декабря 30 дня, а весу в ней три фунта 21 лот». Поименованный здесь Пётр Иванович Калнишевский был последним кошевым атаманом запорожских козаков, умершим в 1803 году, в ссылке на Соловецком острову. В самом алтаре собора хранится множество церковных вещей, из коих замечательнейшие следующие. Большой кипарисовый крест, в серебряной оправе по концам и со стеклом посередине, высоты два аршина без четверти. Он вставлен в серебряную подставку, наподобие подсвечника, по краям которой сделана следующая надпись: «Сооружен сей крест коштом и старанием Василы Белыи (Василия Белого), козак (козаком) куреня рогевского в монастырь Самарский до храму святителя Николая 1783 году месяца сентября: 7 дня; в нему весу 8: фунтов». Крест, также кипарисовый, в серебряной оправе с надписью: «Сей крест соружил монах Авраама (Авраам) Запещного (Запещный) 1768 года месяца июня 17 дня». Крест малый серебряный с надписью: «Сен крест сооружен рабом божиим Василием Федоровским до храма свято-пустинного николаевского монастыря; куплен за 18 р. 1785». Чаша, серебряная позлащенная: «Надал Захария Мартинов козак товарищ куреня Досского (Донского)». Чаша серебряная позлащенная, больших размеров: «Сия чаша сделана коштом от козака

войска запорожского курсня поповичевского Алексея Белинского (Белицкого), бывшего кошового в Самарский монастырь в церковь святителя христова Николая Киево-Межигорскому приписанной (приписанной) 1771 года сентября 3 дня». Ковчег, большой серебряный, в аршин высоты, с надписью: «Сия гробница сооружена подиоругчиком Иеремием Максимовичем Малым в Самарской монастырь в церковь Николая Чудотворца на престол 1780 года октября 28 дня весу серебра: фунтов 4: и 12». Евангелие большое, московской печати 1735 года, с надписью на переднем листе: «Сие Евангелие купленное за покойного Никифора прозвываемаго Работашапка знатного Товарища куреня Поповичевского за отпущение грехов, до монастыра святого, Успенского, Нехворощанского заорельского тщанием высоце к Богу Преподобнейшего Отца Архимандрита Гавриила Яновского. Того ж монастыра вышеозначенного начальника. Ценою рублей 15 из полтины, бес серебра 1740 года месяца мая 6 дня. Цена в тетратех три рубля шедеся(т) копеек. Продано купцу Семену Петрову на монастырь, на проглас ярмонки». Евангелие малое с надписью: «1756 года мая 2 надал сие Евангелие (в) монастырь Пустинно-Николаевский Самарский воинска запорожского Низового Знатный товарищ козак куреня величковского Демьян Легуша во вечное владение».

Из других вещей особенно интересны евангелие и икона с запорожскими фигурами, в церкви Преображения Господня, в трапезном флигеле. Евангелие имеет надпись внизу по листам: «Сия книга глаголемая Евангелие сооружено атаманом куреня величковского Демьяном Легушою за покойного Петра Гогу и отдана в монастырь свято-николаевский Самарский на вечное владение в году 1759 в месяце ноябре дня 20, и риз двое зеленою златоглаву». Икона выразительнее всякой надписи передаёт своё содержание. На полноте, вставленном в деревянную раму, высоты 20, ширины 15 вершков, изображён Господь Вседержитель, в высокой тиаре на голове, в пурпурной мантии на плечах, со скрептром в правой руке и с лежащим яблоком в левой. В последнем именно и состоит интерес иконы. Здесь представлен лес и посреди леса озеро; из озера течёт речка; через речку переброшен мостик, и на всём этом ландшафте три фигуры запорожцев, из коих один стоит у моста и удит рыбу, другой стоит в камыше и целился в плавающих по реке уток, а третий сидит у казанки, повешенного на треножнике, и варит кашу.

Около запорожцев стоит чумакский воз, а коло речки видна однодечтвовая козацкая чайка. Мысль, вложенная художником в икону, очевидна: Бог любит запорожцев и покровительствует всем их занятиям, отчего и держит в своём державном яблоке.

Наконец, в монастыре есть еще два портрета замечательных исторических деятелей запорожского края, находящиеся в архиерейском доме и писанные масляными красками, - это портрет так называемого «лика попа»* и портрет полковника Афанасия Колпака. Кирилл Николаевич Тарловский, или «ликий поп», был родом дворянин Черниговской губернии, но дальний предок его был поляк, носивший фамилию Тарах-Тарловского, переселившийся еще в 1587 году из Мазовецкого округа в Киев. Тарах-Тарловский в Киеве же получил и образование, в духовной академии; из Киева же он переехал сперва в Остер, потом из Остра в Козелец, Черниговской губернии, где, «получая оседлость», женился на шляхтичке Софье Ходавской. В третьем или четвертом поколении от этого брака и произошел Кирилл Николаевич Тарловский. Отец его был священником при Козелецкой Николаевской церкви. Как и первый из Тарловских, Кирилл Николаевич также воспитывался в Киеве, в духовной академии. По окончании курса, он сделался священником сперва при Козелецком девичьем монастыре Черниговской губернии, а потом, по смерти отца, при приходской Николаевской церкви. Здесь он оставался до 1744 года, когда Козелец посетила императрица Елизавета Петровна. Проездом в Киев она остановилась именно в деревянном дворце, устроенному для неё на берегу реки Остра. В этом дворце, как гласит предание, императрица, соблюдая строгую тайну, сочеталась браком с графом А. Г. Разумовским, уроженцем села Лемешов Козелецкого уезда. Обряд венчания совершил о. Кирилл Тарловский. Выезжая из Козельца, Елизавета Петровна взяла с собой в Петербург и Тарловского, здесь она назначила его духовни-

* Сведения о «ликом попе» заимствованы нами, во-первых, из сочинения Федореши (Мицкевичский). Савирский пустынно-николаевский монастырь. Екатеринослав, 1873. С. 57; Его же. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880. Вып. I. С. 402, 473, 515; во-вторых, из статьи: Машевич Л. Нечто о ликом попе // Киевская старина. 1886. Т. 14. С. 821; 1887. Т. 19. С. 577; в-третьих, из рассказов, доставленных нам священником с. Голубовки, Новомосковского уезда, отцом Терентием Чечигою, и в-четвертых, из слов священника с. Выше-Тарасовки, о. Исаакия Курдина, Екатеринославского уезда. Но большинство из этих сведений разноречивы и носят на себе явные следы вынужденности.

ком и учителем супруги наследника русского престола, Петра Федоровича, Екатерины Алексеевны, впоследствии императрицы Екатерины II. В Петербурге о. Кирилл Тарловский познакомился со многими особами высшего круга и между прочим особенно сошёлся с В. А. Чертковым, впоследствии генерал-губернатором Азовской губернии. Есть рассказ, что будто бы он был даже женат на одной из дочерей Черткова, которую видел еще в Киеве, будучи студентом. Так или иначе, но, живя в Петербурге, Кирилл Николаевич за какую-то вину вскоре¹⁶ попал в опалу¹⁷. Потом, боясь наказания, бежал из Петербурга в Киев и здесь пристроился в качестве смотрителя, к мельницам лаврских монахов, решившихся впоследствии следить монахом пещерской лавры. Вскоре после этого, Киево-Печерскую обитель посетила императрица Елизавета Петровна¹⁸. Когда государыня, сопровождаемая большой свитой своих придворных, вошла в церковь лавры, то тут один из её вельмож случайно остановил своё внимание на одном монахе и потом вдруг неожиданно спросил его: «Ты не Тарловский?» — «Нет, вы ошибаетесь! Я монах и больше ничего!» Однако это обстоятельство заставило Тарловского покинуть и пещерскую обитель; в ту же ночь он бежал в дикие степи Низа, к реке Самаре и её знаменитым лесам. Ходит он здесь, любуется местами, собирает дикие плоды, спит на голой земле, укрывается монашеской рясой. Зашёл как-то в одну балку, близ теперешнего села Кочережек, Павлоградского уезда. Чувствуя усталость и испытывая голод после продолжительной ходьбы, монах присел в балке, развёл огонь и стал варить себе куличи. Но не успел он еще хорошенко и наладиться, как вдруг перед ним, точно из земли, выросли два всадника. Дивятся они монаху, а монах дивится им. Но монах скоро пришёл в себя и поспешил пригласить проезжих присесть к казанку и разделить с ним то, что ему Бог послал на этот раз. Всадники охотно приняли предложение. Во время ужина знакомы разговорились. Речь зашла о божественных предметах. Монах оказался приятным собеседником и большим знатоком священного писания. Всадники оказались запорожцами, ехавшими из степи в Сич. По окончании ужина и после продолжительного разговора, запорожцы стали приглашать монаха на Сич. Монах сперва подумал, но потом сказал: «Быть по-божему, согласен перед Богом помолиться о благополучии вашего коша». Следующим днём, чуть позднялось солнце, запорожцы, в сопровождении монаха, отправились

в путь и скоро прибыли в Сич. Товарищество с восторгом приняло гостя, и скоро Кирилл Тарловский сделался настоятелем покровской сичевой церкви, и с тех пор стал известен под именем «дикого попа», потому что открыт был запорожцами в дикой степи. Но однако «дикого попа» скоро оставил и Сич¹⁹: не полали он с запорожцами и опять ушёл в вольные степи. **Несколько лет спустя**²⁰ после нападения Запорожья, о «диком попе» узнал генерал-губернатор Азовской губернии В. А. Чертков и донес о нём императрице Екатерине II, прося у неё от его имени прощения. Императрица даровала «дикому попу» звание «лейб-кампании священнику»²¹ и наградила его десятью тысячами десятин земли около теперешнего села Бузовки и восемнадцатью тысячами десятин земли около теперешнего села Воскресеновки Новомосковского уезда, Екатеринославской губернии; сверх того, она поларила ему ещё несколько тысяч десятин в Крыму. Славившись помешком, Кирилл Николаевич Тарловский оставался по-прежнему священником и с этого времени приобрёл известность, как фундатор Самарского монастыря и колонизатор двух теперешних уездов, Павлоградского и Новомосковского. Для монастыря он жертвовал скот, живность, хлеб, продукты, делал разные постройки, возводил новые здания, а для края заводил хутора, деревни, села, в чём находил себе помощников в лице генерал-губернатора Черткова и собственного брата, вызванного им из Черниговской губернии с тремя сыновьями. Прежде основания всякого села, Кирилл Николаевич обыкновенно закладывал, по собственной модели, церковь, потом строил хаты, затем собирал переселенцев, давал каждому из них паруолов, лошадь, девять овец, хозяйственный инвентарь и таким образом последовательно колонизовал пустынный край. Так, малопомалу, он основал сёла: Малую-Терновку^{*}, Кочерёжки, Межиречье, Булаховку^{**}, Васильевку^{***}, Бузовку, Пески^{****}, Новосёлку²² и Воскресеновку. Последнее село было местом пребывания самого основателя его. Здесь Кирилл Николаевич в день храмового праздника, 21 сентября, любил устраивать торжественные обеды; для этого он расставлял на протяжении четырёх верст столы и на них накладывал

разные яства, уставая разные напитки и приглашал к столам всякого прохожего и проезжего, всего больше из ближайших сёл теперешней Полтавской губернии, Орчика и Залинейной. После обеда каждому гостю давал по алтыну денег и по руну овечьей волны и отпускал домой. В Воскресеновке и в настоящее время сохраняется дом «дикого попа», в котором живёт родственник Тарловского, землевладелец Ф. И. Белицкий. В доме сделано четверо дверей с той целью, чтобы удобнее было бежать на случай нападения со стороны врагов: если нападающие ворвутся в одну дверь, то хозяин дома может убежать через вторую, а если они проникнут во вторую, то он может уйти в третью и т. д. Тут же хранилось несколько вещей, принадлежавших Кириллу Николаевичу, а в самой церкви с. Воскресеновки находится помянник, в котором означены год смерти и место погребения его. Под конец жизни Кирилл Николаевич удалился в Самарский Пустынно-Николаевский монастырь и здесь оставался до самой смерти, последовавшей на 75-м году его жизни. Священномирей Кирилл Тарловский скончался 1784 года декабря 4 дня и погребен в Самарском монастыре в каменной церкви*. В настоящее время ходит в устах местных жителей рассказ, что будто бы по смерти Кирилла Николаевича, его камердинер, некто Яшиный похитил все его документы и выдал себя за Тарловского, от которого якобы и произошли настоящие Тарловские. Но правдоподобнее, что настоящие Тарловские – поколение брата Кирилла Николаевича, вызванного им из Черниговской губернии.

На портрете Кирилл Николаевич Тарловский изображён во весь рост, одетым в зелёную рясу, с правой рукой, положенной на сердце, и с левой, опущенной на евангелие, раскрытое на тексте: «Господи, возлюбив благолепие дому твоему и место селения славы твоей». С правой стороны портreta изображено распятие, за распятием виднеются окна церкви, а внизу помещено следующее двустишие:

«Тарловского портрет священника Кирилла,
Щадрота косй сей храм сооружила».

* Теперь Юрьевка, Павлоградского уезда.

** Имение владельца Сокологорского.

*** Имение графа Ностиц, в 30 верстах от Новомосковска.

**** Иначе Панкова.

* Из поминовка, хранившегося при воскресенской церкви села Воскресеновки.

Такова личность знаменитого в своё время «кликаного пола», изображённого на портрете^{*}, находящемся в самарском архиерейском доме. Что касается изображённой также на портрете личности Афанасия Колпака, то о нём мы знаем, что он происходил из малороссийских старшинных детей и владел зимовником по р. Орели, в теперешнем Новомосковском уезде. Кроме того, знаем и то, что Афанасий Колпак с 1745 года и по 1780 служил в Запорожском Войске, сперва простым товарищем, потом атаманом Шкуринского куреня, а затем и полковником Полтавского полка, причём в чине полковника он участвовал в походе 1771 года против крымцев[†], под командою князя Долгорукого, за что получил награду, золотую медаль на голубой ленте для ношения на шее. Знаем наконец и то, что Афанасий Колпак в последние годы исторического существования Сечи «вёл ожесточённую борьбу с обывателями и властями Изюмской провинции за непрекосновенность с этой стороны запорожских владений». Находясь во время похода продолжительное время на Кинбурнской косе, Афанасий Колпак скоро завёл близ косы посёлок Колпаковку, существующую с тем же названием и поныне, с церковью, построеною в 1777 году, во имя сошествия Св. Духа. А возвратясь из похода, Афанасий Колпак вскоре основал другой поселок, Афанасьевку, при р. Богатой, владающей в Орель, Екатеринославской губернии, Новомосковского уезда, с деревянною церковью во имя Успения пр. Богородицы. В 1775 году, после падения Сечи[‡], Колпак получил «франковую дачу» в 4950 десятин при устье речки Богатой, падающей в Орель[§], как полковник Полтавского пикинёрного полка. В 1781 году, 31 декабря, Афанасий Колпак получил отставку с чином армейского полковника, а через шесть лет выбран был предводителем дворянства Александровского уезда, Екатеринославского наместничества, причём за особое усердие по службе пожалован был от императрицы Екатерины II золотой табакеркой. Таковы наши сведения о личности Афанасия Колпака, но когда он родился, где провёл детство, как попал в казаки, наконец кто писал его портрет, и как попал этот портрет в Самарский монастырь, об этом нам решительно ничего неизвестно. Поколение Колпака в настоящее время носит три фамилии: Магденковых, Ильяшенковых и Болю-

башей. На портрете Афанасий Колпак изображён во весь рост. Это – плечистый, коренастый мужчина с открытой, гладко остриженной, без чуба, головой, с кривой короткой саблей в левой руке и с двух-коленчатой с набалдашником палкой в правой; на голубой ленте, надетой на шею, у него висит большая золотая медаль с отчётом – вылитым бюстом Екатерины II; под мышку левой руки вложена шапка с барабашковым околышем, перевёрнутая вершком вниз. Он одет в длинный зелёного цвета, с откидными рукавами, кафтан, опоясан широким с застёжками поясом, к которому, при помощи цепочки, прикреплена сабля; обут в сафьяновые, светло-жёлтого цвета, сапоги. Внизу портрета сделана надпись: «Войска запорожского Низового Афанасий Феодорович Колпаков».

В Георгиевской церкви замечательны две следующие вещи: евангелие и икона. Икона имеет краткую надпись: «Сию икону отменил козак Степан Ченерес», а евангелие – более пространную: «Сия книга Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа данная из Сечи запорожской в память пребудущие лета бого любивым всесвятным архимандритом Гавриилом в монастыре Нефорощанский» в церковь Успения Пресвятой Богородицы за игумена той же обители иеромонаха Гавриила Шишакского 1731 г. Сентября 19[†]. Евангелие напечатано в Москве, в 1717 году[¶]. Кроме всего этого, в Самарском монастыре от времени запорожских козаков сохранилось ещё шесть золотых медалей с разными изображениями и надписями; из последних замечательна следующая: «Войска запорожского полковому есаулу Евстафию Кабелану за его храбрыя и мужественные дела». Вместе с медалями хранится трость какого-то запорожского копейщика с драгоценными камнями, золотою головкой и тремя рельефными купидонами.

Таковы те исторические памятники, которые находятся в Самарском Пустынно-Николаевском монастыре, бывшей обители запорожских козаков. В заключение всего этого рекомендуем путешественнику отправиться на колокольню, подняться на самый верх её и осмотреть оттуда ближайшие окрестности монастыря. С высоты колокольни открывается превосходный вид на все четыре стороны, особенно же на южную: здесь, среди ровной открытой местности, мелькают лишь головки степных цветков, да в отдалении мреют крыши деревянных хат села Песчанки и хутора Махна.

^{*} Екатеринославский юбилейный листок. 1887. С. 32.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Запорожці, ви добрі молоді,
Не ходите битики шляхами,
Не вгоняйтесь в Польщу за ляхами,
Бо ляшенки зрадливії люде –
Як піймають, не добре вам буде.
А в неділю як сонечко сходе,
Пан лементар по табору ходе.
Пан лементар по табору ходе,
За сбою запорожців воде.
Ой, пане наш, пане лементарю,
Бери ж у нас коні воронії,
А нас пусті, бо ми молодій.
Велю я в вас коні одбирати,
А вас велю в кайдані кувати!

От Самарского монастыря, вверх по реке Самаре тянется ряд сел, мало чем замечательных. Из них можно отметить лишь село Вольное, название которого известно было уже в конце XVII века. Вероятно, под теперешним селом Вольным скрывается та самая крепость Вольное, или Сергиев городок, о котором упоминает малороссийский летописец Самонил Величко и который, по его словам, в 1690 году, весь вымер от морового поветрия*. Остатки этого городка, как кажется, уцелили в виде земляной крепости, находящейся за селом Корбовкой, смежным с Вольным, на правом берегу реки Самары, в виде обыкновенного редута с выступами для фланкирования рвов. В окрестностях с. Вольного часто скрывался известный в свое время разбойник, «харізь и характерник», Семен Гаркуша, пойманный потом в 1784 году, 17-го февраля, в г. Ромне, Полтавской губернии. К северо-западу от Вольного идет ряд сел уже более замечательных, чем те, которые протянулись вдоль реки Самары. Из таких особенно интересно село Афанасьевка, основанное упомянутым

* Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. К., 1855. Т. 3. С. 88.

выше полковником Запорожского Войска, Афанасием Федоровичем Колпаком, на речке Богатой, близ реки Орел. Начало ему положено в 1780 году; тогда же заложена была в селе и деревянная церковь во имя Успения Богородицы; спустя год, дан был и план подщерковной земли, сохранившийся в церкви и до настоящего времени с собственноручною подписью Колпака: «Геометрический план Азовской губернии, Екатеринославского уезда, 1781 года. Местность и план сочинял межевщик прaporщик Федор Галич; при сем межевании были и подписаны к сему плану села Афанасьевки помещик полковник Афанасий Федоров Колпак руку приложил». Спустя еще год, окончено было и построение церкви. Из нескольких сел, которые основал Колпак, видимо больше других он любил село Афанасьевку, так как назвал ее своим именем, жил здесь собственным домом о бок с домом теперешнего священника о. Евфимия Чайкина, на старом дворище владелицы Е. А. Ильяшенковой. По рассказам настоящих родственников Афанасия Федоровича, вся его семья состояла из одного сына Ивана и двух дочерей: Анисы и Надежды; из них сын умер еще неженатым, вследствие несчастного падения с лошади; старшая дочь вышла замуж за помещика Магденка, от которого имела дочь, вышедшую замуж за помещика Ильяшенка, владельца Афанасьевки; а младшая вышла замуж за помещика Болюбаша, фамилия которого сохранилась в теперешнем селе Колпаковке, основанном тем же Афанасием Федоровичем Колпаком. Церковь, основанная в с. Афанасьевке, снесена только в 1886 году и продана в село Катериновку, Полтавской губернии, Константиноградского уезда. В алтаре теперешней церкви села Афанасьевки хранится несколько вещей, принадлежавших старой церкви. Вот они: два креста, серебряных, позлащенных, дярохранительница, серебряная позлащенная; дискос, чаша с надписью: «1780 году месяца октября 12-го дня. Сия чаша сооружена рабом божиим Василием Белим в слободу Афанасьевку до храму Успения, яды мою плоть и пияи мою кровь во мне пребывает и аз в нем». Кроме этого, в церкви хранятся три иконы, шитые золотом, из старой церкви: Богоматерь, архистратиг Михаил и Усекновение главы Иоанна Предтечи.

А. А. Русов, видевший старую церковь в с. Афанасьевке, тогда три тому назад, описывает ее в таких красках: «Церковь эта незначительных размеров, в форме креста, с небольшим крылечком, и не отличается ни архитектурою, ни богатством ризницы, кроме разве

своего иконостаса, современного построению церкви. Иконостас пятиярусный с резьбою и позолотою; письмо на иконах для того времени очень тонкое и искусное. Некоторые из икон от времени, солнца и сырости пострадали в такой степени, что трудно определить, что на них изображено, другие отлично сохранились и свидетельствуют об искусстве живописца. В средине иконостаса, выше царских врат, утвержден большой образ Господа Вседержителя, а у престола его позади, справа, архангел Гавриил, а слева архистратиг Михаил, и оба эти начальники небесных сил изображены в виде запорожцев; Михаил явственно даже в смушевой шапке и с мечом».

«Что за дикая фантазия?» — спросит читатель. Прежде всего, можно думать, здесь проглянуло высокое сознание о себе запорожцев, что они всесветные «лыщари» на море и на суше, достойны охранять престол Господа Вседержителя; но вернее, кажется, предполагать здесь ту мысль, что запорожцы несут к престолу Господню свою заветную храбрость и отвагу и готовы сложить головы за имя Его. Если соопоставить, впрочем, стоявших здесь на страже у престола Господня запорожцев с малороссийскими козаками вообще, которые, как удалось нам прочесть в одной рукописи XVII столетия, отгоняют от креста Спасителя распинающих его поляков и жилов, то внутренний смысл названного выше изображения получает новый оттенок национального сознания своей близости к Богу и угодности Ему срашительно с мучителями христианского рода, в ланную пору яхами и жилами, а также соседями бусурманами. Уцелевшие другие изображения в этом роде, а также некоторые произведения старинной нашей письменности, указывают на присущую нашим предкам особую наклонность к антропоморфизму, стремление приблизить себя к божественному, низвести оное в круг быденных своих образов и представлений*.

К западу от села Афанасьевки, на расстоянии пятидесяти верст по прямому направлению, стоит замечательное местечко, Котовка, того же Новомосковского уезда, имение именем Георгия Петровича Алексеева. По преданию, оно основано каким-то запорожцем



Ч. I. Рис. 2.

Подковник Афанасий Колпак, собрания Г.П. Алексеева.

* А. Р. и. Небесные архистратиги в образе запорожцев // Киевская старина. 1887. Т. 19. № 11. С. 587–588.

Степаном Котом, выходцем из Полтавской губернии*. Первая церковь в м. Котовке заложена 5-го октября 1774 года старокодакским наместником Григорием Порохней, по просьбе кошевого атамана с Войсковою старшиною и товариством, Петра Ивановича Калинишевского, и графа Петра Александровича Румянцева и по благословению киевского митрополита Гавриила. В это время в Котовке было семьдесят три двора, в которых жили козаки, бывшие в Сичи, но потом вышедшие из нее, поженившиеся и осевшие у левого берега Орели, против села Ряжского, стоявшего на полтавском берегу реки. Для них-то и построена была первая церковь. В эту церковь определен был священником бывший козак кисляковского куреня, Иван Андреевич Высота, восемнадцать лет проживший при войсковой запорожской школе и потом служивший дьячком при походной войсковой церкви Георгия Победоносца. «На сражениях не был, — показал он о себе сказкою, — и потому никого не убил»**. За падением Сичи церковь эта окончена на собственный счет помещика, статского советника и кавалера Иллариона Спиридоновича Алексеева. Вторая церковь основана в Котовке уже через семнадцать лет, так как первая уже признана была обветшавшей.

Местность, в которой находится местечко Котовка, расположена по левому берегу р. Орели***, отделяющей Екатеринославскую губернию от Полтавской. Река Орель, у древних руссов Угъл или Угол, у русских гидографов Ерель, Орель, у малороссийских летописцев Орель начинается в теперешней Харьковской губернии двумя речками, Верхнею Орелью и Нижнею Орелью, иначе Орелькой, или Попильнушкой. Верхняя Орель берет начало близ села Лимана, Змиевского уезда; Нижняя Орель берет начало около села Верхней Береки, того же уезда, впадает в Верхнюю Орель ниже так называемой стрелки, у которой сходятся три губернии: Харьковская, Полтавская и Екатеринославская. Последнюю Нижнюю Орель охватывает

* Из владельческих записей видно, что поселок Котонка в 1758 году, по купчей крепости, перешел от запорожца Кота к секунд-майору Иллариону Спиридоновичу Алексееву, участковому в Семилетней войне против Пруссии и потом бывшему губернатором в Пскове, до самой смерти, последовавшей в 1798 году.

** Феодосий (Макарский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880. Вып. I. С. 346.

*** Орель одного корня со словом Урад, т. е. река границы; по другим Орель одного корня с джагатайским «орель — нурель» — там-сам, т. е. река, текущая там-сам.

на протяжении 30 верст, начиная от села Ново-Петровки Павлоградского уезда. Всего течения реки Орели от истоков и до устья 400 верст. Она составляет собой левый приток Днепра, впадая в него выше села Песок, Новомосковского уезда, и как раз против начала села Бородавки, Екатеринославского уезда, которое раскинулось по правому берегу Днепра. Во время существования Запорожья Орель служила границей между владениями запорожских козаков и малороссийскими*.

За время ухода отсюда запорожцев под власть турок, с 1709 по 1734 год, русское правительство построило здесь целую линию крепостей, почти от самой вершины и до устья Орели, сделавшейся в то время пограничной рекой между российскими владениями и татарскими. Эта линия крепостей^а возводилась в течение двух лет, от 1731 и по 1733 год, под присмотром трех полковников: киевского Антона Танского, прилуцкого Григория Галагана и лубенского Петра Апостола, сына известного малороссийского гетмана Даниила Апостола. Работали 20 000 козаков и 10 000 малороссийских крестьян. Крепости, возведенные по реке Орели, были таковы: Св. Параскевы, Орловская, Св. Иоанна, Бельсовская, Козловская, Св. Феодора, Ряжская, Васильковская, Лявенская и Борисоглебская. Большинство названий крепостей дано «на имя тезоименитых ее величества государыни императрицы Анны, также сестрии ее величества, государыни царевен, Екатерины и Параскевии»**.

В настоящее время левое побережье реки Орели, выше и ниже местечка Котовки, представляет из себя обширную, совершенно открытую долину, обильно орошенную водой, покрытую у самых берегов реки прекрасным дубовым лесом, поросшую густою сочною травой и обилующую множеством дичи и зверей. В дождливое лето орельская долина кажется поистине палестиной, текущей млечком и медом. Недаром на ней останавливали свое внимание уже путешественники XVII века. Известный французский инженер Боплан с особенной подробностью описывает орельские леса, а о самой реке говорит, что в ней водилось неимоверное количество рыб: в одну тонну ловили их здесь по 2000 штук; тут же, близ Орели, были

такие озера, в которых рыба от множества задыхалась, пропадала и портила воздух*. Можно себе представить, после этого, что-то было на этой долине три-четыре тысячи лет от нашего времени! Множество леса, травы, воды, рыбы, птиц и зверей не могло не обратить на себя внимания человека, особенно в то доисторическое время, когда он еще не умел заниматься ни хлебопашеством, ни скотоводством, ни овцеводством и находился в полной зависимости от природы и ее даров. Оттого человек в отдаленнейшее от нас время избрал местом своего жительства орельскую долину. Подтверждение этому находим в тех могильных памятниках, которые спорадически и группами раскинуты по орельской долине и которые относятся, главным образом, к доисторическим временам, к так называемому каменному веку.

Местечко Котовка принадлежит владельцу Георгию Петровичу Алексееву. Г. П. Алексеев известен в науке как нумизмат, а во всем Новороссийском крае — как собиратель древностей и обладатель большого музея, стоящего около сотни тысяч рублей. В его музее есть немалая часть и запорожских вещей. Вот главнейшие из них: оружия: пушки, ружья, пистолеты, пули, копья, сабли, ятаганы, шашки, кинжалы, келепа, пороховницы, якирьсы, ногай; клейноды: булава, знамя, трубы; сбруя: седла, стремена, удила, узды; одежда: поняса, пряжки, гудзыки; посуда: кружки, кубки, штофы, чарки; письменные принадлежности: чернильницы, каламари; украшения: перстни, серьги, кольца. Сверх всего этого в собрании Г. П. Алексеева есть несколько образов, крестов, крестиков запорожских, множество трубок, больших и малых, деревянных и черепковых, и наконец пять картин: князь Потемкин, умирающий в степи и окруженный запорожцами; гайламака, играющий на бандуре с люлькой в зубах, под ветвистым деревом; Афанасий Федорович Колпак, в двух видах — поясной, оригинал, и во весь рост, копия с самарского, и «дикий поп», Кирилл Тарловский, поясной, оригинал.

Ниже местечка Котовки, по той же реке Орели, стоит слобода Чернетчина, Новомосковского уезда. Эта слобода принадлежала запорожскому Нехворощанскому Орельскому монастырю². Основание Нехворощанского Орельского монастыря в разных источ-

* В этом убеждают нас универсал польско-литовского короля Стефана Батория, 1576 года, и карта инженер-полковника де-Бонселя 1740 г.

** Летопись Самовидца. М., 1846. С. 104.

* См. карту лесов Боплана и «Описание Украины». СПб., 1832. С. 16.

никах показывается различно: в летописи Величка о Нехворощанском «вновь построенном во имя Спаса» монастыре говорится уже под 1696 годом^{*}; в Записках Одесского общества истории и древностей названы дела Нехворощанского монастыря только с 1705 года^{**}; у Строева время основания Нехворощанского Успенского монастыря отнесено ко времени после 1709 года^{***}. Первым игуменом его был Паисий Монковский. Нам неизвестны подробности ни основания монастыря, ни закрытия его. О нем не упоминает никто из малороссийских летописцев; он пропущен в расписании епархий малороссийских императрицы Екатерины II^{****}; о нем два слова сказано у преосвященного Гавриила^{*****} и столько же у преосвященного Феодосия^{*****}. Причиною закрытия Нехворощанского монастыря (закрыт в 1799 году) была его бедность и малолюдство. Церковная сумма его, вещи и колокола перенесены в Самарский Пустынно-Николаевский монастырь, келлии снесены и проданы, а церковь, во имя Св. Успения, отдана была жителям слободы Чернетчины. Теперь на месте бывшего монастыря холмятся одни развалины, покрытые кустарниками да густой непролазной травой. Место дикое, унылое, наводящее тяжелую тоску.

Из остатков старины в слободе Чернетчине сохраняются требник, напечатанный в гетманство Мазепы в Киеве, напрестольный кипарисовый крест, обложенный серебром, высоты полторы четверти, с надписью: «Сей крест зделан козаком куреня колниболовецкого Степаном единим 1773 года», и синодик или помянник, принадлежавший некогда Нехворощанскому монастырю а потом, после закрытия его, перешедший вместе с церковью в слободу Чернетчину.

* Летопись событий. Т. 3. С. 369.

** ЗООИД. Т. 2. С. 785.

*** Списки иерархов. СПб., 1877. С. 931.

**** Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России и его народе и козаках вообще. М., 1847. Т. 4. С. 59.

***** Гавриил (Розинов). Очерк повествования о Новороссийском крае. Тверь, 1857. Т. 1. С. 34; Т. 2. С. 82.

***** Феодосий (Макаренский). Самарский Пустынно-Николаевский монастырь. Екатеринослав, 1873. С. 82.

иу*. Он начинается 1714 годом и оканчивается 1787-м. Как документ еще нигде не напечатанный, этот синодик интересен тем, что в нем перечисляются игумены монастыря, числом десять, роды некоторых исторических малороссийских деятелей, роды некоторых известных духовных лиц, панов, купцов, мещан и, что всего для нас интереснее, целые сотни запорожских козаков, представленных здесь по куреням.

Точное заглавие синодика таково: «Синодик, рече поминание вселенского родословия, зложен по умышлению святых 12-ти апостолов и богоносных отец от правил святых семи соборов, како жити нам в вере закона христианского, написанный року 1714, месяца марта в 18 день, иеромонах Ворсонофий игумен М.Н.». За этим заглавием книги идет следующее двустишие:

«О смерти, смерти, неисповеданный нам час,
Душам и телом нашим прекрепкий ужас».

Ниже этого двустишья на синодике изображены кости человека, в виде буквы Х, и над костями, в том же виде, сделана надпись: «Исчезоша яко дым днин мои, кости моя яко сушило сосохшася». Под костями вставлен стих:

«Блите и молитеся, яко не весте дне ни часъ».

Ниже этого стиха изображена голова человека и ниже головы – новые стихи:

«Взирая, человече, на смертную главу,
ни во что же вмений красоту и славу.
Да не прельщаеши лицом си телесним,
помятуй, яко прахом будешъ безчестным,
Днесь живешьъ, а умре яко цвет уянешъ,
погребен сми подобным смертной главе станешъ».

* По Строеву, Нехворощанский Успенский монастырь основан после 1709 года; игумены его: Феодосий Несторович Петр (Аргентинский; 1765-1768), Игнатий Максимович (1768-1775), Илларион (1775-1776) и Лукиан (1777-1783); Списки иерархов. СПб., 1877. С. 93.

«Предисловие с синодика сего, како в православии живущим утверждатися, и яко в святых церквах божиих поминаемых бывати». За этим предисловием идут поминания царей (с Ивана Грозного и до Елизаветы Петровны включительно), царит, царевичей, царевен, вселенских патриархов, московских патриархов, киевских митрополитов⁶, «архиепископов, епископов», архимандритов, игуменов, игуменов св. обители сея: Герасима, Паисия, Варсонофия, Трифилия, Феодосия, Софрония, Гавриила, Исаака, Петра, Демьяна; иеромонахов, иеродиаконов, монахов. Затем перечисляются особо роды игуменов монастыря Нехворощанского: Паисия Монковского, Исаака Собецкого, Варсонофия Жученка, Игнения Максимовича, 1769 г., Трифилия Одинца, Софрония. Дальше следуют роды: архимандрита Гавриила Яновского, постриженца монастыря Нехворощанского, 1743 г.; игумена Нехворощанского монастыря Гавриила Шияшанского, наместника монаха Петра, начальника обители сея Лаврентия Гординского, игумена Петра Артковского, 1765 года, наместника Василия Феодоровича. Затем перечисляются роды девяти простых иеромонахов, после чего уже идут роды панов.

Из панских родов здесь между многими другими записаны следующие: Григория Гершка, Михаила Коростовца, Ивана Рубана, Ивана Сагайдака, Ивана Леонтьевича Черняка, пана Данила Максимовича, полтавского полковника Василя Кочубея, его милости гетмана Даниила Апостола (1732 года), пана полковника Афанасия Федоровича Колпака, пана Полещки, Леонтия Ивановича Синегуба, пана Ивана Роксунского, пана Белозерского, пана Ревы; тут же вставлены роды архимандрита печерского Тимофея Щербакова и, что всего интереснее, послушницы Нехворощанского монастыря Анастасии. Тут же, наконец, под 1759 годом, стоит пометка: «хлеборобство»*.

Перечислив роды панов, козаков, мещан, пань, монахинь, игуменов, поминание затем перечисляет роды запорожских козаков, которым принадлежал Нехворощанский монастырь. Здесь перечисление идет уже по куреням, которых насчитывается 38. Курень пашковский (шашковский); здесь названо тридцать три рода. Впереди всех стоит род Малашевичей (нужно думать, род коневого атамана

Ивана Малашевича): Гордия, Евдокию, Алексию, Параскевию, Константина и др. Курень кущевский («кущувский»); всех родов названо двадцать девять; на поле стоит: «сего куреня козака Андрея Красы род». Курень кисляковский стоит без имен; только на поле сделана приписка: «род Каленика Соби». Курень ивановский; записано восемнадцать имен. Курень коневский; записано двенадцать имен. Курень сергеевский; записано двенадцать имен; на поле сделана надпись (другими чернилами): «род Сидора Гордия». Курень донской; записано сорок одно имя; из них тридцать четыре другими чернилами; на поле прибавлено: «род Наума Левченка, род Якова Белицкого 1779 года». Курень крыловский; записано двадцать пять имен; на поле добавлено: род Ивана Бурнос-Тарана. Курень каневский («каневъский»); записано двадцать три имени; на поле добавлено: «род Мороховца, род Григория Чернянского». Курень батуринский; записано восемнадцать имен; на поле добавлено: «род Лукияна Шульги». Курень поповический; записано шестьдесят семь имен, на поле добавлено: «род Максима Черного, род Пилипа Аслека, род Павла». Курень власоринский; записано одиннадцать имен. Курень незамайковский - без записей. Курень ирклесский - четыре имени. Курень щербиновский; записано сорок четыре имени; на поле добавлено: «род Григория Кирпи, род Максима Задераки, род Фелора Товстонога». Курень титаровский; записано двадцать три имени; на поле добавлено: «род Шара-Умира». Курень шкуринский («шкуринъский»); записано двадцать девять имен; на поле добавлено: «род козака Власовского, род Афанасия Феодоровича Ковпака полковника Орельского 1768 года: Федора, Евдокию, Иоанну, Марину, иеря Василия, младенцу Екатерину, младенцу Дарию, Пелагию; род Малого 1776 года». Курень кореневский; записано двадцать одно имя; на поле добавлено: «род атамана Иоанна Рабого, род послушника Алексия Пусунка 1782 года». Курень роговский; записано одиннадцать имен; на поле добавлено род атаманъ(а) Суботи, род Григорие». Курень корсунский; записано два имени; на поле добавлено: «род Федора Шишандкаго». Курень колинболовский; записано два имени. Курень уманский («уманскъй»); записано семь имён; на поле добавлено: «род Ивана Тарана, род Ивана Родана, род Моисея Барлыга». Курень деревянковский («деревянъковский»); записано пятьдесят три имени; на поле добавлено: «род Гармашенка, род Василия Кирпи, род Василия Лигвина, род Василия Хреленчука, род Криси Прокоров».

* Полный список синодика см.: Эваринский Д. И. Сборник материалов для истории запорожских козаков. СПб., 1888.

на 1777 года». Курень стебловский – нижний; записано восемь имен. Курень стебловский – высший; записано четырнадцать имен. Курень жероловский; записано три имени; на поле добавлено: «Род козака Ивана Мерочника». Курень Переяславский; записано пять имен. Курень Полтавский; записано двадцать одно имя; на полях прибавлено: «род Герасима Галушки, род паламоря сечевого Ивана Гаркуши, род Величков». Курень мышастовский; записано семнадцать имен; на поле стоит: «род атамана Кирины». Курень менский (менгійський); записано четырнадцать имен. Курень Тимофеевский («тимошувський»); записано двенадцать имен. Курень величковский; записано одиннадцать имен; на поле добавлено: «род Петра Безрукаго». Курень левушкинский; записано семь имен. Курень пластуновский; записано девять имен; на поле стоит: «род Аврама Шрама». Курень дильковский (дільковський); записано десять имен; 1772 года марта 3 дня Галалим. Курень брюховецкий («брюховецький»); записано девятнадцать имен; на поле: «Іоанніта», а на верху: «кошовий». Курень велмедовский; записано восемь имен. Курень платнировский («платнипровський»); записано восемь имен.

Складывая все имена по куреням, получаем до 700 человек. Само собою разумеется, что синодик не имел в виду, да и не мог, перечислить всех козаков, от первого до последнего, но во всяком случае, показания его не лишены интереса.

В прямом направлении от³ местечка Котовки идут хутора Шевцовы, село Магдалиновка, деревни Королевка, Поливановка (на речке Кильчени), села Очереватое и Спасское. На этом пути, между селом Очереватовым и Спасским, на земле спасских крестьян, стоит огромнейший курган, единственный по величине, сколько нам известно, на всем юге России. Он носит название Великой могилы и имеет через вершину, по направлению от севера к югу, сто сажен, а в окружности ровно пятьсот сажен. Великая могила насыпана на посменном лугу, между двух рек, Губинской с востока и Кильченем с запада, и с трёх сторон закрыта лесом. Если смотреть на Великую могилу по направлению от востока к западу, то кажется, как будто она упирается в гору правого берега р. Кильчени и как будто сливаются с ней. Это обстоятельство служит причиной того, что многие проезжающие мимо могилы принимают её за естественный холм. На самой вершине Великой могилы насыпана другая могила, имеющая в окружности тридцать одну сажень, а ниже Великой стоит третья мо-

гла Богомазова, в окружности триста сажен, через вершину – восемьдесят три. На вершине этой последней сделаны еще две могилы, одна у северной оконечности, другая – у южной.

В селе Спасском живёт крестьянин Самойло Прус, восьмидесятилетний старик, лучший знаток своего края, знающий несколько преданий о запорожских козаках.

– Діду, чи давно вас Господь призвів на світ?

– Тисяча вісімсот сьомого году, місяця сентября, шостого числа.

– А що ж у вас за фамилія така?

– Моя фамилія від діда прус; він був подарований царіці. Та як вислужив їй службу, то й став просити до себе, а вона й каже: усє ровно, що прус, що рус, служи у мене.

– А як ви думаете, діду, за їх могили: чи їх хто покопав, чи вони самі вирости?

– Та які дав Бог, які од людей узялись, а які ще од потопа: як був потоп, то деякі вода повікручувала, а як були запорожці, то інші могили – вони понасіяли. Оци могила Богомазова, так вона і зветься від того, що у неї запорожець Богомаз захований. У цій могилі стоять десь срібна кобила.

– Так бачу, тут запорожці жили.

– Запорожці. Це ж воно од їх і село завелось. Тут з давніх давен християне усе ховались від татар: як набіжуть орда, то християнє і спасаються тут саме від неї, ото воно і Спасске прозвалось. А тут де в Бога взялись запорожці та давай їх кіцвати, давай кіцкати та їх зігнали аж за Крим, там вони і зосталась. Ото ж тоді запорожці і церкву тут поставили, вона вистройна так, як і самарська, уся на тиблях, без гвізлів; там же вони, за Спасским і городок поставили, а отут около могил і жили вони: Заліпи, Ткачі, Мирони, Богомази. Старий Богомаз як умер, то его і поховали у могилі. Ото ж і находять тут люде усіччину запорожську: і залізичча, і пшотолі, і сволини, і кулі.

– Як же ті запорожці жили.

– Жили так, як вонкулаки, що все у їх навіврот було. Ото ж недаром про їх і співають пісню:

«Славні хлонці-запорожці
Вік звікували, церкви не видали;
Ях забачили та їх у полі скируту,
Отаман каже: «ото, брати, церкви!»

Осавул каже: «я в ній стовілався»⁴.
 Славні хлопці-запорожці
 Вік звікували, попа не видали;
 Як забачили ти у полі чапа,
 Отаман каже: «ото, братці, піп, піп!»
 Осавул каже: «що я й причащаєсь!»
 Славні хлопці-запорожці
 Вік звікували, дівки не видали;
 Як забачили на болоті чаплю,
 Отаман каже: «ото, братці, дівка!»
 Осавул каже: «що я й женіхався!»

— О так у їх і було?

— Ні ще й не так! У їх хто раніше прийшов у Січ, то той і батько, а хто пізніше, то той і син. Тобі, примірно, двадцять год, а до тебе кажуть: «батьку», а мені, скажем, сімдесят год, мене називають: «синьку». А як прайде було який-небудь новичок на Січ, то зараз велут його у курінь⁵. «Ну, синку, оце і вся тобі домовина!» А як умреш, то ще меныш буде. Це що? Були у їх ще й не так; чи чули ви, що таке зналось у запорожців гострою палею?

— Чути чув, а добре не знаю; а що воно таке есть?

— Такий стовп з залізним циплем на версі, що на него сажали злодіїв. Як хто убив товариша, то зараз его на палю. Підведуть его, піднімуть по дрибині та й посадять на ципль. І вискоче той ципль аж на спині, між лопатками. Так і стоїть злодій на палі, аж поки не висохне у нього пурпур та не спаде тіло. Як вітер опахне кістняк, то він обернеться кругом, заскрипить, як ті двері на ржавих петлях, та й знову зупиниться. Стовпова смерть!

Була у запорожців така поведінція: перед тим як посадити на палю, об'являли скрізь по всій окрузі, чи не знайдеться де така дівка, щоб вийшла за стоновника заміж, тоді його освобоняли од казні, а тільки висилали геть за Січу, на зимовник. От і вязвалась якось. Прийшла усі зав'язана платками. Стовповик підійшов до неї та й каже: «А роскрийся, я подивлюсь на тебе, яка ти есть». Вона роскрилась. Глянув він, аж вона ріба як петрівська зузуля. «Як с таким падлом вінчаться, так лучче на палі мотильця!» Та й пішов на палю.

⁴ Игра слов: «ломовина» на мадорусском языке собственно значит «гроб», но здесь придано значение «дома». Вот тебе и дом!

— Як же-ж воно було їм жити отут, чи так, як і тепер.

— Е, куди вам! Тоді які селетельні балки тут були! Оци Богомазова балка, що в ній за лісом і світа божого не видно було: як піде дощ, хоч якій густий, то добіжи тільки в балку, там його і не чути: шумить тільки з обох боків, а в середину і не доходить.

— А чи довго ж вони жили тут?

— Жили, аж поки цариця Катерина Олексіївна не розігнала. Землю їх роздала панам, а людей повернула в роботу: «шівертайте і робіть їми; будете робити їми аж до того царя, который буде на іншій службі. Теперь царь чинами ларє, а вона землями та людьми. Почули от запорожців та їх кажуть: чого ж ми тут будем жити, щоб нам кров на кров іти, пани-братьи? Лучше ж нам кантами дратъ та дуби затикатъ та під турка тікатъ». Сіли та за Дунай і подались...

За селом Спасским идут деревня Куроелова, село Огрень, Чапли, у левого берега Днепра и село Старый-Кодак у правого. Кодак, Кудак, Кайдак, Кадак, Кайдак, как крепость, становится известным уже с 1635 года; основание его положено известным французским инженером Бопланом. «Ниже острова Козацкого на пушечный выстрел, — говорит сам основатель крепости, — находится Кодак: здесь начинаются пороги... На Кодаке в июле 1635 года был заложен мною замок; но после моего отъезда, в августе месяце, некто Солиман (следует читать Сулима), предводитель мятежных козаков, возвращаясь с моря и видя, что замок преграждает ему путь, напал на онный врастплох и изрубил двухсотный гарнизон, состоящий под начальством полковника Мориона»⁶. Впрочем, уже в 1638 году крепость Кодак снова возникает и опять под наблюдением того же Боплана. На этот раз для защиты крепости лично отправился в Кодак Конецпольский с 4000 воинов и оставался там до того времени, пока крепость не была приведена в оборонительное положение, т. е. около месяца; потом удался из крепости с 2000 солдат^{**}. Когда крепость была окончена, то тот же коронный гетман, Конецпольский, осматривавший её, лукаво спросил козаков: «Каков вам кажется Кодак?» — «Что руками созидается, то руками же и разрушается» (*Manu facta manu distruo*), — ответил таоже лукаво, по-латыни, сотник

⁵ Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 19.

^{**} Там же. С. 21.

г. Чигирина, Богдан Хмельницкий*. И предсказание его сбылось. Уже в 1648 году Кодак был взят козаками Богдана Хмельницкого, объявившего войну польскому правительству, а с 1656 года он считается за запорожскими козаками; тогда здесь учреждена была первая береговая стража из охотников козаков-лоцманов, коим, по строгому указу Коша, вменено было в обязанность всячески содействовать судоходству по Днепру. Для береговой стражи в Старый-Кодак отправлена была из Сичи запорожской походная церковь Св. архистратига Михаила и при ней первомонах Межигорского монастыря**. В 1672 году крепость Кодак, по словам описи городов в Запорожье, представлялась в таком виде: «Город Кодак. Земляной вал стоит на Днепровских верхних порогах, под первым порогом урочищем Колаком на той стороне Днепра от Киева; а строили, по указу пол(ъ)ского Владислава короля, тот город немцы*** тому лет с 40 или бол(ъ)ши; а бойницы сделаны из земли; вход в него с одной стороны меж рек, а палей и обломков нет. А от порогов, кругом его ров обрезной и во рву набит чеснок дубовой. А мерою де тот город Кодак кругом 900 сажень. Пушек в нем две железные городовые да две затинные пищали; а сколько к тем пищалим ядер и зелья, фиттило и запасон, того они не ведают****. Открытое местоположение, близость к Днепру, близость к просзжей дороге, остатки самого укрепления в Колаке обращали на себя внимание и других лиц военного звания: князя Голицына, Леонтьева, Бутурлина, Глебова, Саварина и даже императора Петра Первого, посетившего Старый-Кодак в 1699 году, во время второго похода под Азов. Крепость охранялась лоцманами, жившими отдельно от неё, в селе Старом-Кодаке, и составлявшими главное ядро населения даже в то время, когда, по повелению Петра, уничтожена была, в 1709 году, самая Сича Запорожская. Только с 1739 года Старый-Кодак подновлен был выходцами из Старой Малороссии, а с 1775 года – козаками последней Сичи. В истории запорожского и малороссийского казачества Старый-Кодак играл огромную роль, так что нет ни одной лето-

* Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1884. Ч. I. С. 181.

** Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринопольской епархии. Екатеринополь, 1880. Вып. I. С. 71-72.

*** Боплан был родом француз.

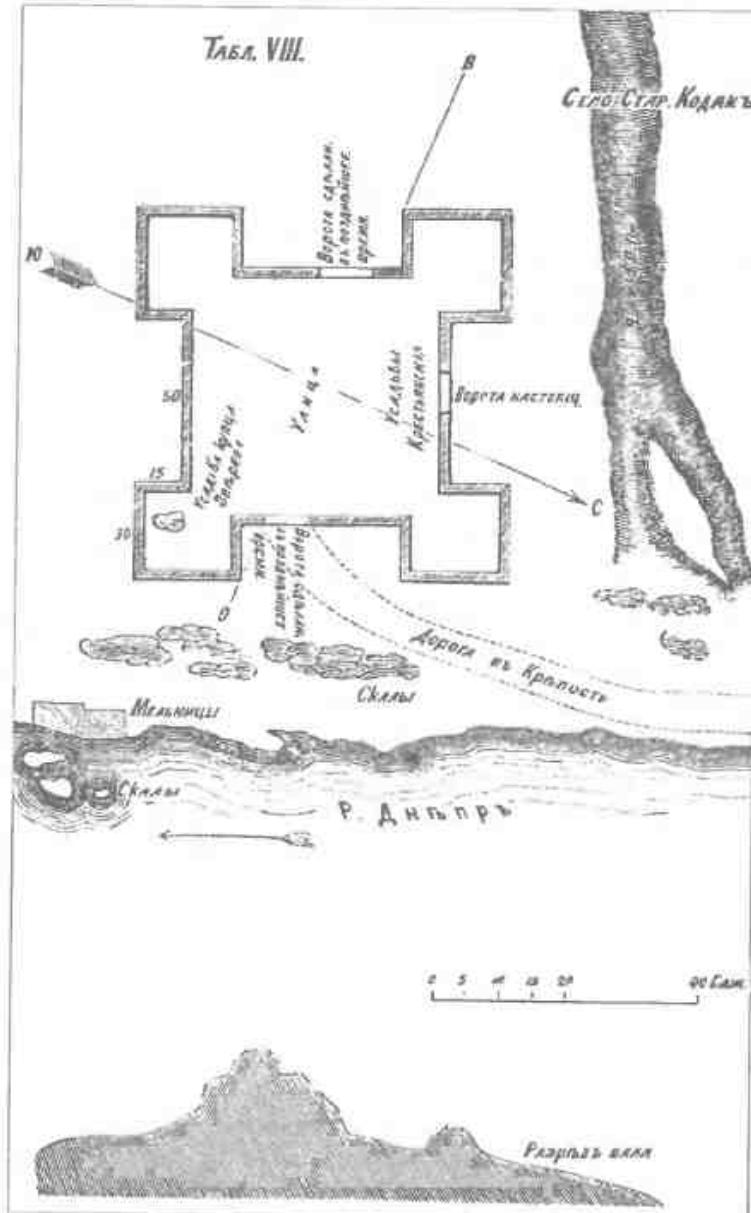
**** Акты ЮЗР. СПб., 1879. Т. II. С. 14.

писи, нет ни одной истории Малороссии или Запорожья, нет ни одного собрания актов Южной России, где бы не упоминалось о Старом-Кодаке*.

В настоящее время о прошлом Старого Кодака говорят только остатки земляной крепости да те немногие вещи, которые сохраняются в церкви села. Крепость расположена у самого берега Днепра, против Кодацкого порога, и заключает в себе пять десятин земли; она имеет вид редута бастионного начертания, в котором высоты валов достигает до десяти сажен. Теперь в бывшей крепости стоит десять крестьянских хат и кроме того большая усадьба купца Зверева, имеющего на Днепре, у правого берега, против самого порога, огромную мукомольную и сукновальную мельницу. Из вещей, оставшихся в теперешней церкви села от времени запорожских козаков, обращают на себя внимание следующие: чаша, небольшая серебряная, с надписью, сделанной в средине: «весу 90 зо (золотников), Ивана Кравчину» и снаружи: «Чашу спасения прийму имя Господне призову»; ковчег или гробница, серебряная позлащенная, с надписью: «Сия гробница Семена Бардадима зделана до храму святителя христова Николая за отпущение грехов своих: 1761 году ноябрь»; копье, стальное, оканчивающееся ручкой с крестом, длины четверть аршина; мириница, сделанная из липового дерева с изображением положения Спасителя во гроб и с надписью: «ангели мира горько плакаху»; напрестольный крест с серебряною подставкою; два венца, сделанные из белой жести; лава деревянных ставника, очень простой работы, в полтора аршина высоты каждый, окрашенные в голубую краску; один аналой, стянутый сверху телячьей кожей; книга окоих или осмогласник киевской печати, 1739 года, с надписью по листам: «Сия книга окоих покойного Ивахна жителя кодакского, купленная ценою, за шесть рублей и врученная ним же Ивахном еще прежде смерти его Иерею Стефану Андреевичу Кодицанову даби он владел ею где будет жить при храму божию до смерти своея 1752 года месяца мая 15 дня»; служебник московской печати, 1751 года; требник черниговской печати Свято-Троицкой Ильинской обители, 1754 года; трофолой или месячная мина, с надписью по листам: «Сей трофо-

* См.: Акты ЮЗР. Т. 6. С. 15, 17, 18, 29, 72, 174; Т. 7. С. 103, 154, 338; Т. 8. С. 214, 313; Т. 10. С. 441, 452, 476, 484, 697; Т. 11. С. 13, 14, 113, 118, 126, 169, 171, 173, 212, 213, 255, 259, 260; Т. 12. С. 47, 570, 813, 818. См. также: Kudak Dubieckiego. Warsaw, 1879.

лой куплен козаками куреня каневского Яковом Лепетио да Петром Плясуном в село Карноухонку до храму святаго великомученици Варвари 1774 года иуния 22^{го}; фонарь деревянный, набитый на простую деревянную неотесанную ручку и, наконец, два запорожских пояса, персидского сырца, по девять аршин длины, по две четверти ширины каждый.



Ч. I. Рис. 8.

План крепости Кодака.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Б'ють пороги, місць сходи,
 Як і перш сходив...
 Нема Січі, пропав і той,
 Хто всім верховодив!
 Нема Січі: очерети
 У Дніпра питгають:
 «Де то наші літі ділнсь?
 Де вони гуляють?»

Т. Шевченко

Из села Старого Колака мне предстояло два пути: или правым берегом Днепра, степью, или по самой реке Днепру, через пороги. Я решил избрать второй. Мне хотелось осмотреть Днепр от города Екатеринослава и до города Александровска с целью ознакомиться с его порогами, заборами, островами и балками. «Всего удобнее вам идти на плоту, хотя это далеко небезопасный способ путешествия по Днепру», говорили мне днепровские лоцманы, и я решила идти на плоту. Плоты пускаются с верховьев Днепра с «горищими» лоцманами и идут беспрепятственно мимо Смоленска, Киева, потом на десять верст ниже города Екатеринослава останавливаются у пристани Лоцманской Каменики, расположенной у правого берега Днепра, и отсюда уже идут большую частью с «низовыми» лоцманами. Низовые, или вольные, лоцманы живут в селе Лоцманской Каменике и за деньги нанимаются проводить суда через все пороги, почти до самого города Александровска, что составляет более восьмидесяти верст по прямому направлению реки! Сделаться лоцманом – дело далеко не легкое: для этого нужно пройти две школы – школу практики и школу теории. Прежде всего, необходимо несколько раз переплыть все пороги Днепра, сперва в качестве «дебачного» лоцмана, а потом в качестве помощника при главном лоцмане, и только тогда, когда помощник и подробно ознакомится со всеми девятью порогами, и не раз выкажет свою лов-

кость в обходе скал, и приобретет навык безопасно проводить суда, только тогда он может претендовать на звание лоцмана. Однако, звание настоящего лоцмана он получает лишь после того, когда успешно выдержит публично установленное испытание. На публичном испытании, под председательством инженера путей сообщения и в присутствии старых и опытных лоцманов*, будущий лоцман должен ответить на вопросы, когда начинать и когда кончать судоходство на Днепре**; до какого времени по нему можно ходить старым «козацким» ходом, т. е. прямо средину Днепра чрез все его камни и водовороты, и в какое «новым», т. е. через боковые каналы***; должен перечислить имена всех порогов, названия главных и второстепенных забор, прозвания больших и малых камней; должен сказать, как и в какое время возле них «лежит» вода; как избежать опасности разбить о скалы и потопить суда; как направлять на ход барки или плоты и где сделать, в случае крайности, остановку их; при какой высоте воды можно делать «привалы» у Козлова острова (перед Ненасытцем), у балки Сухенькой и деревень Языковой и Афанасьевки****. Только после продолжительной практики и только после такого обстоятельного испытания новый лоцман, при торжественной обстановке и веселом празднестве, вступает в круг старых и испытанных лоцманов.

Весь наличный состав каменских лоцманов делится на два класса, и лучшими лоцманами считаются те, которые записаны во второй класс; во главе обоих классов стоит один «старший атаман» с помощником; за оплошность свою всякий лоцман штрафуется начальником екатеринославского отделения киевского округа путей сообщения. За провод судов и за сплавку плотов через Днепровские пороги деньги получает каждый лоцман на себя лично.

Большинство лоцманов — потомки запорожских казаков; они вполне достойны своих предков «низовых рыцарей». Про их подви-

* Экзамен установлены с 1874 года.

** В первых числах мая и ½ августа.

*** До ½ июня и с ½ августа.

**** От 3 до 4 прилива судоходной воды.

ти рассказывают чисто чудеса. Об одном лоцмане, жившем еще при императоре Николае Павловиче, говорят, что он за свою ловкость и умение переправлять суда через днепровские пороги получил от бывшего в то время министра путей сообщения, графа Клейнмихеля, жалованый синего сукна кафтан с серебряными кистями и обшивками. Это был Григорий Фёдорович Бойко. О другом лоцмане рассказывают, что он на своем веку спас жизнь целым сотням людей,тонувшим в порогах. Это был Василий Десятка. Люди, видевшие старых лоцманов и знакомые с молодыми, отзываются о тех и других таким образом: «Старые лоцманы! То были молодцы! И по виду и по удальству то — настоящие запорожцы! В нашей памяти они и до сих пор живут; имя их свято чтиится и поныне в Каменке. Теперь таких уж нет. Теперь лоцманы перевелись, совсем перевелись. Чорт знает, что стало, а не лоцманы! Так отзываются о теперешних лоцманах старые люди, а между тем меня поражали всегда и настоящие лоцманы. Что за молодцы! Словно на подбор подобраны! Как наденет этот лоцман на себя широкие шаровары синего цвета, как опояшется широким зеленым поясом, как закрутит свои роскошные, как смоль, усы да как выйдет «у недлю, або в свято» на улицу, подопрётся кулаком в бок, — что за красавец писанный! А как протянется он где-нибудь под хатой, в холодонку, около жинки и начнёт «скатыца в голові», — что за пыпная фигура, не налюбоваться!. Но еще лучше он кажется на своей родной стихии, воде, во время переправы через пороги барок и плотов.

На плот лоцман идет за какой-нибудь сущий пустяк, сравнительно с опасностью, десять—пятнадцать рублей да полведра или ведро горилки? Но через пороги он пускается в путь только при самой тихой погоде, когда, что называется, ничто и не шелохнёт. Тут лоцман священнодействует. Те, кому предстоит с ним идти через пороги, собираются в назначенный день на лоцманско-каменской пристани и прежде всего, по команде лоцмана, садятся по местам, «щоб усе добре сідало, а все зло тікало», а затем, по команде же лоцмана, поднимаются с мест, обнажают свои головы, молятся на восток и тогда уже «ручають» в путь.

— Сеажи, добродію, страшно ли переправляться через пороги?*

* Для удобства понимания предлагаю все разговоры с лоцманом в переводе с малорусского.

— Так страшно, что всякий раз, когда и через них иду, так и хлеба не ем: два дня плаву, два дня почти и крошки во рту не бывает. Когда чарочку маленькую выпью, тогда и съем, а то и насильно не вобьёшь в горло хлеба; но много пить, Боже сохрани! Страшно, паничу, очень страшно. Только вот сколько я плавлю, сколько переправляюсь через пороги, а всё-таки, как видите, и до сих пор жив и здоров. Много раз приходилось видеть мне и Кодашкий порог, и Лоханский, много раз приходилось хватать горячего до слёз и от Дида*, много раз приходилось «водить старцев и по Вовнизы» **, а вот и теперь, в добрый час сказать, в лхой помолчать, кое-как двигаюсь. Вы, вероятно, в первый раз идёте через пороги? Коли в первый раз, то я бы вам вот что посоветовал. Если наш плот будет разбит, чего со мной ещё на всём моём веку не было и от чего, конечно, боронь нас Боже, то вы осторожно спуститесь в воду, и одной рукой старайтесь ухватиться за борт плота, а другой старайтесь защищать себя от ударов камней, и так плывите по течению реки до тех пор, пока не встретите более надёжного спасения. Поняли?

— Как не понять? Понял!

Но так совстую вам спасаться имению в том случае, когда будет разбит только один наш плот. В противном случае прежде всего хватайтесь за поперечный, непременно поперечный, жорост на плоту и потом старайтесь держаться на нём лицом не за водою, а непременно против воды. Тут вот в чём опасность: если вы пойдёте лицом вперёд, то на вас наскочит бревно от плота, разбитого позади, смотри, зацепит вас по голове, и тогда вы уже и готовы: сейчас же и на дно опуститесь. Если же вы пойдёте спинкою вперёд, то будете видеть, плывёт ли бревно прямо на вас или мимо вас, тут вы можете или остыть в прежнем положении, или же своротить несколько в сторону. Вот так у нас многие спасаются. Если же плот наш только наскочит на камень, тогда бросайтесь от камня в сторону. Коли умеете плавать, спасётесь, коли не умеете, погибните. В старину, говорят, когда разбивало плот, лоцман ещё и так делал: скочит с плота да на дно реки да там и сидит, пока проплывут все бревна, а потом уже и вылезит из-под воды. Но то, вероятно, в «дуже

* Дилем лоцманы называют Ненасытский порог.

** Образное выражение, употребленное в смысле «куликаты».

давнюю» старину было, когда лоцманы были богатыри — не мы, теперь у нас никто и не отважится так делать.

С такими предосторожностями я сел на плот и вверил себя испытанному лоцману. Лоцман не заставил долго ждать себя. Он стал на передней части плота, снял с себя шапку, перекрестился широким крестом и подал знак плотовщикам-белоруссам или, как их называют малороссияне, литвинам, чтобы они брались за стерно (руль). — «А, ну, хлопцы, к стерну». Плотовщики выстроились по обе стороны стерна, в две линии, одна против другой, и начали двигать им то в одну, то в другую сторону; плот, раскачиваясь по воде, медленно шёл вниз по направлению к порогу. Чем ближе он подходил к порогу, тем сильнее раздавался шум воды в моих ушах и тем большая опасность вырастала перед моими глазами. Прошли одна минута, и мы очутились в самом пороге, носящем название Кодашского. Наш плот как-то особенно сильно качнуло и потом с быстротою молнии пронесло по всем четырём лавам или уступам порога... Не успели мы и очнуться, как уже были далеко ниже порога, протянувшегося на три четверти версты в длину... Вслед за Кодашким мы прошли Сурской, потом Лоханской, далее Звонецкой и, наконец, увидели порог Ненасытский, самый болыпой и самый страшный. Он тянется почти на протяжении полуторы версты, а плот бежит через него в одну, только в одну минуту. — Вот порог, так порог! Что перед ним Кодашкий, Сурской, Лоханский и Звонецкий? Это всем порогам порог! Не даром лоцманы называют его Дилем, а крестьяне — Ненасытцем.

— Отчего он называется Ненасытцем?

— Оттого, что никак не насытится: всё ест да ест, всё лопает да лопает, а никак не наестся и не налопается. И чего только он не проглатил? Как-то шла по Днепру в Херсон берлинца со стеклом и с большим колоколом, да как наскочила на камень Чекуху, что по средине Ненасытца торчит, так люди не успели и осмотреться, как берлинца уже разлетелась пополам, а стекло и колокол только загнули на дно. Сейчас же всё и песком покрылось. Берлинцу после где-то нашли и вытащили-таки из воды, а колокол и стекло и поныне на дне реки лежат.

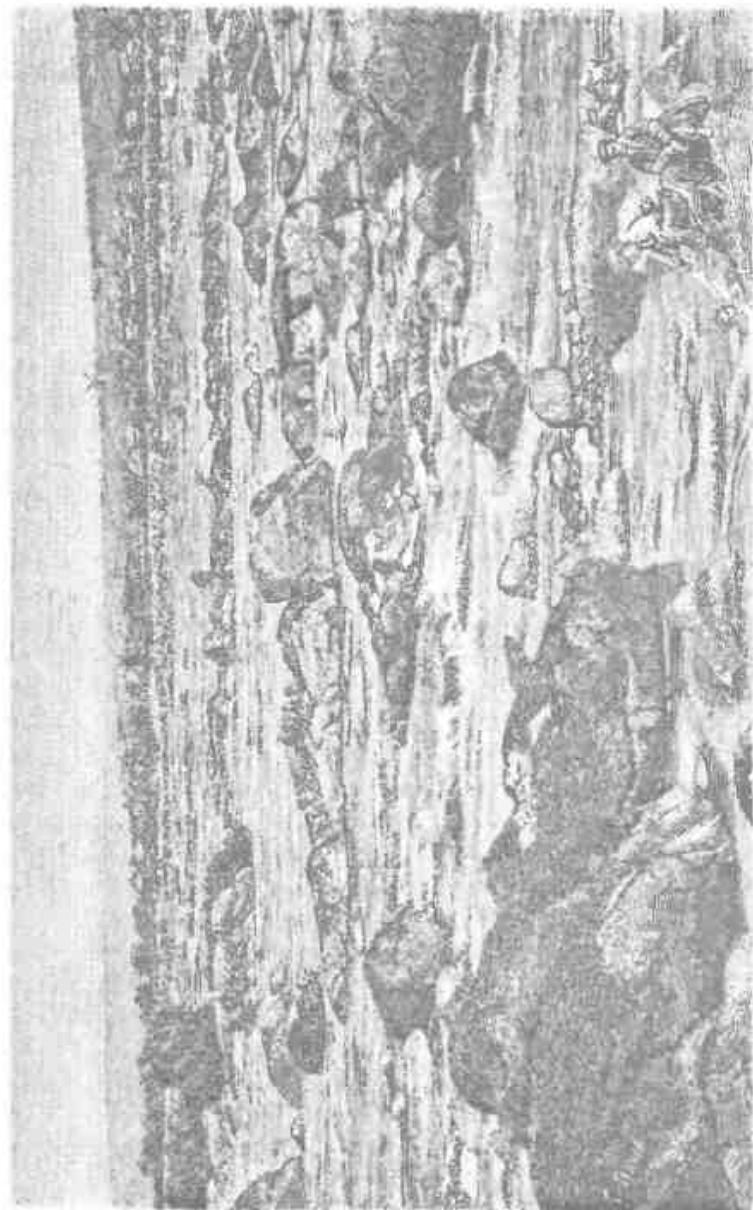
— А людей много губит Ненасытец?

— Хи, и говорить нечего! Вот оборотитесь к левому-то берегу Днепра и посмотрите, сколько их плавает там. За неделю перед на-

шим выходом на Лоханском пороге было разбито двенадцать плотов; наскочила, видите ли, такая полоса ветра, ну и пошло нанизывать плоты один за другим на скалы, да так целых двенадцать и нанизало. И сколько народа тогда погибло! Спасли только немногих, а большая часть вот и теперь плавает. А плавают они потому, что их убирать не приказано. Уже осенью их собирают в одно место и хоронят.

Я обернулся и точно увидел несколько плавающих трупов. Вот один зацепился за скалу ногами и болтается в воде; он одет в старую свиту, подпоясан красным поясом, обут в болыпие сапоги; голова его разбита, рот открыт, губы страшно распухли и между зубов выросла какая-то зелёная плесень. Как сейчас лежу его!. Всё другой труп; он попал в залив, между берегом и мысом, и вертится в страшном водовороте. Он плавает вверх спиной, уже почерневшей от времени и покрытой множеством червей; руки его опущены вниз и как будто схватывают кого-то в свои страшные объятия... И теперь без содрогания не могу вспоминить об нём... А вот женщина с ребёнком на груди, крепко прижалась к ней, - это несчастная мать со своим малюткой!.. А вот два трупа вместе, мужчина и обвиная его за шею рукой женщина. Должно быть, муж и жена!.. Но довольно! Таких утопленников много можно видеть на Днепре, ниже его порогов, в так называемом Великом лугу, или большой плавне, начинающейся непосредственно за островом Хортицей, и идущей вниз понад левым берегом реки, на протяжении около семидесяти вёрст. По весьма достоверным рассказам³, в Великом лугу, после полой воды, собираются десятки, а иногда даже и сотни трупов⁴. В определённое время эти трупы свозятся в одно место и погребаются в общей могиле...

... Уже далёко не доходя Ненасыщенского порога слышен был страшный рёв его; издали, кажется, как будто бы в реке семьсот тысяч водяных мельниц беспрерывно стучат и переливают воду через свои колёса: «Він так меле, так меле, що аж небо гризить, що аж земля труситься». При одном взгляде на тот ад, который кипел в пороге, волосы на голове поднимались вверх. Лоцман и двадцать плотовщиков-белоруссов, ещё не вступая в самый порог, начали брать разные меры предосторожности на случай несчастья. Все посыпывали с себя лишнюю одежду, все поснимали с ног сапоги, стали прощаться друг с другом и потом, опустившись на колени,



Ч. I. Рис. 9.
Вид Ненасыщенского порога.

ни, все стали креститься и читать вслух святые молитвы. У некоторых навёргивались слёзы на глазах. Все были бледны, все как бы превратились в застывшие остыни; один только лоцман выказывал полное спокойствие. Сбросив с ног сапоги и сняв с головы шапку, он остался босой в шароварах синего цвета, опоясанный красным поясом, в вышитой мережками сорочке и с полуоткрытой, выдавшейся вперёд грудью. Он стоял впереди всех, несколько закинув назад голову и, молча, одним движением правой руки, показывал ход работавшим у стерна плотовщикам. И плот, гонимый неизмеримо быстрым движением воды, мчался прямо по направлению средины порога. Но пока он приближался только к порогу, опасности большой ещё не было. Страшная минута наступила собственно тогда, когда плот вошёл в самый порог. Тогда роль лоцмана, и без того великая, ещё больше того вырастает: все ждут от него или жизни или смерти. А он спокойно стоит впереди всех и спокойно помахивает своим скатым кулаком то в одну, то в другую сторону. Небольшой низовой встерок широко раздувает и без того широкие шаровары его да шевелит концами красного пояса, охватывающего стройный стан лоцмана. Он не слышит, кажется, ни того страшного шума, которым стонет грозный порог и от которого на самом близком расстоянии невозможно расслышать⁵ голосов людей, как бы тромко ни силились они кричать. Он не видит, кажется, ни того великана-орла, который взобрался на самую вершину огромной скалы Корабля, торчащего среди порога, и спокойно, убийственно спокойно смотрит на несчастных пловцов, осмелившихся ринуться в самую пропасть страшного порога... То картина поистине достойная кисти величайшего в мире художника!.. И для изображения её первом, по арабской пословице, не достанет языку слов, а воображению красок. Тут всё сливается в один отчаянный гневный рёв реки; тут всякая мысль человека замирает от трепета, а все чувства его застывают от страха. Но тут же самая холодная душа невольно почувствует потребность в молитве и невольно ощутит близость всесильного творца... Но вот мы очутились у самого страшного места Ненасытца, Пекла. Раздался ужасный треск, и наш плот, как бы схваченный железными когтями целого миллиона демонов, страшно затрещал по всем связям и начал погружаться в воду... Он всё ниже и ниже опускается, а вода на нём всё выше и выше прибывает... Вот она уже по косточки, потом по колени, а

потом и по пояс. Сердце у меня страшно застучало, а потом как бы совсем замерло: казалось, что его кто-то схватил в стальные тиски и безжалостно вырывает из груди. Братьцы, братцы, идём ко дну!... Господи, прости мою козацкую лушу! Отпусти ей тяжкие грехи!.. Но тут плот наш, как бы толкнутый снизу целым сонмом тех же ядских сил, быстро поднялся вверх, принял своё естественное положение, и скоро мы очутились далеко-далеко за порогом... Я обратился назад и увидел лишь одни пенистые пузырьки от взболнованной на пороге воды; страшный рёв его показался мне тогда рёвом разъярённого чудовища, стонащего при виде жертвы, вырвавшейся из его алчной пасти.

«Ах, ты, речушка быстрая, слава твоя дорогая!» — грянули хором бойкие пловцы, за минуту перед этим прощавшиеся и с целым светом, и с собственнюю жизнью. И песня их широко лилась вдоль по шумному Днепру, отрадно отдаваясь в сердце того, кому дорог русский человек, в ком острою болью отзываются его страдания, и кто живою радостию откликается на его радость.

Способ переправы через пороги на плоту — бесспорно самый опасный. Безопаснее всего плыть через пороги на дубу, — это большая лодка на шесть, на восемь, иногда на двенадцать и больше грёбцов, довольно высоко поднимающаяся над водой и по внешнему виду напоминающая запорожскую чайку. Дуб идёт всегда в канал порога, оттого он очень редко рискует разбиться о подводные скалы реки. Можно даже вместо дуба употреблять каюк, — это небольшая лодочка, могущая вместить в себя иногда до четырёх человек, выдолбленная из целого дерева с пришитыми по краям её двумя досками, в виде бортов*. В таких каюках плавают обыкновенно рыбаки, которые всего больше стараются держаться вблизи порогов, так как здесь ловится самая дорогая на Днепре рыба, осетры и сомы. Однако для того, чтобы владеть каюком, нужна большая сноровка и ещё большая осторожность, особенно близ Ненасытца. «Ему никогда не можно верить, потому что он всё равно, что пьяница: никому шляху не свернёт; больше его никто тут ни плотов, ни дубов, ни каюков не бьёт: уже если он не полатает, так и некому латать; на нём всякос

* «Каюк» — видоизмененное турецкое слово «кайю», что значит лодка с круглой кормой; из этого же слова образовалось и слово «чайка» — тоже в смысле лодки; это вышло так: «кан-чиши-к-чай-ка»; из «чайкой» вышло «шай-ка», уже в смысле посуды.

лето, вероятно, сотня людей зарына, да и будет таки сотня». Больше всего не любят Дид шуток, страшно не любят. «Как-то раз на спасовку, в воскресенье, после обеда, как сей час помню, вышел до правого берега Днепра панок, — он жил тут в Николаевской экономии, — вышел, взял себе каночек, сел в него и поплыл по Днепру. Плыёт и в книгу смотрит. Плыл-плыл да так и не заметил, как очутился на самой быстре Днепра. А на быстре держись, хлопче, хорошенко! Видит панок, что беда, схватился за весло, сюда туда тем веслом мотает, но ничего не может сделать. Помчало его сердечного в самый порог. Недолго плыл он: наскоцила каюк на камень, и панок только чабульк да в воду!. Поплыл на дно... А в ту пору на Ненасытце, между камнями, рыбаки порасставляли свои снасти для ловли рыбы. Вот один сидит за скелей и не видит ничего, что делается кругом. Только смотрит, что сеть его начало как-то подбрасывать вверх. «Ну, думает, вероятно, сом! Скорей за верёвку и давай тащить сеть. Вытащил, аж гульк! А там вместо сома да пан. Гукнул рыбака на товарищей; те прибежали; давай тогда качать пана. Качали-качали и таки откачали. Отто знай, пане, что Дид не любит шуток. Но тут для пана счастье было, что он не попал в Пекло.

— А разве попасть в Пекло страшнее, чем попасть в другое какое-нибудь место Ненасытца?

— А еще б таки! Пекло — это самое страшное место не только на Ненасытце, а на всём Днепре; у нас говорят: «Попавь у Пекло, буле тобі і колодно і тепло». Там бережинь, козаче, а то как раз будешь ловить раков на дне. В Пекле не один из плотников, да и не один из лоцманов пробовал жёлтого песку. Боже храни, наскочит полоса ветра на плот, когда он идёт мимо Пекла: тут уж ему и так*. Как-то шёл через Ненасытце горицкий лоцман. Тихо было, совсем тихо; когда вот где не взялась полоса ветра. Как загуло, как зашумело да как понесло тот несчастный плот да прямо в Пекло!. Так в одну минуту на мелкие куски всё и поплатилось; остались только одни дубовые колоды; стоят они стоймя среди Днепра, точно мачты. Но вот на них несутся задние плоты. Страх один смотреть! Разогнались, шарахнулись плоты о стоячие колоды, сбили их с мест и вместе понеслись по страшным камням порога. Люди, бывшие на плотах, не

* «Гисо спольского «нак, haczeck» — крюк. «Тут ему и так» — образное выражение — тут его и на крюк поймют — тут ему и погибель.

успели и прийти в себя, как уже очутились в самом Пекле. Вмиг все как-то страшно поперемешалось между собой: там поднимается вверх колода и из-под неё выбивается человек, там плывут пятьдесят бревен вместе, а на них сидят три-четыре человека, поднимают кверху руки, молят о спасении, но напрасны их мольбы: за шумом воды их жалобных воззваний не слышат... Погибли! Все, безвозвратно погибли! Один лоцман, казалось, спасся: он схватился за большое бревно и поплыл вниз по Днепру; но вот против него несётся страшная колода от разбитого плота... Бережись, несчастный пловец! Но пловец не видит своей опасности. Вот вскочила на него колода, ударила вдоль спины, и несчастный лоцман разлетелся пополам. Кипучие волны тут же и похоронили куски разбитого тела... Вот какое то Пекло!

— И часто так бывает?

— Не так, чтобы часто, да и не так, чтобы редко. Видите ли, лоцманы почти всегда спасаются, а плотовщики почти всегда погибают: их, как мух, лущит. Сколько таких несчастных зарыто по балкам по островам днепровским! Не было им счастья на земле, да нет счастья и в земле. Тогда они терпели от людей, а теперь от собак. Вот это захоронят какого-нибудь несчастного литвинка в балке, а собаки уже и тут вынюхают, где он лежит, да и давай «бандурить». Да так и «ухекают» клятые; останется один только кожух да голова. Качается несчастная по балке!

— Страшны, братику, твои пороги!

— Страшны, паниченку! А в старину были ещё страшней. Если бы вы посмотрели на них лет пятьдесят тому назад, да если бы вы послушали, что говорят о них наши деды, так теперешняя переправа через них показалась бы вам просто шуткой.

— Верю, добродиню, верю!

Скоро мы оставили Ненасытецкий порог, потом спустились через Волниловский («Внук порога»), оставили за собой Будиловский и, наконец, очутились около Лишинего порога. Тут я расстырился с лодчаном, оставил плот и передал себя вольным лодочникам, которые давно уже следили за мной.

— А что, хлопцы, бывали на Лишинем пороге?

— Овва! Еще б таки! Бывали и на Лишинем, бывали и на Вильном, да бывали, коли хотите, и на Гадючьем*, ответил мне старший из лодочников, Иван Чавуненко, крестьянин с. Петровского, Александровского уезда. И нельзя было не верить ему: уже с первого взгляда казалось, что то был человек отважный, много испытавший и много видевший из своего века. Высокого роста, стройный, с тонкими чертами лица, с длинными, но редкими рыжеватыми усами, с маленькими, но смелыми, выразительными глазами, этот человек казался воплощённой энергией и мужеством. Люблю было посмотреть на него, когда он свою небольшую, но сильную мускулистую рукой взялся за длинное весло, выставил вперед свою высокую, полураскрытую грудь и с некоторою гордостью стал повествовать о своих приключениях на Днепре, во время частых плаваний по нему.

— Так бывал ты и на Лишинем, и на Вильном, и на Гадючьем?

— Бывал, да еще и не раз! Да что мне Вильный, как я и Диля видел? Раз как-то ночью, плыл я через него в каюке, а ночь была темная-претёмная, хоть в глаз коли. Разогнал я свой каюк, перекрестился да и пустился на волю Божию через порог... Так он, как стрела! Только что выскочил я до Чекухи, скели, что близ Пекла торчит, тут как торхнется мой каюк об ту скелю, так я, вероятно, аршина на два так и подскочил вверх, потом перекинулся вниз головою, да опять таки попал в каюк, да и выплыл из порога... А то как-то шёл я на плоту через Вовнигу. Уже миновали мы Коростеву забору, уже стали «заблизжаться» до самого порога. Только дошли до первой лавы, тут вдруг как потянуло нас, как понесло, да прямо на скелю Грозу. Как начала ж та Гроза «типать» наш плот, так и теперь страшно вспомнить. Смотрю уже один литвинок шелеснулся в Днепр... Только вода покраснела. За ним другой, там третий... Вижу, что лихо, давай спасаться. Мигом, и сам не заметил, как и петельки порвал в сорочке, как и птаны с себя схватил; бросился скорей в воду, схватился за дуб, да и потом через порог. И таки, слава Богу, выплыл; только пришёл в рыбальню голый, совсем голый, как мать на свет народила.

— Теперь вижу, что ты бывал на порогах. А попробуй еще и со мной побывать!

* Своего рода острота: Вильный порог, по местному, называется еще Гадючим.

— Отчего же не так? Готов попробовать и с вами.

Скоро мы спардили свою лодку, уложили в неё всю движимость, заняли на ней свои места и направились вниз по Днепру, к Липиному порогу. Было около полудня, когда мы добрались до самого порога. В тот день с утра стояла превосходная погода, но теперь вдруг в воздухе похолодело, подул сильный ветер, и весь Днепр страшно заколыхался. В такую погоду плыть через порог совсем было опасно.

— Паничу!

— А что, Иван?

— Видите ли, какая буря поднимается?

— Вижу, а что же из этого?

— А то, коли б вы страху не набрались.

— Нисколько!

Оно-то так, а всё же осторожность не мешает: вы бы легли в лодку, то мы бы вас так и переправили через порог.

— И что это ты рассказываешь мне? Да это один срам и больше ничего. Разве ж таки можно, чтобы вы меня лежачего, точно какуюнибудь безрогую скотину, переправляли через порог? Да я, коли хочешь, то ещё и вот что сделаю: выну из кармана часы да буду смотреть, скоро ли мы перебежим через порог.

— Смотрите, как лучше!

— Да уж я сам знаю, как мне лучше!

— Ну, хоть вы и знаете, а всё-таки вот что я вам советую: сядьте такими образом, чтобы вам волна была не в лицо, а в спину, тогда хоть и через голову будет плескаться вода, а вы сидите себе смирино и ничего не бойтесь: мы уже вас вынесем. Одного только и остерегайтесь, чтоб волна не ударила вас в лицо, тогда вы можете упасть навзничь в воду и, боронь Боже, затонуть.

— Добрей! Это я готов сделать.

Итак я усёлся. Левой рукой взялся за борт лодки, а в правую взял раскрытие часы, чтобы видеть, сколько минут мы будем бежать через порог. Но не прошло, как пах, и секунды, как лодка наша уже очутилась в устье канала.

— Хлопцы, смотрите у меня в оба! Слышите?

— Слышишь! Слышишь!

— Господи благослови! Дай, Боже, час добрый!

Все поснимали шапки, перекрестились и ринулись в канал. А между тем погода была поистине ужасная. Вода в пороге так высоко вздымалась, точно она готовилась вырваться из гранитных тисков реки и быстрым потоком разлиться по всем окрестностям Днепра. Чем ниже спускалась наша лодка, тем выше поднимались против нас волны. Но вот мы очутились в самой средине канала. Тут лодка наша вдруг сильно качнулась и приняла почти вертикальное положение. Признаюсь, холод пробежал по всем жилам моего тела... Но в этот момент два дюжих лодочника налегли на корму лодки, и она приняла своё естественное положение, хотя поминутно то опускалась на переднюю, то садилась на заднюю сторону. Мы готовы уже были выскочить из канала, как вдруг на нас налетел боковой ветер. Он поднял вверх огромный вал белой речной пены и с страшной силой ударился о правый бок нашей лодки. Вода хлестнула мне в лицо и наполнила собой половину лодки.

— «Хлопцы, налегай на левый борт! А ну, крепче.. Под скелю! Держите под скелю!.. А ну, ёшё!.. Ох, Господи, и откуда берётся такая сила в этом встре?..»

«Ну, слава тебе, Боже, теперь, кажется, выскочили счастливо!» — в один голос воскликнули мои спутники, как вдруг в это самое время наша лодка шарахнулась кормой о подводный камень и ту же минуту остановилась. Один момент, и она могла бы опрокинуться на бок, выбросив нас в бушующие волны Днепра. Но находчивость старшего лодочника, Ивана Чавуненка, спасла нас от неприятной перспективы разбиться о скалы и пойти на дно Днепра. Он моментально бросился, в чём был, в воду и моментально схватился одной рукой за лодку, не позволяя ей склоняться на бок. Глубина реки оказалась здесь довольно большая, и Чавуненко пришлось всё время одной рукой плавать вокруг лодки, а другой лавировать, чтобы снять её со скалы. Дело было далеко не лёгкое и далеко не так простое, как показалось с первого раза. Нужно было употребить не мало времени и ловкости, чтобы прежде всего не разрезать лодки о камень, а затем опустить её так, чтобы она, быстро подхваченная движением воды, не перевернулась или не ринулась «в быстрю». Но Чавуненко, привозивший целую четверть часа, всё-таки сделал своё дело. Лодка была снята со скалы без всяких повреждений и поставлена на новый ход. «Эх, ты зевака», — заметил Иван Николе, — «и как это ты не заметил скели?» — «Да где же её заметить, когда тут поднялась такая стра-

шленная буря? «Ну, добр! Пусть же вот тот камень, на который ты наскочил, будет называться Зевакой». — «Ну и добр! Пусть называется Зевакою. Вот так у нас, коли хотите, часто даются названия камням».

Уже мы оставили злосчастную скелю, уже причалили к гранитному берегу реки, а над Днепром всё ещё волновалась разнудзанная стихия... И долго сидели мы в глубине земли, под гранитной скалой, и долго слышали мы дикие завывания ветра, угрожающий плеск воды и жалобный шелест листвьев дубов, стоявших у левого берега Днепра... Но странно, прислушиваясь к рокоту волн и говору высокого леса, я слышал в них не диссонанс, а полное гармоническое единство...

— А что, хлопцы, давно видели такую хуртовину на Днепре?
 — Да таки давненько: такая година не всегда на нём гуляет.
 — Ну теперь, братцы, можно где-нибудь и переночевать да кстати и оковыто⁴ попробовать, а то как будто что-то холодит.
 — Да где же тут переночевать, как не в Чортовой хате?
 — Что ж то за Чортова хата?
 — Пещера такая, пониже Лантуховского острова, в балке Вильной.
 — Вот оно что! Так ступайте до пещеры; найдущие этого и выдумать ничего нельзя.

Проплыв мимо нескольких островов, камней, забор и балок, мы, наконец, круто повернули к левому берегу Днепра и вошли в устье балки Вильной. Поднявшись версты на две вверх балки, мы очутились у самой пещеры, находящейся на возвышенном берегу её. Пещера оказалась чем-то вроде углубления, сделанного самой природой в скалистом берегу балки, с большим навесом, немного выдавшимся вперёд. Длина её — около четырёх саж., ширина около двух саж., высота около двух аршин, отчего в пещере можно стоять только согнувшись. В общем она похожа на простую малорусскую печь с большим устьем, в виде входа в неё. Своды пещеры оказались заогнёнными дымом, а сплошное каменное дно оказалось засыпаным песком и золой. В этой-то пещере мы и расположились на ночь, выгорнув предварительно из неё песок и золу. Не было

наше ложе, но утомлённые продолжительным плаванием по Днепру, подкреплённые, какую Бог послал, пищею и согретые «добрью оковитою», мы заснули на нём крепким и безмятежным сном, под шум высокого леса, которым покрыта вершина балки, и под свист ветра, гулявшего в ту ночь по вершинам деревьев.

... Оставив Дурну хату, мы спустились вновь в балку Вильную и из балки вновь вышли к Днепру. Миновав два маленьких островка и два больших камня, мы увидели девятый, последний по счёту порог, Вильный, с очень красивым, стоящим против него на левом берегу Днепра, маяком, в виде небольшой на пьедестале пирамидки. Вильный порог или у древних гидрографистов Вольный, Волный, у местных жителей Галючий, находится на пять с половиной вёрст ниже Лишнего порога, против дома немца-колониста Корниенка, бывшего хутора Марисенталя, с правой стороны, и падает шестью лавами: Серенькой, Покилой, Рядовой, Переимой, Волчим-горлом и Шинкарской. В порог вступали мы при самой превосходной погоде: солнечко только что поднялось из-за горизонта и первыми своими лучами золотило весь Днепр, дотоле окутанный прозрачными водяными парами, отделявшими от воды. На душе было не только приятно, но даже весело. Усевшись поглубже в лодку и взявшиесь покрепче за её борты, мы стремительно пустились через канал и не больше как через полминуты уже были далеко ниже его, пробежав целую треть версты.

Пройдя через узкий проход Волчье-горло, непосредственно ниже порога, миновав деревню Павло-Кичкас, иначе Миркусыкую, расположенную у левого берега Днепра, мы увидели с правой стороны реки плотину, устроенную немцами колонии Кичкас⁵ и окружающую их от наводнения Днепра: Днепр делает здесь большую излучину от запада к востоку, отчего вода, при большом половодье, идёт не по руслу реки, а устремляется вправо, затоняя колонию Кичкас, расположенную как раз против излучины Днепра, на правом берегу. Есть полное основание думать, что именно в этом месте находилась та речка Кичкасовка, о которой упоминает ещё Боплан. «Кичкасовка впадает в Днепр или Борисфен со стороны Татарии; от неё получил своё название мыс, омываемый Днепром и окруженный

⁴ Из латинского aqua vitæ, т. е. вода жизни, горилка.

друмя неприступными скалами, между коими лежит низкая лощина, в две тысячи шагов, служащая единственным проходом»^{*}.

Ниже плотины мы увидели два камня Разбойника и потом вступили в самое узкое место Днепра. Освободившись от порогов и повернув с юго-запада на юго-восток, Днепр потом поворачивает обратно с юго-востока на юго-запад и идет между гранитными скалами, до краиности суживающими его; здесь берега его настолько приближаются один к другому, что расстояние между ними не восходит больше восьмидесяти сажен. Неудивительно поэтому, что в этом случае уже в очень отдаленное от нас время существовала через Днепр переправа, называвшаяся сперва Краийскою (может быть, от имени «Киммериян», а потом Кичкаскою). «Они (русские), - говорит греческий император Константин Багрянородный (905 – 959), - доходят до так называемого Краийского перевоза, где перевозятся херсониты из Русии и печенеги в Херсон. Перевоз этот шириной с гипподромион (т. е. 608 русских футов), а высота берега, усматриваемая снизу, такова, что только доступна удару стрелы»^{**}. В 1594 году Краийская переправа становится известной под названием Кичкаса^{***}; с тем же именем она остается и в 1620. «Здесь (у Кичкаса), - говорит Боплан, - по моему мнению, ширина Днепра самая менящаяся; я видел, как поляки стреляли из лука с одного берега на другой и как стрелы их падали на сто шагов от противоположной стороны. Татары имеют там самую удобную переправу, ибо Днепр не шире 150 шагов (около 80 с.), берега его удобно приступны, окрестности открыты, и потому они не опасаются засад»^{****}. «В ширине 300 саженей, - говорит Лерберг, - Днепр течёт полторы версты на юго-восток, а потом, стесняясь ещё более, поворачивается вдруг на юго-запад. От него правый берег превращается в довольно большой мыс, называемый Кичкас. Здесь самый большой и лучший переход для татар, поскольку в этом месте пролив не шире 150 шагов (около 80 с.), берега его не круты и земля открыта»^{*****}.

* Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 23.

** Константин Багрянородный. De administrando imperio. С. 286.

*** Ласот Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 29.

**** Боплан Г. Л. Описание Украины. С. 24.

***** Лерберг. Исследования к объяснению древней российской истории. СПб., 1814. С. 277.

К этому, совершенно справедливому, описанию Кичкаской переправы можно добавить лишь то, что против неё берега Днепра как бы раздвигаются: правый делается отлогим, а левый, по-прежнему возышащийся, далеко отступает от реки. При всём этом быстрота реки никаким образом не уменьшается. Оттого мы, сделав два-три поворота и не успев оглянуться, очутились ниже южного конца колонии Кичкас (иначе Эйнлаге). Название колонии заимствовано от переправы; время возникновения её относится к последнему десятилетию прошлого столетия (1789 году), спустя четырнадцать лет после падения Запорожской Сечи, произшедшего в 1775 году. Боплан, обозревавший берега Днепра близ Кичкаса, обращает особенное внимание на правый берег его, к которому примыкает низкая лощина в две тысячи шагов, служащая здесь единственным проходом. «Укрепив оный, можно выстроить на мысе красивый и крепкий город, который, хотя по своему расположению и будет подвержен выстрелам с татарского берега, но зато и сам может обстреливать оный»^{***}. Однако городу не суждено было возникнуть здесь; возникла только колония Кичкас, в которой поселились немцы-меннониты^{**}, выходцы из Данцига и Эльбинга^{***}. У запорожцев близ Кичкаса были зимовники. Русский путешественник, Василий Зуев, бывший на Кичкасе в 1781 году, уже после падения Сечи, видел ещё здесь «избушку, в коей живёт запорожец»^{****}. В настоящее время Кичкас – одна из обширнейших, многолюднейших и цветущих немецких колоний. Приложив к превосходному местоположению немецкое старание, колонисты сделали из Кичкаса прелестнейший во всех отношениях уголок на берегу Днепра. Колония тянется в одну линию параллельно Днепру, имея с обеих сторон широкой улицы чистенькие, светлые, высокие домики и прекрасные зеленеющие сады. Всех хозяев в Кичкасе – тридцать шесть; хозяевами у немцев-меннонитов называются собственно те, которые, кроме дворов, имеют наделы земли.

Оставив колонию Кичкас и взявшись к левому берегу реки, мы увидели так называемое «поганлище Сагайдака», которое находится у самого конца урочища Сагайдачного. Название поганлища и урочи-

* Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 24.

** Скальковский А. А. Хронологическое обозрение Новороссийского края. Одесса, 1836. Ч. I. С. 183.

*** Зуев В. Путешественные записки. СПб., 1787. С. 260.

ши именами Сагайдачного показывает, что здесь когда-то пребывал некто Сагайдак. Но какой и в какое время? Основываясь на свидетельстве автора «Истории о козаках запорожских» князя Мышенского, можно думать, что урочище получило своё название от известного гетмана⁶, Петра Конищевича Сагайдачного, который пребывал в этих местах со своим войском в 1618 или 1620 году*. С тем вместе можно допустить, согласуясь с преданием, записанным Я. П. Новицким, что урочище Сагайдачное могло получить своё название и от некоего сагайдака, простого запорожца, который жил здесь уже после падения Запорожской Сечи**. Свидетельством некогда живших здесь козаков служат десять ям, остатки разной посуды и большие кучи золы, покрытые густою степною травой. «Попилище Сагайдака» находится в балке Колодежной, которая была в старину покрыта большим лесом. О существовании здесь леса свидетельствуют как остатки пней и некоторых деревьев в самой балке, так и тот прекрасный дубовый лес, который растёт ниже «попилища», в Сагайдачном урочище. Сагайдачное урочище – одно из прекрасных береговых мест Днепра, ниже его порогов, которое ежедневно в летнее время привлекает к себе множество публики из близ лежащего города Александровска.

Непосредственно за Сагайдачным урочищем мы увидели так называемую Середину склою. Это довольно возвышенный, покрытый древесными кустарниками и далеко вдающийся в Днепр мыс. Скаля эта интересна уже в том отношении, что с неё открывается один из самых замечательных видов на ближайшие окрестности Днепра. Но кроме того, на скеле находится драгоценный исторический памятник, кресло Сагайдака. «Местность эта от горы (с востока и юга) окружена скалами; внизу растёт дубовый лес; среди самой местности возвышаются две огромные скалы (точнее два мыса), из которых одна, южная, носящая название «Дурной скел», вдаётся в Днепр, а во время весеннего разлива Днепра окружена со всех сторон водою, образуя таким образом большой каменный остров***; другая, «Середня скеля», расположена в 80–100 саженях от первой, на более во-

* Мышенский С. И. История о козаках запорожских. Одесса, 1852. С. 68.

** Драгоманов М. Малорусские предания и рассказы. К., 1873. С. 415–419.

*** От материка «Дурна скела» отделяется так называемым Прорезом; величина острова – по трех десятин.

звышенном месте, ближе к горе от стены и окружена дубовым лесом. «В тридцатых годах, по словам стариков, на «Середині скелі» можно было видеть оригинальный камень «люльку», формой своей представляющий громадного размера трубку «с чабуком и протычкою»; а в 1875 году и позже на этой скале лежало замечательное, по своей оригинальности, каменное «лижко» или кресло, выдолбленное, как полагают, для Сагайдака; это просто грубо обработанный камень, взнесённый на возвышенность скалы, откуда есть возможность наблюдать окрестности; в нём искусно выдолблено сиденье такого размера, что свободно можно улечься человеку среднего роста; с наклонной стороны камня продолблено место спускать ноги, а вверху – место для головы. От долбления ли, или от замерзания в нём во время сильных морозов случайно попавшейся воды, камень раскололся на две части; но расколотые половинки плотно слеглись одна с другой. С обеих скал хорошо видны окрестности: остров Хортица (северный конец) и колония Кичкас, на правой стороне Днепра, а также окрестные приднепровские степи; внизу быстро струится хрустальный Днепр. Словом, взору наблюдателя рисуется прелестный ландшафт; а шум воды, пробивающейся между ущельями пересекающих Днепр камней, оживляет эту дикую природу. На «Дурной скеле», занимающей огромное пространство местности, растут кусты ракиты, дуб и татарский клён, не говоря уже о травах и цветах, которыми бывает роскошно наряжена скеля в весенние и летние месяцы»*.

Ещё шесть лет тому назад, во время моего первого путешествия по запорожским урочищам, я нашёл кресло Сагайдака в таком самом виде, как оно только что описано. В настоящее же время от этого кресла остались одни только осколки. И стыдно сказать, отчего это произошло: из г. Александровска выехала пьяная компания⁷ подложила под кресло порох и взорвала его на воздух. Возмутительное действие, стоящее примерного наказания!..⁸

Миновав скелю Дурну, огромные камни Стоги, числом два, среди самого Днепра, мы скоро добрались до трёх, еще более огромных камней, Столпов, расположенных против северо-западного угла большого острова Хортицы, несколько левее так называемой Головы.

* Драгоманов М. П. Малорусские предания и рассказы. К., 1876. С. 421; Новицкий Я. П. // Степь. 1886. 11 мая. № 291.

Самый западный из Столпов носит название Дивана и действительно представляет из себя нечто похожее на диван, только чудовищно больших размеров. По преданию, на этой скале отдыхала императрица Екатерина II, когда ехала от Ненасытного порога вниз понад Днепром. Рассказывают, что на Диване была сделана какая-то надпись, высеченная в присутствии императрицы одним из вельмож, сопровождавших её во время путешествия понад Днепром. Мы не знаем, чтобы императрица Екатерина II поднималась на скалу Диван; хотя близ этого места, в селе Верхней Хортице, принадлежавшем титулярному советнику Черткову, она ночевала 22 мая, когда ехала в Херсон. Очевидно, предание почти со всякой скалой, более или менее замечательной, желает соединить имя Екатерины II. Диван интересен в том отношении, что с него открывается величественный вид на четыре стороны: Новый Днепр, Большую Хортицу, Старый Днепр и колонию Кичкас; это – положительно единственное место на всём Днепре; отсюда открывается такая богатая картина, для описания которой не достанет воображению красок, а языку слов... В этом отношении Диван – одно из прекраснейших мест на всём Днепре. Замечательен он ещё и тем, что если подняться на него и крикнуть что-нибудь, то от этого крика получится отчёлыво, с полной интонацией голоса, но только в более сильной степени, эхо. Крикните басом, эхо ответит басом; крикните дискантом – эхо отвечет тем же; выругайтесь, и эхо выругается.

Спустившись с Дивана к Средней скале Столпов, мы увидели здесь интересное углубление, сделанное в огромном гранитном камне, находящемся несколько выше уровня днепровских волн. Углубление носит название «Запорожской миски» и действительно представляет собою нечто похожее на миску. В поперечнике эта миска имеет больше трёх аршин, в глубину – полтора аршина. Есть основание думать, что эта миска образовалась от того, что в углубление скалы сравнительно мягкой породы попал камень твёрдой породы и, вертаясь вследствие водоворота, постепенно расширяя и углубляя его, сделал из него настоящую миску.

- Чого ж ця миска звєзда запорожскою?
- Та того, то із неї йшли запорожці.
- А як же вони йшли з такої миски?
- Та так, мабуть, як йшли у цариці в Петербургі... Посіяли одни против одного та через миску і годуються: цей того, а той цього.

От Столпов мы повернули в правый рукав Днепра и тут, минув село Вознесенку или Нешкrebivку, у левого берега Днепра, причалили у пристани Александровска, уездного города Екатеринопольской губернии. Здесь я решил остаться на некоторое время и потому распостился со своими лодочниками.

– Бувайте, пане, здорові. Як воли та корови! Бубликом хвіст завертайте та й нас не забуйайте!..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ой, не знав козак, ой не знав Супрун
 А де славоньки зажити, -
 Гей, зібрав військо, військо запоріжське
 Та й пішов же орди бити,
 Ой, що у суботу, протів неділеньки
 Супрун із ордою стися,
 Гей, а в неділю, в обідню годину,
 Сам в неволенку попався.
 Гей, ви ведите, а чи винесите
 Та на крутую могилу.
 Гей, сиду-глину,
 Гляну - подиваюся та й на свою Україну.
 А там в чистім полі, в широкім роздолі
 Сизий орел пролітає
 Гей, стойть військо, славне запоріжське
 Та як мак процвітає¹.

Город Александровск стоит при впадении р. Большой Московки в Днепр и представляет из себя мало чего замечательного. Он имеет всего лишь две церкви, летом пылен, осенью и весной грязен; в нём нет ни гимназии, ни реального училища, также как нет ни салов общественных, ни театров; зато есть острог, здание в архитектурном отношении превосходное. Местоположение города возвышенное, к югу несколько покатое. Коренные жители малороссы, пришлые – евреи и немцы. С восточной стороны к Александровску непосредственно примыкает немецкая колония Шенвиз, с западной – деревня Слободка и за ней село Вознесенка, или Нешкrebivka. Время возникновения города относится к 1771 году, ко времени царствования императрицы Екатерины II, так много заботившейся о населении Новороссийского края. В 1770 году указом Екатерины II в тех видах, «каки Малороссия, так Слободская губерния навсегда от варваров обеспечена была», повелено было генерал-майору Щербинину учредить «новую днепровскую» линию крепостей* от Азов-

ского моря до Днепра*. В том же году, десятого мая, государственная коллегия, по распоряжению императрицы, дала знать генерал-поручику Деленеву о построении на речках Московке и Берде так называемой Новоднепровской линии с городами и о содержании в них гарнизонных батальонов. В 1771 году такая Новоднепровская линия действительно была заведена: она начиналась у Азовского моря крепостью Петровскою и оканчивалась на Днепре против острова Хортицы крепостью Александровскою. Кроме того, на этой же линии предполагалось возвести крепости: Никитинскую, Григорьевскую, Кирилловскую, Алексеевскую и Захарьевскую**. В крепости Александровской, крайней к Днепру, велено было устроить резиденцию линейного обер-коменданта***. Вот время возникновения крепости Александровской, теперешнего города Александровска. Возведенный сразу на степень крепости, Александровск пользовался в то время большой известностью. В нём стояли батальоны артиллерийских и инженерных команд, множество разных козацких полков, жили тысячи посошных рабочих людей и сотни разных торговых и промышленных артелей; сверх того, через Александровскую крепость уже тогда проложен был торговый тракт из Великороссии в Малороссию и из Малороссии в Крым, это так называемый великий чумачкий, крымский стовповий шлях; наконец в Александровской крепости устроена была даже таможня и содержался карантин****.

Но не тем интересен г. Александровск, что некогда он был крепостью, он интересен для занимающегося историей запорожских козаков тем, что на одном из его кладбищ покойится прах известного коневого атимана Осипа Михайловича Гладкого, того самого Гладкого, который в 1828 году, 9 мая, возвратил запорожских козаков из пределов Турции в пределы исконной родной России.

Бросим беглый взгляд на это дело. В 1775 году, по различным политическим соображениям русского правительства, была «скасована» Запорожская Сича, находившаяся на р. Пидпильной, в местеч-

* Памятная книжка Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1864.

** ЗООИД. Одесса, 1853. Т. 2. С. 292.

*** Памятная книжка Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1864.

**** Феодосий (Макаровский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880. Вып. 2. С. 247, 251.

ке Красном-Куте, теперешнего Екатеринославского уезда. Тогда очень плохо пришлось запорожцам, ибо они большинством голосов решили не поднимать оружия против своего же брата «москаля», хотя вместе с тем и не даваться ему в руки: «лучче закивати пытами», т. е. совсем оставить свою отчизну в России и поискать себе пристанища у турка на Дунае, нежели позволить «москалю убрести себе у шоры», рассуждали братчики-сыромахи. И точно. Многие из них скоро нашли «ворота в великую Порту». Но как же больно и горько было «низовым лыцарям» подчиняться тому самому басурманину, против которого они считали священным долгом своим вести войну и которого всею своею козацкою душою ненавидели! Так прошло много времени. Но дух козацкий не ослабевал, сила запорожцев не оскудевала, да и сношения с родной Украиной не прекращались: многие из молодых украинцев покидали свои родные «оселки» и удалялись на тихий Дунай к своим «бидолашным братчикам» искать у них счастья, широкой доли. Между такими бурлаками был и некто Осип Михайлович Гладкий, чистокровный украинец, родом из села Мельников, Золотоношского уезда, Полтавской губернии, третий сын головы^{*} Михаила Григорьевича Гладкого^{**}. Осип Михайлович и «одружившись» уже на родине: у него была жена Федосья Андреевна Мазур, по предкам полька, но по рождению истая украинка. Но об этом не ведали низовые братчики, как не ведали они и того, что Осип Михайлович, по козацкому обычанию, прокутил все своё состояние и, кроме жены, покинул на произвол судьбы в деревне Краснохижинцах, той же губернии и уезда, спас четверых детей: сына Василия, дочерей Елену и Наталью и сына Демьяна^{***}. Обо всём этом запорожцам не было сказано, да и нельзя было: женатых на Сичу не принимали. Прошло ещё несколько времени. Случилось, что греки, народ подвластный туркам, вынужденные ужасными насилиями со стороны своих властителей, подняли против них возмущение. Надо было возмутившихся усмирить. От султана Махмуда II пришёл приказ к кошевому атаману запорожских козаков выслать 500 добрых молодцев, которые должны были присоединиться к турецким войс-

^{*} Михаил Григорьевич был 30 лет головой племенникою.

^{**} Два старшие его сына назывались Афанасий и Максим.

^{***} К четырем детям у Осипа Михайловича впоследствии, когда он возвратился из-за Дуная в Россию, прибавилась еще дочь Мария.

кам и идти против возмутившихся греков. Отряд собрали под начальством походного кошевого атамана Якова Мороза. В числе простых козаков, посланных против греков, был и Осип Михайлович Гладкий.

Но греки усмирены; война окончена, и запорожцы снова в Сичи; в Сичи и Осип Михайлович Гладкий. Наступило первое января нового года: «А шо, панове-молодці, треба нам на курень нового отамана выбирати!» – «Та ѿт треба!» – «А кого ж обратъ?» – «Та кого ж, як не Осипа Гладкого!» И точно, кроме него не было более подходящего. Всем он взил: он был храбрый, расторопный, добрый рубака, цекавый на слово. «Нехай він буде у нас куренним!» – говорили друзья-товарищи Осипа Гладкого. – «Ну, ѿт нехай!» – отвечало большинство товарищества платниривского куреня. Прошло ещё несколько времени; настал 1827 год, первое января. В этот день, по исконному обычанию запорожских козаков, сменилась прежняя старшина и назначалась новая. Удалили в котлы, собралась рада; явилась вся старшина налицо. «А шо, панове-молодці, треба нам на Січ нового кошевого!» – «Та ѿт треба-таки!» – «А кого ж мирволим выбрати?» – «Гладкого! Гладкого! Осипа Гладкого!» – загудело сичевое товарищество... И так Осип Гладкий выбран кошевым атаманом всею Запорожскою Січю и назначен двух-бунчужным пашею самим султаном турецким. Но вот затевается война Турции с Росснею[†]; козаки, как подданные турецкого султана, должны были выступить против его врага, русского императора. «А шо, панове-молодці, чи добра наша служба?» – «Гірка, батьку!» – «Правда ваша, молодці: гірка наша служба! І відразь, за кого ми будем битыши і против кого?» – «За бусурмена против християн!» – «І то правда. Гірка наша служба!...» – «А де ж вона лучча, батьку?» – «А де вона лучча? У москаля, чесне товарищество! Ось подивітесь на нашу ж братню, чорноморців: є між ними і охвіцери, і полковники; є такі, що й землю у себе мають і гришми побрязкують; та є у іх і такі місця, де й гроши можно пропити. А у нас? Чорт зна що! Шо у нас за земля? Голий пісок, та ще й того, гляди, не буде: он, кажуть, султан хоче, щоб нас у Єгипет перевести»... – «Що ж робити, батьку? Порядъ насъ» – «Що робити? Ви тілько слухайте мене, то все гаразд буде. Турок воює з москалем; москаль стойт у Змайліві (в Измаилове)... У нас буде сорок дві лодки; ми сидемо на ті лодки та в море, а з моря в Кілійс(ъ)ке гирло, а із Кілійського гирла в Дунай, а за Дунаем город Змайлів, а там ми уже

и у москаля в гостях. Гаразд? – «Гаразд, батьку!... И вот Осип Гладкий с верными ему козаками, хотя и далеко не со всеми, в Измаилове крепости пред лицом государя императора Николая Павловича. «Прости, великий патриот!» – «Бог вас прощает, отчизна прощает и я прощаю! Я знаю, что вы за люди!... Осип Гладкий поверг у ног государя свою булаву, саблю и шапку и взамен того получил на андреевской ленте золотую медаль, чин полковника, далее командаира, затем кошевого и наказного атамана вновь сформированного из выведенных козаков «запорожского войска», названного потом «лунайским козачьим полком» и вновь переименованного в «казовское козачье войско»*.

Прошло после этого много времени. Наступил 1855 год. Осип Михайлович теперь уже в отставке; теперь он генерал-майор; живёт в станице Ново-Спасовке, потом переезжает в купеческий им за шесть тысяч руб. хутор Ново-Петровлевку, Александровского уезда, Екатеринославской губернии, между сёл Славгородом и Покровским, на р. Солоной, в шестидесяти верстах от уездного города Александровска. Теперь он уже не разлучен со своей женой Федосьей Андреевной, теперь он ведёт мирную жизнь помещика-хуторянина; дети его воспитываются: старший, Василий, сперва в Золотоношском уездном училище, потом в Екатеринославской губернской гимназии*, которую оканчивает с серебряной медалью, имея с тем вместе уже и чин офицера; Демьян учится в Александровском царскосельском малолетнем корпусе**; Наталья - в Полтавском институте благородных девиц; Мария и Елена - дома, под руководством самих родителей. Прошло ещё несколько времени и наступил 1866 год, роковой год для Осипа Михайловича. Летом, в июньскую жару, в день апостолов Петра и Павла, Осип Михайлович отправился в г. Екатеринослав на ярмарку. Уже он оставил его; уже благополучно добрался до г. Александровска. Но тут внезапно почувствовал припадки страшной болезни холеры, свирепствовавшей незадолго перед этим в г. Екатеринославе, и после продолжительных страданий, десятого² июля, и покончил своё земное существование, прожив 79

* При переселении остатков Запорожской Сечи из турецких владений в русские особняко усердное попечение оказал генерал С. А. Тучков. Русский архив. 1873. Т. I. С. 1146.

** Он умер бесплодным, в 1862 году, в звании батальонного командира.

с половиной лет. «Здесь покоятся прах генерал маиера Осипа Михайловича Гладкого. Последний кошевой атаман запорожцев, скончался 10 июля 1866 года». Так высечено на каменном кресте, стоящем в юго-западном углу старого кладбища в городе Александровске. За Осипом Михайловичем последовала и его жена, безотлучно находившаяся при больном муже и заразившаяся тою же болезнью, холерою; как и Осипу Михайловичу, Федосье Андреевне было точно также 79 с половиной лет. Оба погребены на городском кладбище г. Александровска. «Генерал-майору, бывшему кошевому атаману запорожских козаков, Осипу Михайловичу Гладкому». Так гласит надпись, сделанная на небольшом песчаниковом кресте, поставленном сыном умершего, Василем Осиповичем Гладким. Из всех детей бывшего кошевого атамана запорожских козаков в настоящее время осталось только двое: Василий Осипович, в отставке полковник, и Наталья Осиповна, в замужестве Слоновская. Василий Осипович³ живёт в деревне Екатерининской, Александровского уезда, Екатеринославской губернии, на речке Ганчуле⁴ и имеет восемь детей: четырёх сыновей и столько же дочерей: из них старший, Пётр Васильевич, по окончании курса математических наук в Харьковском университете, оставлен был по кафедре математики и отправлен за границу, но потом, по возвращении из-за границы, поступил на службу в чугунно-литейный завод князя Демилова-Сан-Донато, в Нижний-Тагил, Пермской губернии; следующий сын, Осип Васильевич, по окончании курса юридических наук в том же университете, поступил на земскую службу и выбран мировым судьёй в один из участков Александровского уезда, Екатеринославской губернии; последние, Демьян и Степан, учатся: первый в Московском университете, второй – в Полтавском кадетском корпусе. Старшая дочь Настасья Васильевна, в замужестве за неслужащим дворянином, фотографом А. М. Иванищевым, живущим в г. Харькове; следующая дочь, Ирина Васильевна, состоит в числе классных дам Харьковского института благородных девиц, остальные две дочери, Домнина и Варвара, при отце; все они прекрасно окончили курс в Харьковском институте благородных девиц*.

* Печатных сведений о личности О. М. Гладкого очень мало; можно упомянуть только следующие: Историческое сведение об азовских и лунайских козаках // Инвалид. 1847; Гладкий В. О. Осип Михайлович Гладкий: кошевой атаман Запорожской Сечи // Русская старина.

Вот чем интересен г. Александровск для того, кто занимается историей запорожских козаков. В городе Александровске на этот раз я имел разыскать Якова Павловича Новицкого, известного южно-русского этнографа^а. Но Новицкий в то время был на Хортице. Хортица – это его постоянная летняя лача. Там он берёт себе под наём небольшой клочечек земли под баючу и, забывшись в курсне, проводит в нём целые дни и ночи... Нечего было делать: нужно было идти пешком по Днепру, чтобы переправиться через него на Хортицу. Пройдя около получаса по хорошо утрамбованной дороге, я очутился у песчаного берега реки, ярко блестевшей передо мной от солнца. Поклонившись пышному и широкому Днепру, омочив свою разгорячённую голову его водой, я стал высматривать себе каючка. Как вот на моё счастье плывёт вниз по течению в маленьком каючке «дидю». Я подал знак рукой диду, и он подвернула к моему берегу.

- Здоровенки були, дідуню!
- Здоровенки були, паничу!
- А шо я вам скажу, дідуню?
- Як шо є що казати, то кажіть, – послухаю!
- Перевезіть мене, спасібі вам, на той бік Ніпра!
- Цеб то на Хортицу?
- Як есть тула!
- Я б то вас і перевіз, так каюк не надежний.
- Чом не надежний? А ж він не хисткій?
- Та він-то не хисткій, та що з дірками, от що біла!
- Це інчогісенько; ми його зараз оснастим, та й подамось.
- Ну, як так, то й так!

Забив в каюке дырки, мы заняли свои места и скоро поплыли поперёк Днепра, по направлению от севера к югу.

- Ви, мабуть, із города, паничу?
- Із города, діду!
- Так це, мабуть, за яким-небудь ділом до німців їдите?
- Та так: і за ділом і не за ділом, а більш усього, щоб подивитися на Хортицу. А шо бувають тут такі, що дивляться на неї?

на. 1881. №. 2. С. 381-391; Кондратович Ф. Задунайская Сечь // Киевская старина. 1883; Кириллов. Полковник из Золотоноши // Нива. 1883. Последнееносит характер повести или романа, оно наполнено самыми грубыми и непростительными историческими ошибками.

– Бувають! Та коли хочете, то я дія три тому назад переправляв каюком на Хортицу якогось янорала. Оттаке-лезні на ньому опалети! Як переправив его на Хортицу, так він виняв із саквоюза книгу та й давай у ню читати. У книгу читас і на остров дивитися... Потім читав-читав та й каже мін: «Ех, ділу, та й роботи ж тут буде нашим письмакам!»... Та й закрив книгу, потім дав мін аж цілесенського двурівненного та й подавсь на остров, а я собі подавсь на свій бік Ніпра.

Быстро шло время за разговором, и мы не успели оглянуться, как уже были у берега Хортицы. Поблагодарив дила и словами и деньгами, я направился вдоль берега Хортицы, в немецкую колонию остров-Хортицу (Insel-Chortiz). Пройдя около шести верст через разные балки, выбалки, извилины и затоны, я наконец добрался до дома колониста Фризена. Фризен, старик очень высокого роста, симпатичный, ласковый, встретил меня у порога своего дома и попросил войти в сени. Я последовал за ним.

- А десь я вас та пачив?
- А де ж ви мене бачили?
- Та ви у нас торік не пули?
- Був!
- Так, так! Толі я вас і пачив.*

От Фризена я добрался до небольшого курсня Я. П. Новицкого. Солнце всё ещё пекло сильно, и потому на баштане никого не было видно. «Путу! Путу! Козак з лугу!» – сам себе закричал я. – «Який козак? З якого лугу?» – «А ось виазь, то й побачиш, який». – В курене мы решили ранним утром следующего дня отправиться в путь вверх понад левым берегом Днепра.

Уже было за полночь, когда мы оставили Хортицу и, сев на лодку «Ластивку», пустились вниз по Днепру, к пристани г. Александровска. Что за ночь была в то время, и до сих пор не могу забыть! Тихо, до того тихо, что, казалось, вода в Днепре совсем остановилась, совсем застыла и как бы превратилась в хрустальную, чистую и светлую массу. «Чуден Днепр при тихой погоді!... А между тем лодка наша, сама собой, без весел, быстро скользила по Днепру, почти с быстротою молнии уносимая ею течением. Не знаешь, чем и любоваться: роскошным ли, полным и величественным Днепром,

* Немцы-колонисты говорят по-малорусски с акцентом немецким.

массивными ли, высокими гранитными его берегами, или прозрачным, чистым небом, усеянным мириадами светлых звёзд и залитым мягким светом луны... То была картина, полная прелести, величия и обаяния. Тут лишни были слова и движения восторга... Уже около получаса плыли мы по Днепру, в немом восторге, не смев ни единим словом, ни единым звуком нарушить царственной тишины... Но вот впереди нас показался остров Розстебин, и мы пристали к нему, желая пройтись по нему. Однако остров оказался покрытым такой высокой и густой лозой, что пробраться через него не было никакой возможности; несколько раз сваливались мы в ямы, несколько раз запутывались в кустах и под конец решили воротиться к лодке. Однако это не сразу далось нам: мы заблудились! Как тут быть? Кругом не видно ни эги, кроме мерцающих в небе звёзд. «Стой, хлопче! А где Большая Медведица?» – «А вот она!» – «Ну, на неё же нам и держаться!». Так мы выбрались к берегу, сели в лодку, скоро добрались до пристани и от пристани дошли до города.

Следующим днём мы поднялись поздно и тот же час начали собираться в путь. Недолги были наши сборы. Кусок сала, рыба, хлеб и фляшка горилки составляли весь наш продовольственный запас; чумарка, блузка, длинные сапоги, дымчатые очки, походные палки составляли наше убранство. От Александровска мы решили направиться на северо-запад, прямо к Кичкасу, и оттуда уже подняться вверх понад левым берегом Днепра, насколько хватит у нас сил и бодрости идти пешком. Сложив свою скучную провизию в сумку и повесив сумку при помощи палочки на плечо, мы весело ишибко зашагали вперёд, останавливаясь и распрашивая по временам встречных лиц о какой-нибудь балочке, скельке или могилке, одноко торчащей в степи. Чувствуем себе по степи, как те козаки-сиромахи! Идём-идём, присядем на траве, повалимся на бок, полежим, отдохнём; тут кто песню пропоёт, кто думу проговорит:

«Як туляв козак-нестига сім год іцє й чотири,
Та потіряв спід себе три коні воронії,
І як на девятій год навертзе,
А козак-нестига до города, до Черкас, прибуває,
І шо на козаку-нестигі три сиром'язі:
Опончина рогозовая, поясина хмельовая,
Саптянці – вилі п'ятир'ять пальці,



Камінь Азимова.

Шапка-бирка – зверху дірка,
Хутро голе, околиці Біг міс;
Вона дощем покрита,
Травою пошита,
А вітром на славу козацьку підбита.
Куди віс, туди й приймає,
Молодого козака та й прохоложає,

А вот войдём мы в балку, увидим грушевое дерево; тут один из нас тотчас влезет на дерево и начнёт трястить созревшие фрукты, а другой станет под деревом и подбираст падающие плоды в сумку «про запас на голодные годы».

Так прошли мы несколько балок, миновали несколько могил, могилок и наконец очутились у левого берега Днепра, близ громадной скелі Дзвиниці. «Верх вывела гостро, мов и справди дзвиниці». Близ Дзвиниці мы увидели пещеру Школу и решили исследовать её. Для этой цели мы сошли к берегу Днепра, и тут перед нашими взорами раскинулась небольшая, но в высшей степени живописная площадка, поросшая густою высокою травой, с западной стороны упирающаяся в Днепр, с северной и восточной – затенённая густыми кустарниками дерев, а с южной – загромождённая огромнейшей стеной гранитных скал, покрытых мхом. Вот где личи! Кроме деревьев, серых скал да голубого неба ничего и никого здесь не видно. Посидев и отдохнув на зелёной площадке, подзакусив и подкрепившись доброю горилкою, мы решили после этого проникнуть во внутрь пещеры. Собственно говоря, отыскать сразу вход в пещеру довольно затруднительно. Нужно сперва найти углубление в стену отверстие с огромнейшим навесом над ним, едва только на пол-аршина возвышающимся над землёй, и потом уже в этом навесе надо искать самую пещеру. Став на четвереньки⁵, мы влезли в отверстие стены и тот же час увидели надпись, сделанную на скале, прикрытой навесом и состоящую из букв, выведенных красной краской, очевидно, в самое позднейшее время: Е. М. Е. Т. Н. М. В. Ю. Э. Г 27/У1 81⁶. В отверстии мы заметили два тёмных хода: один влево, другой вправо. Последний ход и вёл собственно в пещеру. Самая пещера (точнее, грот) оказалась состоящую из двух коридоров, из коих один идёт с севера на юг, параллельно Днепру, а другой – с востока на запад, встречно Днепру. Высота пещеры – че-

тыре аршина. На протяжении девяти аршин она сперва идёт с севера на юг, после чего под прямым углом поворачивает с востока на запад и идёт на протяжении пяти аршин, оканчиваясь отверстием к берегу Днепра. Первый коридор настолько высок и просторен, что не представляет никакого затруднения для хождения по нём. Не то представляет из себя второй коридор: здесь проход из первого коридора во второй настолько узок, что надо уже несколько вытянуться, чтобы пролезть через него⁷. Внизу коридор⁸ вместо пола представляет из себя зияющую расщелину, оканчивающуюся где-то далеко внизу, в самом материке земли, на глубине нескольких сажен. Держа в зубах кусок стеариновой свечки, обмотанной в бумагу, мы осторожно стали пробираться из первого коридора пещеры во второй и, чтобы не оборваться в расщелину, хватались руками за небольшой карниз, которым оканчивается пещера вверху, у самого потолка⁹. Расщелина, зиявшая под ногами, чем дальше вниз, тем больше суживалась, представляя из себя нечто вроде огромного расщеплённого камня, в котором можно было заклиниться, как заклинается топор, ироняемый в бревно. Нужно было¹⁰ соблюдать большую осторожность, чтобы пробираясь через этот второй коридор пещеры, не оборваться вниз, но мы благополучно совершили свой подвиг и скоро выбрались из пещеры, чтобы продолжать дальнейший путь. В пещере Школе, если верить рассказам стариков, «несколько лет тому назад нашли кожанную сумку, наполненную копьями, позументы от какого-то форменного плаща, большую берцовую кость человеческого скелета, в которой оказалась стрела, и, наконец, в одном ущелье скалы, у входа пещеры к Днепру, - несколько наконечников стрел»^{*}.

Народное предание название пещеры Школа связывает с какими-то школьниками, бежавшими будто бы из Киева и прятавшимися в этой пещере ещё во времена запорожцев. Но сдавали ли это предание создано самим народом: оно могло быть выдумано скорее книжным человеком, знавшим, что такая была киевская бурса в прошлые века и что было для бурсаков Запорожье. Да и к чему и от кого нужно было прятаться школьнику, раз он успел бежать из Киева в Запорожье?

* Новинский Я. П. // Степь. 1886. 16 февр. С. 102.

Архивные документы говорят о бывшем, в 1774 году, в Запорожье войсковом осауле Григории Школе. Не от этого ли осаула Григория Школы получила почему-либо [название] пещера Школа?^{*}

Оставив пещеру Школу и миновав несколько балок, скал и островов, мы наконец, уже к вечеру, добрались до деревни Маркусивки, или Павлокичкаса. Деревня Маркусивка раскинулась по высокому взгорью вдоль левого берега Днепра. Солнце совсем садилось за горизонт, когда мы приблизились к хате дала Дмитрия Бута. Хата дала Бута обращена была крыльцом к Днепру; у крыльца стояла скамейка, а на скамейке сидел дала и смотрел на заходящее солнце. То было чудное, хотя и мимолётное зрелище. Солнце, прежде чем зайти за горизонт, вдруг погрузилось в Днепр, и от этого вся река слеплялась ярко-багровою полосой, горевшею миллионами огней, невольно привлекавших к себе взор человека. Эта картина очаровала, видимо, и дала Бута. Он сидел против Днепра и смотрел на заходившее солнце, приложив свою левую руку ко лбу, заменявшую ему подзорную трубу. Мы подошли к дала и поздоровались.

- А угадайте, дала, чого це ми до вас прийшли?
- А кажіть чого, толі і угадаю.
- Чи не можно у вас, дідуню, передокнути?
- А чом не можна? Можна, як що ви добре люде.
- Та ми люди, як люди!
- Мабуть писарі з города, або такі, що діхтирика гоните.^{**}
- І те, і друге, дала: хто писарюс, а хто діхтирика гоне.
- Добре, сідайте!

Мы присели на скамью, один с одного бока дала, а другой – с другого.

- От же я десь вас бачив, – заметил дала, обращаясь к моему спутнику.
- Ще б таки не бачили, коли я три годи підряд не минаю вашої кати. А згадайте!
- Те-те-те! Згадав, серце, згадав! Та це ви Яків Павлович?... Бач яка пам'ять у старого стала!... Це вже, мабуть, про старовину хочете чого-небудь запитати?

* Московское отделение архива Главного штаба. 1774 г. Оп. 194. Св. 183. № 1. Л. 38 об.

** Дильтерит выгоняется.

— Про старовину, діду, про старовину! Та це сперше до вас затянули. Ну, як ви тут живете?

— Та так тільки що маслаки^{*} тягаєм!

Тут сдава успели ми обменятися ще двумя-тремя фразами, как по деревні показалась пыль и вместе с пылью — «чореда» коров.

Скорі ворота вошла корова і за корової невестка діда; она низко поклонилася нам і затім исчезла. Немного спустя, за невесткої явилася син діда, потім внук. Оба подошли к нам і тут завязался разговор. Но не прошло і часу, как из хати вийшла невестка і пригласила всіх нас «вечерять». Ми послідовали приглашенню. Хата оказалася хоті і низкою, но очень опрятною, убранюю цветами, вимазанною мелом. В углу її стояв стол, застланий белой скатертью, вокруг стола широкі лавки, в самом углу образа і за образами ручники с мережками. Меня усадили в самий угол, «на покут», в середине между Яковом Павловичем, с однай сторони, і самим дедом — с другої; остальні члени сім'ї стояли у стола: «так звичай показує». Скорі на столі явилася горилка, а за горилкою і разная «страхав», состоявшая из целых шести перемен, начиняя с борця і кончая мёдом. Жидкую піпсу ели с особеною предосторожністю: опускавши ложку в миску не іначе доносил єї до рту, как подставив под неї кусок хлеба, «щоб скатертину не закапати»; причём во времія разговора все выпускали ложки из рук и вешали их на края чашки. Оба эти приёма мы быстро усвоили, к видимому удовольствию діда. Во времія ужина ми хотілось свернути на тему о запорожцах, і я стал накидати «ключечку» на діда.

— Ну ѿ міста ж у вас, діду, чудесні!

— Шо тепер вони за чудесні? Як би ви побачили год п'ятьдесят тому назад, от коли були міста! Тут улітку було тих зайців, так видимо-невидимо: так коло хати і лазять як коти, а зімою так і мандрують було по кризі цілими кущами, як ягњята. А вовки, то ті так на задніх лапах і стоять. Прийдуть до возу та ѿ вночі. Оце було як ночуєш на степу, то кладеш коло себе віла, сокиру і косу, щоб було чим одбитись. Того ѿ гляди, що ухопе або тебе, або хлопця, що біля тебе. Як поженені вівію пасті, то так і держкися за хвіст... Міста дуже звіряні були! А качок, корізок, перепелів — наче хмара. Як вечір, то тільки ѿ

чуеш: під-подъом! під-подъом!... Та так усо ніч, хіба уж на світаньї трохи угамуються. А галу? Господи, скільки єго було тут! Міні і тепер у пам'ятку, як старому Коваленкові жовтобрюю олірвав, звінійте, матню... Насилу вирвавсь живим покойник!...

— Отак воно було.

— Отак і було.

— А скажуть, діду, як отої острів зветця, що понизче Вільного порога?

— Та який же вам треба: там єсть острів, єсть острівок, єсть і острівців.

— Міні треба отого, що як вискочиш за поріг, а він і єсть.

— Е, так це Пурисів острів!

— Пурисів, кажете, острів?

— Пурисів.

— Так він і спреже звався?

— Ні не так! За запорожців його звали Дубовим островом.

— За запорожців, кажете, діду?

— А то ж.

— Шо ж воно таке за запорожці?

— Вояки велиki і велиki знахурі; вони з нечистим зналися.

— Як так, діду?

— А так: зналися та ѿ годі!

— А жеж вони були такі, як оце ѿ ми?

— Такі, як оце ѿ ми!

— І горілку пили, як ми?

— І горілку пили!

— І отак, як і ми борці йшли?

— І отак, як ми, і борці йшли!

— І в штанях, і в сорочках ходили?

— І в штанях, і в сорочках ходили, а з нечистим зналися.

— Як же воно так?

— А ось я! Я вам роскажу, а ви послухайте. Воно, хай Бог простить, об них за хлібом-сілью і згадувати гріх, та вже дарма, роскажу. Вони оце зап'ють-загуляють. Поставляють коло себе два ведри; в одно ведро наливають горілки, а в друге води, та горілку п'ють, а в воду дивлються, горілку п'ють, а в воду дивлються. А ногайва, а ляхва, а кімляшня так кругом і обсіда їх, а вони горілку п'ють, а в воду дивлються.

^{*} Маслаки — кости.

— Чого ж вони дивляються?

— Постойте, докажу!.. А вони горілку п'ють, і в воду дивляються... Потім уж який-небудь лях підкрадется сзаді до запорожця та хап його за чуприну, а він толі чабульк у те відро, що з водою, та звідтам, де ми сидимо, та аж під Кардоном (Херсоном) опиниться. Так хіба ж ото вони не знались з нечистим?

— Тепер бачу, діду, що знались.

Я вновь було начал закидувати «ключечку» насчёт запорожців, но діда вдруг обротиця ко міні і, глядя испитуючим оком, замітила:

— Ох, здаєтся міні, пане, що ви більш мене знаєте про тих запорожців!

— І де ж міні знати більш протів вас, діду? Вам, може, десяток съомий піпков, а у мене ще й молоко на губах не обсохло.

— Та воно-то так. Та аже ж ви читаєте книжки?

— Читати читаю, та тільки як? По складах: «буки-аз-ба, види-аз-ва, глаголи-аз-га»... От як я читаю. Та хоч би й лучше читав, так я у ті книжки, діду, не вірю і вам не совітую вірити, бо там усе брехні понаписані, - скрізь брехні, діду, окрім святого письма.

— От правду, так правду сказали! Я й сам не вірю тим книжкам, окрім святого письма.

Так доверие було восстановлено, і ми вновь начали беседувати на тему о запорожцах. Разговор протянулся далеко за полночь, но под конец мы высказали просьбу, чтобы нам указали место для ночлега. Нам отвели «светлицу», небольшую хатку через сени от той, в которой мы ужинали; туда, по нашей просьбе, внесли свежего сена, разостлали его «по доліві», и мы, покрыв сено пледом, тот же час растянулись на нём и тот же час заснули. Проснулись мы спієв до восхода солнца. Умывшись и помолясь Богу, тот же час позавтракали предложенным нам молоком із потом, поблагодарив хозяина, который отказался взять с нас какую бы то ни было плату, отправились в дальнейший путь, все в том же направлении, поняв левым берегом Днепра. Теперь характер местности изменился: то шли мы по скалам, кое-где только покрытым деревьями, теперь шли сплошным лесом, начавшимся тотчас по выходе из Маркусивки. Лес упирался в самый берег реки и по нём, с юга на север, тянулась маленькая тропинка, по которой мы, один за другим, и зашагали. Весь Днепр окутан был лёгкими водяными парами, которые отделялись от воды,

застилали берега реки и густо садились на высокие деревья. Влага чувствовалась даже на наших платтях и на наших посохах. Вот увидели мы остров Голий (на старых картах, Скалистый) и прилегающую к нему с северной стороны косу. Батюшки мои, сколько же на этой косе разных птиц! Сколько голосов, пения, свистов! Какой тут крик, писк!.. Мне показалось, что предо мной необитаемый австралийский остров... Пройдя часа два лесом, мы выбралисъ затем на открытый, очень возвышенный, берег и увидели с него среди Днепра остров Большой-Дубовый или, по-теперешнему, Левишин (иначе Маркусив), весь покрытый прекрасным лесом. Солнце уже поднялось высоко и начало согревать наши немного прогрощие в лесу члены. Пройдя ещё несколько времени, мы наконец увидели небольшую сторожку, у берега Днепра, на земле помещика Левишина. Здесь жила лесной сторож, еврей Гершкович. Отдохнув немного на завалинке хаты, мы готовы были уже отправиться в дальнейший путь, как к удивлению своему увидели большую чутунную плиту с какою-то надписью. Плитка стояла у завалинки сторожки и была загажена птичим помётом. Я велел очистить єї, после чего прочёл на ней следующие слова: «Судоходные каналы в днепровских порогах сооружены по повелению Государя Императора Николая I распоряжением главнокомандующего путями сообщения и публичными зданиями генерал-адъютанта графа Клейнмихеля. Работы начаты в 1843 году, окончены в 185...» (угол отбит). Где стоял этот памятник, почему он попал к сторожке еврея Гершковича, мне на это не дали ответа. Хорошо у нас сохраняются исторические памятники!

Сопровождаемые множеством злайших собак, мы отправились дальше, имея с правой стороны хутор Тарана, с левой – Днепр, и скоро увидели среди Днепра Малый-Дубовый или, по-теперешнему, Пурисов остров, а за ним последний, если считать сверху, и первый, если считать снизу, порог Вильный, или Галючий. С высоты берега мы заметили в пороге маленькую мельничку, прицепленную на канатах к большому камню, и возле мельнички «квіштаючогося» лідка. «Как будто дід? А зиркни, хлопче, в бинокль!» – «Так и есть – дід!» – «Ну, так потянем до порога!» Скоро спустились мы вниз с берега, остановились как раз против мельнички и начали махать палками діду, подавая знак, чтобы он приблизился к нам. Дід понял наше желание, сел в каюк и подплыл к берегу.

– Здоровенько були, діду!

- Здоровені були, пани!
- А що, діду, чи не перевезли б ви нас у порог, до мельнички?
- Чом же не перевезти?
- От спасибі! А що ж там у вас і рибка буде?
- І рибка буде!
- І юшка буде?
- Та й юшка буде!
- Е, як у вас і рибка і юшка буде, то у нас і от яка буде, — заметив я, показував діду бутылку з горілкою і повертавши її перед ним. У діда глаза заблестіли от удоволіття.
- О, тол саме ділівська карч: нема ні шкоринки, ні маслачка.
- А знаєте, діду, яка ти була приказка у запорожців?
- Ні, не знаю.
- А як не знаєте, то я скажу. Запорожець оце поставе перед собою пляшку горілки та сам себе пита і сам собі одвіча.
- Хто ти?
- Оковита!
- А с чого ти?
- Із житя!
- А звідкіля ти?
- Із неба!
- А куди ти?
- Куди треба.
- А білет у тебе є?
- Ні, нема!
- Так от-тут же* тобі і тюрьма!

Такая присказка очень понравилась діду и видимо сразу расположила его к нам. Скоро мы сели в каюк и через пять минут очутились в пороге. Дід соорудил нам два стула из гранитных скал, после чего сделал маленьку кабічку, навесил над нею казаночек, налил в казаночек воды, разложил костёр и, предоставив воде кипіти, сам занялся рыбой. «Зараз тільки й виглянув рибину із порога; ще й живав» Мы, между тем, не теряя времени, разделились, выкупались в самом пороге Днепра, потом помолились Богу на восток и затем подсели к казанку. Пончи распросы, рассказы. Оказалось, что дід был из с.

* В животе.

Андреевки, что он занимается в мельнице сукноваліством, что у него дома есть и баба, и сын, и внучата. Не успели мы за разговором и осмотреться, как уже рыба и сварилась. Дід принес «ночные», вытащил в них рыбу, посолил чёрною не молотой солью и отставил её в сторону; после этого снял с кабічки казанок и приблизил к нам; вместе с казанком явились деревянные некрашеные ложки и большие куски белого пленичного хлеба. Мы посыпали шапки, перекрестились, выпили по чарке горілки, причём діду поднесли первую чарку, и принялись за уху. Дід сидел против нас на корточках и ел юшку, подставляя, по привычке, под ложку кусок хлеба, щоб «не закашати штанів». Скоро мы выпили по другой чарке, потом по третьей и уже стали черкать ложками дно казанка. Тогда дід принес от нас казанок и вместо него поставил «ночные» с рыбой. «А що ж, діду, риба плавав» — «Га вже так». Выпили и по четвёртой. Скоро и от рыбы остался один остов. После этого дід поднялся с места, ушёл в мельницу и принес оттуда два больших арбуза. Арбузы оказались бесподобно хороши. И так наш завтрак кончен, мы поднялись с места, помолились на восток, «людякували» діда, потом выпросили у него каюка и отправились на Малый-Дубовый остров.

Прошло около трёх часов, когда мы вернулись с острова к порогу, оставили здесь каюк, расстелились с гостеприимным ділом и поднялись дальше вверх понад Днепром. Уже часам к трём дня мы добрались до с. Андреевки. Здесь мы передохнули часа два-три и потом отправились дальше, всё в том же направлении, к с. Петровскому (Свистунову), Александровского уезда. В ногах чувствовался страшный зуд. Мы уже начинали молить Бога, чтобы нам пошлаялся какой-нибудь воз или бричка, на которой мы могли бы хоть немного подъехать, но на наше сиротское счастье никакой брички не попадалось. Чем дальше мы шли, тем хуже чувствовали себя; ноги совсем уже отказывались служить нам, и мы еле-еле двигались с места. Уже часов около десяти ночи добрались мы до с. Петровского и направились к дому управляющего имением незабвенного Василия Александровича Сипягина. Нам отперли на наш стук двери. «Кто тут?» — «Козаки!». — «Какие такие козаки?» — «А вот посмотрите и увидите». — «Ах, батопшки мои! Да откуда же вы? На чём вы?» — «На собственной четвёрке, Василий Александрович!». — «Как, от самого Александровска? Это сорок-то вёрст пешком?» — «Да, от самого Александровска, сорок или пятьдесят пешком; ведь шли-то мы не по прямому

пути, а по извилинам Днепра». — «Ну, козаки! Вижу, что козаки! Скоро подали нам обильный ужин, а затем сделали постели на балконе дома, выходящем к самому Днепру. Покончив с ужином, мы вышли на балкон, где и расположились на ночлег, в виду острова Дубового и порога Ненасытного, шумевшего в эту ночь с особенным сплощением. Долго мы прислушивались к Ненасытному, прежде чем могли заснуть, и в это время заметили такое интересное явление на Днепре: запутит сперва Ненасытник, Дядя-порог, шумит-шумит очень долго, потом стихнет; после него начинает шуметь Вовниха, Внук-порог, шумит-шумит столько же, как и Ненасытник, потом стихнет, и тогда начинает шуметь опять Ненасытник. Так повторялось несколько раз. Долго мы наслаждались этой музыкой и наконец заснули под плеск днепровских вод и под их переливы через пороги.

Следующим днём мы съездили с постелей: и руки, и ноги были точно не наши. Особенно давали себя знать ноги. Но внимательный хозяин предложил нам заменить сапоги мягкими туфлями, и тогда мы почувствовали себя несравненно лучше. После завтрака мы решили поехать к Волниговскому порогу, где жили дяди-рыбаки, славившиеся в селе своим умением рассказывать про старину. Нам подали старинную бричку, наподобие ноева корабля, и мы медленно потянулись к Волнигу. Не прошло и часа, как мы были уже у рыбальни; тут мы увидели дядя, который сидел на земле, протянувши ноги вперёд, держал между колен большой горшок и поворачивал в этом горшке какую-то большую дубину.

— Помогай Біг, діду!

— Спасибі, — отвечал дядя, не взглянув даже на нас.

— А що риба є?

— Тут не до риби, коли своє діло стоять: ви, бачу, і не журитесь, що у мене табака не стерта.

Оказалось, что дядя занят был приготовлением табаку для себя и ни о чём другом и знать не хотел. Обе пучки его рук, борода, усы, нос были в табаке: это он всё пробовал, мягко ли стёрся табак. Мы оставили дядя в покое и вошли в землянку. Землянка оказалась полна дыма, который не позволял нам рассмотреть находившихся в ней других рыбаков. Мы присели на корточки и тогда увидели, что в ней было ещё пять человек дядов. В землянке устроена была печь с длинной лежанкой, по самой средине стоял стол, на котором ви-

сели сумки с разным добром дядов, и от столба вверх поднималась лестница в виде ступенек, сделанных по земле. Мы поздоровались с дядями и вступили в разговор. Сперва шло дело о рыбе, о плотах, о лягушках, «як їх ловлять пороги», а потом незаметно поднялся вопрос о том, что находят в порогах после полой воды. Тут один из дядов, Демьян Муха, рассказал нам, что он лет авацьять слишком тому назад вместе с семью людьми, своими односельчанами, вытаскивал из Волниговского порога две пушки. «Це було за год до волі, у весни. Пішов я з Михайллом Вельським рибальчили у поріг. А перед тим зробилось так тепло, що аж крига провалилась коло Вовнихи; прийшли ми й давай у одудини ворхоту пускати та кульванаги рибу. Лазили-лазили там, коли бачимо, аж на дні порога щось блещить; приливляємося, аві пушки. Пішли у село, призвали до себе ще шість чоловіків та й давай ото ми, восьмеро, тягти ті пушки. Виглягли. Так одна була, як зараз поміно, тринадцять пудів і дванадцять хунтів; а друга — дванадцять пудів і вісімнадцять хунтів; на їх були й мітки, — хрестики, понизже затравки, у четверть дюжини; обидві пушки трохаршинні. Признали, що одна із бронзи, а друга із польського золота; а жди, — тут таки із нашої Свистунівки, — признав, що то пушки якогось князя Святославського. Потім об тих пушках доложили губернатору*, так він як ухопін іх та й помчав кудись аж у Москву».

Вышел из рыбальни и полюбовавшись величественным порогом, мы направились в степь, прямо на восток от Днепра, в сопровождении дядя-рыбаки.

— А що, діду, єсть табака?

— Єсть; а хіба ви нюхаете?

— Ато!

— А як нюхаете, то ізвольте-ся!

Я полстали щепотку, и дядя мирно отсыпал мне табаку на ноготь; постучав предварительно рожком о колено своей правой ноги.

— Добра табака!

— Уже ж що добра, коли чхасте!

Так мы идём потихоньку, не спеша, медленно подвигаясь, на палочки опираясь и мирные разговоры ведём.

* Это был губернатор Сивере.

- А що, діду, чи не знаєте ви якої-небудь козацької пісні?
- Знав колись, та теперъ не зведу.
- А багато знали?
- Та до гибелі.
- А які ж ви знали?
- Та ось і ту знає, що про козака та про долю співають.
- Які ж у неї слова?
- Та слова у неї от які:

«Уже літ більш с десять, як козак в неволі
Понад Дніпром ходе, викликав долю...»¹¹

- Гарна пісня! От як би заспівати!
- І заспівав би вам, паниченьку, так зовсім гласу нема.
- Ну, хай коли-небудь удруте.

Ідем алаші, все таюче не спеша, медленно подвигаясь и на палочки опираясь.

- А як воно, діду, у старовину тут було?

— Як у старовину тут було? У старовину тут таке було, що й скізати трудно. Трави такі, що як іде товариця у степу, так і ріг не видко; риби тісі стілько, що як уткнеш було рогато у Ніпро, так аж ручка трепанти, як назад потягнеш.

- Чого ж воно теперъ того нема?

— Чого? Людей богацько наплодилося, от чого! Теперъ ти вийдеш на Ніпро одним каюком, а за тобою ідуть десять; тоді на всю свободу двоє тілько рибалок і було, а теперъ ім і счоту нема; так усяке над рибою і нависа; теперъ і води не знать: усе рибалки. Було... І трави було, і ліса, і звіру — всего богато було. Още бувало устанеш нічью, підіш до Ніпра, сядеш у каюк та й хода! А ніч така, що, Господи великий, умирати не хочеться.. Вода не шелесне, а зорі так і тіпаються у небі. Така затиш, така затиш, що наче б то, як там кажуть у казках, усе закодоване. Тілько й почусп, як шубовтне яка рибина у воді, або завис ле в бальці, середь лісу, вовк.

- Так тут і ліса були?

— Були! Вони і теперъ єсть, та вже не ті. Ось тут на Россоховатій бальці, росла така дубина, що теперъ і близько такої нема: тут і печери були.

- І печери, кажете, діду, були?

- І печери були; та вони десь і теперъ зостались.
- Невже? А чи не можна яку-небудь побачити?
- А чом же не можна? Потягнем до балки, то, може, і побачим.

И так, мы направились к балке Слободской Россохи. Идём да идём, медленно подвигаясь, на палочки опираясь и приятные разговоры ведём. Вот и балка Россоховатая, но пещеры пока не видим. Где же она? Да вот и пещера. Чтобы точно определить местонахождение пещеры, нужно прежде всего сказать, что балка Слободская Россоха находится версты на две ниже села Свищунова, между церковною землей и крестьянским наделом и впадает в Днепр с левой стороны, по направлению от юга к северу. Затем нужно заметить, что с самой вершины, от юга, балка идет сперва одним жолобом, а потом, приблизившись к Днепру, разделяется на два рукава, в виде «россох». Почти от самой вершины и до устья балка покрыта довольно густым дубовым лесом. Недалеко от устья её мы и наткнулись на желанную пещеру. Она идет по направлению от запада к востоку, т. е. от одного рукава балки и до другого. С запада в пещеру, видимо, вела дверь, которая прикрывалась большим дубом, от которого остался в настоящее время лишь один огромный пень. Изгибаясь, что называется, в три погибели, мы пролезли сквозь отверстие, сделанное сверху пещеры, во внутрь её. Пещера оказалась длины более чем двадцать аршин, высоты более чем сажень; своды её закопчены дымом; в средине пещеры образовался обвал, который не позволял нам на большое пространство исследовать её. Видимо, пещера служила для кого-то жильём. Самое расположение её представляется в таком виде: главный ход её идет сперва одним направлением, срединным; затем, срединное отделяет от себя боковое правое, по направлению к югу, в степь, и боковое левое, по направлению к северу, на Днепр. Очевидно, в стратегическом отношении пещера устроена как нельзя лучше. Через боковое правое отверстие пещеры, под прикрытием леса, можно было пронести в неё всё необходимое для пропитания, а через боковое левое, также под прикрытием леса, можно было бежать из пещеры на Днепр и дальше вниз по реке. Само собою разумеется, что при белом осмотре пещеры мы не могли найти никаких данных для определения того, к какому времени она относится и какой народ в ней обитал; только внимательный осмотр и систематическая раскопка её могут дать ответ на поставленный вопрос.

После осмотра пещеры мы возвратились в село. Здесь я решил отдохнуть два дня, а мой спутник нашёл нужным возвратиться в г. Александровск. Прошло два дня, и я, совершивши опривившись, двинулся дальше, мимо Времьевки, Варваровки, Васильевки до д. Вороной, имения помещика Андрея Михайловича Миклашевского, Новомосковского уезда. Теперь я ехал на лошади, но это было уже не так удобно для научных изысканий, как идти пешком.

Бойко мчалась моя тройка с горы на плагину, усаженную по сторонам тенистыми вербами, завидя невдалеке деревню. Я подъезжал к Вороной с юго-востока и тут близ реки Вороной, по правому берегу её, увидел ряд земляных укреплений, против которых и остановился. Пройдя по всем укреплениям, я тот же час схватил общую скему их и положил на бумагу. В общем эти укрепления состоят из двух квадратов неодинаковой величины, соединённых между собой тремя ломанными линиями, на которых сделано двое ворот и за которыми, внутри укрепления, вырыто семь ложементов. На вопрос о том, кто сооружал эти земляные укрепления, отвечает автор «Истории о козаках запорожских», князь Мышецкий. «На оной речке Вороной, — пишет он, — в том-же, 1736 году, был от России построен реграншмент с редутами*. В этот именно 1736 год, во время войны с турками⁶, при имп. Анне Ивановне, знаменитый русский полководец Миних построил очень много земляных укреплений по обоим берегам Днепра. К таким-то укреплениям, надо думать, принадлежит и виденное мной на р. Вороной.

Осмотрев укрепление, я направился уже к самому дому владельца Андрея Михайловича Миклашевского; здесь я встретил самый радушный приём. В д. Вороной я решил остаться возможно продолжительно, имея целью раскопать несколько курганов; тем более, что здесь я нашёл себе помощницу в лице дочери Андрея Михайловича Миклашевского, Анастасии Андреевны Карцовой, страстной любительницы археологии.

В имении А. М. Миклашевского всех курганов больше шестидесяти, из них самые большие: Рясная могила, в окружности 72 саж., через вершину 10 саж., с двадцатью пятью малыми курганами вокруг неё, и Яцева могила, в окружности 70 саж., через вершину 9 саж., с

пятнадцатью малыми вокруг неё. Обе расположены на восток от Днепра, на расстоянии двух вёрст. Есть ещё несколько могил ниже Рясной и Яцевой; здесь из больших одна называется Москалевой, а другая — Довгой. Из всех этих могил разрыто двадцать, причём одни вскрыты А. А. Карцовой, другие Д. Я. Самоквасовым, а трети — лично мной. Но так как ни одна из этих могил не оказалась запорожской могилою, то мы не считаем уместным сообщать здесь о результатах наших раскопок и отсылаем интересующихся этим делом к статьям, специально посвящённым археологическим раскопкам⁷.

* Мышецкий С. И. История о козаках запорожских. Одесса, 1852. С. 60.

⁷ См. газету: Новости, 1887. № 36, 94 и пр.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

А юже літ більш двісті як козак в іневолі
Понад Дніпром ходе, викликася долю:
«Гей, ти, доле, вийди із води,
Визволъ мене, серденъко, з тѣжкой біди!»
Не вийду, козаче, не вийду, соколе!
Ой, рада б я вийти, так сама в іневолі,
Гей, у іневолі, у ярмі, під великим Кінвуром,
у торьмі!.

Из деревни Вороной я поднялся к г. Екатеринославу, откуда имел проплыть по берегам Днепра до самого г. Александровска, с специальной целью изучить острова, заборы, камни и балки, находящиеся в нем и впадающие в него. Меня особенно это занимало ввиду той запутанности, которая существует на этот счёт в разных атласах Днепра. Теперь уже нечего было переправляться через самые пороги; нужно было избрать путь понад правым берегом реки, перебираясь, в случае надобности, с правого на левый и по временам останавливаясь в прибрежных сёлах или речных островах. Я шёл на небольшой лодке с опытным и знающим лоцманом Иваном Костырею.

Первый остров, который мы увидели в Днепре против г. Екатеринослава, был Монастырский, иначе Потёмкин, Бураковский или Рябинин, покрытый дубовым лесом и расположенный как раз против Потёмкина сада. Этот остров замечателен тем, что уже в IX в. по Р. Х. служил местом жительства греческих монахов-аскетов, выходцев из Константиноополя; красивое местоположение и богатая природа острова понравились монахам, и они избрали его местом своих молитвенных подвигов. Кроме того, этот остров интересен ещё и тем, что его посетила, в 957 году, великая княгиня киевская Ольга; плывя в Царьград, она долго проживала на нём, ожидая здесь прекращения поднявшейся бури на Днепре и устраивая свою дружину для предотвращения нападения со стороны хищных печенегов. В

988 году на острове Монастырском останавливалася и великий князь Владимир, когда плыл со своим многочисленной дружиной по Днепру в Корсунь, объявив войну грекам. В 1152 году великий князь Мстислав Изяславич, предпринявший поход против половцев и разбивший их в союзе с Черными клобуками на реке Угле (Орели) и при реке Самаре, посетил Монастырский остров и старался поддержать его от нападений иностранныхников. В 1240 году, при нашествии на южную Русь татар, Монастырский остров был разграблен и испепелён монгольской ордой. Около 1400 года христиане пытались вновь возобновить на Монастырском острове разрушенную святыню, но видимо неудачно, потому что Боплан, бывший на этом острове в начале XVII ст., ещё не видел здесь монастыря. «Ниже лежит Монастырский остров, крутой, высокий, окружённый скалами, возывающимися на 25 или на 30 футов; одна только северная сторона его отложе. Поэтому остров сей не потопляется полноводием; название своё он получил от существовавшего некогда на нём монастыря, коего и следов не осталось. Если б берега Днепра и повелевали им, то он бы весьма удобен для житъя; в длину имеет около тысячи, а в ширину от восемидесяти до ста шагов, и наполнен ужами и другими змеями*. Однако около 1655 года, при гетмане Богдане Михайловиче Хмельницком, на Монастырском острове уже вновь поселились монахи, а спустя пять лет ниже острова Монастырского, против устья р. Самары, произошла битва между татарами и знаменитым в своё время кошевым атаманом Запорожского войска Иваном Дмитреневичем Сирком. Татары сделали набег на Украину, захватили множество пленных христиан, в том числе даже боярина Шерemetева, и, возвращаясь назад, стали переправляться через Днепр в виду Монастырского острова. Кошевой наструг здесь хищников, разбил их, пленных освободил, а их добычу забрал себе. С того времени Монастырский остров стал собственностью запорожцев, и с 1700 года ему принадлежала вся та местность, где теперь стоит собор, Потёмкинский дворец, архиерейский дом и богоугодное заведение в городе Екатеринославе. Но спустя 47 лет, Монастырский остров вместе с означенной местностью отдан был полковником самарской паланки Кириллом Красовским в собствен-

* Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 18.

ность Самарскому Пустынно-Николаевскому монастырю. Однако долго и после этого Монастырский остров привлекал к себе внимание людей благочестивых. В 1750 и 1760 годах Монастырский остров посетил известный в своё время полтавский протоиоп Евстафий Могилянский; против него, на возвышенной местности, в монастырском подворье, жил в это время благочестивый иеромонах Самарского монастыря Памв Гамалий со своим келейником козаком Петром Чередниченком; сюда к знаменитому сподвижнику нередко приезжал граф Иван Симонович Гендриков, живший в то время в собственном имении*, Гендриковке, Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии. После падения Сичи, в 1775 году², во время основания г. Екатеринослава князь Г. А. Потёмкин предзначил Монастырский остров³ «для увеселения жителей и для городских доходов от рыбной ловли»⁴; но так как этому не суждено было исполниться, то Монастырский остров, в 1797 году, поступил сперва в управление лесного ведомства, а потом с 1815 года перешёл в частные руки. От правого берега Днепра остров этот отделён так называемой Архиерейской канавой, загромождённой в начале Архиерейской заборой.

Против южного конца Монастырского острова начинается вершина Шевского острова, имеющего длины три четверти, ширины одну четверть версты и принадлежащего владельцу Курилину. Ниже Монастырского и Шевского островов⁵ следует Становой, Прозоровский или Воронцовский остров, против балки Широкой, приместья Екатеринослава, Мандрыковки^{**}, с правой стороны, и села Огрия – с левой стороны.⁶ После падения Сичи этот остров достался во владение князю А. А. Прозоровскому; теперь он принадлежит князю И. И. Воронцову-Дашкову. Становой остров несравненно ниже Монастырского, он состоит из речного песка и покрыт лесом мягкой породы. За Становым островом следует⁷ Серебряная коса, к левому берегу Днепра, против церкви с. Огрия. Своё название она получила от множества рыбы, которая ловится близ

* Вся история Монастырского острова представлена у Феодосия (Макаревского): Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880. Вып. 1–2.

** Мандрыковка получила свое название от запорожца Андрея Мандрыки, который после объявления с. Полковицы Екатеринославом, в 1783 г., 30 марта, не захотел оставаться в городе и перешел на южный склон его, где основал селение Мандрыковку.

ней: «рыба лобре ловилась». За Серебряной косой следует остров Самарский, против устья р. Самары, у Бопляна Конский остров, отделённый с левой стороны от материка притоком Старухой. «Он имеет в длину $\frac{1}{4}$, а в ширину при вершине $\frac{1}{4}$ мили; покрыт лесом, болотами и потопляется весенним половодием. На нём живут многие рыбаки, которые ловят рыбу в Самаре и по недостатку соли пересыпают её золою или сушат для сбережения. Самара впадает прямо против вершины Конского острова»* или, по-теперешнему, между Серебряной косой и Самарским островом. Предание говорит, что против Самарского острова, на песчаном левом берегу Днепра, происходило побоище кошевого И. Д. Сирка с татарами. «Тут трупов, черепов видимо-невидимо валялось, а крови запеклась на четверть вершка». Ниже Конского острова, к правому берегу, идёт балка Пихотинка, а среди Днепра, как раз против села Лоцманской Каменки, стоит Московский остров. Ниже Московского острова впадает в Днепр с правой стороны балка Переял, за которой следует остров Каменоватый, иначе Скалистый или Князев, «который есть не ято иное, как скала длиною от 500 до 600, а шириною до 100 шагов, безопасная от половодья»**; на нём в 1737 году русские построили ретраншементы и редуты. Остров Каменоватый стоит против конца села Лоцманской Каменки и балки Сажавки, с правой стороны. За Каменоватым островом следует⁶ остров Козацкий⁷, известный Боплану как остров¹⁰ безлесный, покрытый скалами, не подверженный наводнениям, наполненный змеями*** и расположенный как раз против балки Середней. Между островом Козацким¹¹ и правым берегом Днепра стоит порог Кодачек, – это как бы сын настоящего порога Кодака, находящегося несколько ниже. По другую сторону острова Кодачка, против северо-западного угла его, торчит камень Середник, а ниже его раскинулась забора Бажанова.

Ниже острова Кодачка¹² начинается первый Кодацкий порог, падающий четырьмя лавами: Плоской, Остренькой, Вишняковой и Мышиной. Лодка идёт при большой воде прямо через камни, при малой – через канал порога.

* Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 18.

** Там же. С. 19.

*** Там же.

— А сколько лет строились каналы в порогах? — спросил я у своего лодчмана Ивана Костыри.

— Пятьдесят шесть, — последовал ответ.

— А сколько они стояли?

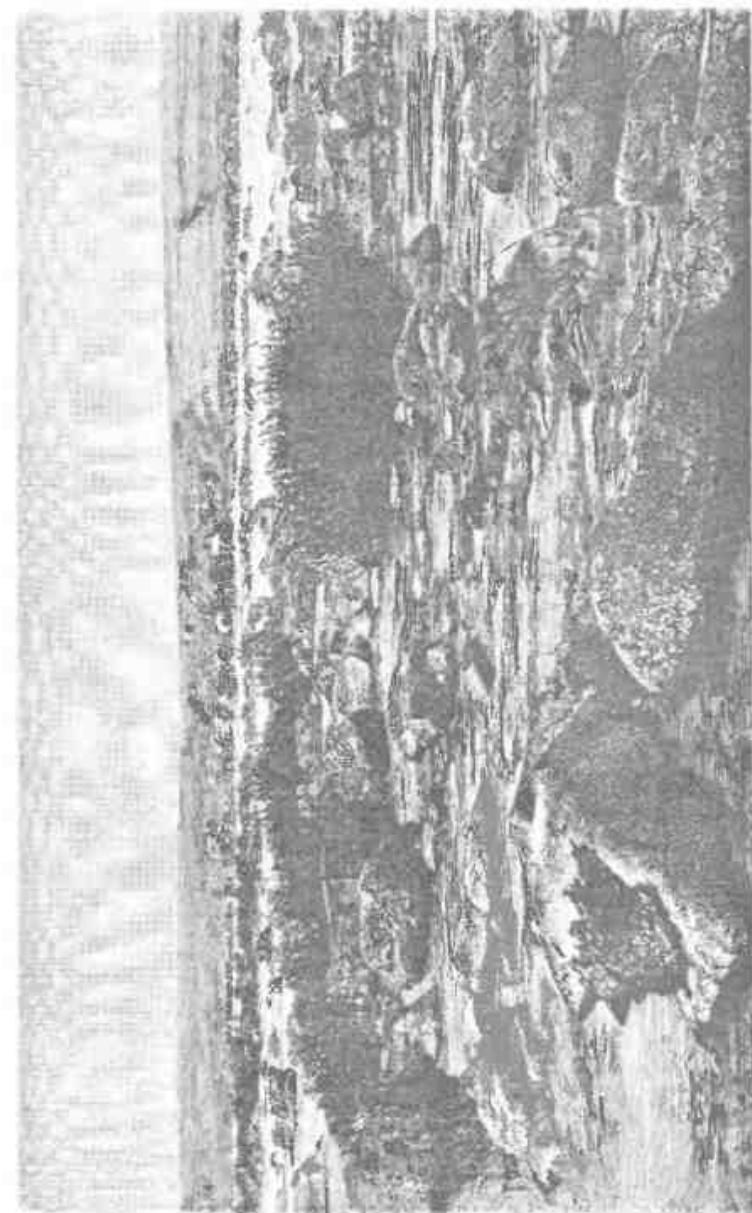
— Двадцать миллионов.

— А сколько теперь стоят?

— Двадцать копеек.

Я был поражен таким ответом, но потом, подумав немного, согласился, что Костыря был прав. Дело в том, что сооружение каналов, стоявшее казне громадных денег, в сущности оказалось бесполезным: суда по ним совсем не ходят, а плоты — только в малую воду, да и то на короткий срок. Но почему же так? «Для сплавного судоходства во всех порогах Днепра, в самом русле реки устроены девять открытых каналов со стенками из накидного камня, шириной в пятнадцать сажен, глубиною в четыре фута. Но для судов эти каналы оказались негодными по трём причинам: во-первых, по незначительности глубины: для судоходства нужно иметь по крайней мере шесть футов, но для этого нужно было местами углублять сплошной гранит, лежащий на дне реки; во-вторых, вследствие того, что самое пространство между порогами загромождено множеством камней, которые поднимаются далеко выше и ниже каналов и не позволяют, при малой воде в Днепре, идти судам по реке; в-третьих, по причине необыкновенной силы воды в весеннее время, которая не дает возможности направлять суда в каналы, устроенные сбоку, а не по самой средине реки. По Старо-Кодакскому каналу еще в 1843 году произведен был опыт над взводкою небольших размеров судна по каналу, прикрепленному к якорю посредством приделанного к судну ворота, и привёл к довольно удовлетворительному результату. Но в настоящее время суда идут через Кодак только сверху вниз и тем же первобытным способом, как то было во времена древних руссов, а потом позже во времена удалых запорожцев»*.

За Кодакским порогом следуют заборы Мудрина¹³, Любимовская, иначе Синельникова, находящаяся в Днепре против дома владелицы Ю. Я. Синельниковой, на левом берегу реки, Волошинова и Носулина, одна ниже другой, и по обеим сторонам забор два остро-



Забора Волошина.

* Кронштадтский вестник. 1853.

ва: Малый Татарчук, к правому берегу¹⁴, и Больший Татарчук, к левому берегу¹⁵, против балки Татарки, с левой стороны. Ниже островов Малого Татарчука и Большого Татарчука идут острова **Носулины и остров**¹⁶ Демека, иначе Домайский, Доханский или Немецкий остров¹⁷. Об этом острове в 1772 году, 6 декабря, писано следующее: «Старокодакий житель Фёдор Шаповал нам донёс, что ниже Старого Колаку на Днепре есть островец, зовущийся Демека. В нём имеющееся чёрное (т. е. лесное) дерево и родючее (т. е. плодовое), порубляясь на дрова, так опустошается сильно, что когда от того не предохранить, то во всенечное испустошение прийтить может. И как против сего острова живёт он, Шаповал; то ему способно сего острова смотреть, дабы мимо ведома его никто не дерзал пустошить разного дерева чёрного и родючого, потому оный остров ему, Шаповалу, на содержание определён впредь до нашего разсмотрения, с тем, чтобы в нём ни сам он не рубил и никто другого кого-либо опустошать каким то ни есть образом не допускал, дабы сим способом в прежнее состояние привести на общую пользу»*. Ниже острова Демеки, у левого берега Днепра, стоит остров Яцев или Ярицев¹⁸, а за ним острова Песковатый, Сурской и Муравиной. Остров Песковатый имеет в длину полверсты, в ширину около десятой версты, находится против колонии Ямбурга, с правой стороны. Остров Сурской имеет в длину две с половиной версты, ширины полверсты, находится против балки Яцевой, с левой стороны, и речки Мокрой Суры, с правой, отделяющей колонию Ямбург от села Волошского; он покрыт дубом, берестом и осокорем и принадлежит частью немцам, частью волохам. Между северной головой острова Сурского и левым берегом Днепра торчит большой камень Вырь, весьма опасный для плавателей. Муравиный остров имеет длины полверсты, ширины одну лесную, покрыт небольшим лесом и расположена у левого берега Днепра. Против южного конца Сурского острова начинается Сурской порог, падающий двумя лавами, Чугунной и Бондаревой.

Ниже Сурского порога идут¹⁹ два островка Кулики, в ряд с каналом Лоханского порога, забора Кривая, остров Лоханский, разделенный на четыре мелких островка, балка Должик, с правой сторо-

* Екатеринославский юбилейный листок. 1887. 17 мая. С. 170.

ны, около которой раскинулось с. Волошское, близ самой реки. В с. Волошском в гранитной скале у ливады крестьянина Якима Алексеевича Заскока есть пещера, носящая название Зменной и имеющая в длину большие двадцати пяти арши. Чтобы пробраться в эту пещеру, нужно сперва проползти сажени две животом по сырой земле, вытянув вперед руки. А потом уже подняться на ноги и идти ногами. Что было в той пещере, неизвестно. Сам Заскок думает²⁰, «что в ней, мабуть, жив який-небудь скитальник».

За Куликовыми островками начинается Лоханский порог, падающий тремя лавами: Куликовской, Плоской и Черепашиной; затем следуют: балка Лоханская, с левой стороны, покрытая прекрасным дубовым лесом, острова Скалистый²¹, Стрельчатый или Лоханская Стрелица, громадной высоты, у самого берега Днепра, с правой стороны, тотчас ниже последней хаты с. Волошского. За Стрельчатым островом идут: камень Черепаха, заборы Стрельчья и Богатырская и два камня Богатыря, один в самом Днепре, у правого берега его, а другой на суще, у левого берега реки, на земле владельца А. М. Микашевского. Из двух камней Богатырей – больший тот, который стоит на левом берегу; издали он похож на огромную конину сена²². **О происхождении названия камней Богатырями существует следующее народное предание.** Когда-то, в очень давнюю старину, сошлись здесь два богатыря, русский и турецкий; турецкий стал на левом берегу Днепра, а русский – на правом. Сошлись они да и кричат один другому через Днепр. Первый говорит: «Уступи мне эти места, я поселюсь здесь со своим народом», а второй говорит: «Уступи мне это место, я заселю этот край, а ты прочь отсюда». Тогда русский богатырь и говорит: «Коли так, то давай лучше померяемся силами; кто кого пересилит, тому и земля отойдет». – «Давай», – говорит турецкий богатырь. Вот взяли они по отко-
луповали из скал камни одинаковой тяжести, постановились на горе, понад Днепром, один с одного бока, а другой с другого, и давай штурять эти камни. Как бросил камень турецкий богатырь, а он и упал тут же, около правого берега, в воде, недалеко от Стрельчей заборы; тогда с правого берега русский богатырь как штурмнул свой камень, так он очутился на левом боку, на сухом берегу. Тогда богатырь турецкий и кричит: «Ну, коли так, то я пойду дальше, а ты заселяй землю». И пошел чужой богатырь дальше, а наш поселил свой народ и на том, и на этом берегу. На том камне, который на левом



Камень Богатыри.

берегу, и до сих пор остался след, как раз в том месте, где богатырь брался руками: так и видны и руки, и пальцы, и ладони»^{*}.

Тотчас ниже камней Богатырей, с левой стороны, впадают в Днепр балки Стрельчья, с правой – балки Майровы и Звонецкая, по середине Днепра идут камни Буд, Черные, Плоский, а ниже камней начинается порог Звонецкий с лавами: Плоской, Чёрной, Глухой и Кобыльчей; ниже порога снова впадают в Днепр балки Тягинская и Должик, с правой стороны, и за ними речка Вороная, у левого берега, отделяющая собой уезд Новомосковский от уезда Павлоградского, после чего тинутся острова: Шулаев²⁴, Песковатый²⁵, Козлов²⁶, Ткачев²⁷, против балки Царевой, или Тягинской, с левой стороны, за которой выдвигается забора Тягинская, или по древнему порог Техинский, находящийся на пять вёрст ниже Звонецкого порога, между островами Песковатым и Козловым. Тут же, у правого берега Днепра, бурлит страшный водоворот Смоляр, а ниже его идёт^{27а} острова Дмитров²⁸, Жидовские, Раков, Майстров, Голодаев и, наконец, порог Ненасытейский с его двенадцатью лавами: Рваною, Службою, Остренькой, Одинцовой, Рогожной, Буравленной, Булгарской или Богатырской, Долгополой, Казенцовой, Мокрыми-Кладями, Рогатой, и близ Ненасытца, у левого берега Днепра, остров Майстров, иначе Жмура, а у правого берега камень Булгар и скеля Монастырько со страшным местом около неё Пеклом.

– Отчего эта скала называется Монастырьком?

– Этого уже вам не докажем; отчего она называется Монастырьком, Бог её святой знает. Мы и родились, а она Монастырько; мы и повырастали, а она Монастырько; мы и поплыли по Днепру, а она всё Монастырько да и Монастырько. Он у нас по камню, что лежит поверх его, называется Царицыной скелей. Рассказывают старые люди, что на том камне когда-то была царица Екатерина. Как взошла на неё, так и ахнула от удивления: так-то там хорошо. Там, где стояла царица, и теперь есть ступни. Тогда, видите ли, люди были «тверди, а скели мягки»; оттого как стала царица на скеле, так и вошла в неё. Не тот народ был в старину, да и не те цари!.. Там теперь пять ямок, где стояла царица. Говорят, что на этой скеле царица отдыхала и что для неё на скеле выдолбили стол, скамью и тарелки.

* Это предание записано Я. П. Новицким. См.: Малорусские предания Драгоманова. К., 1876. С. 230²².

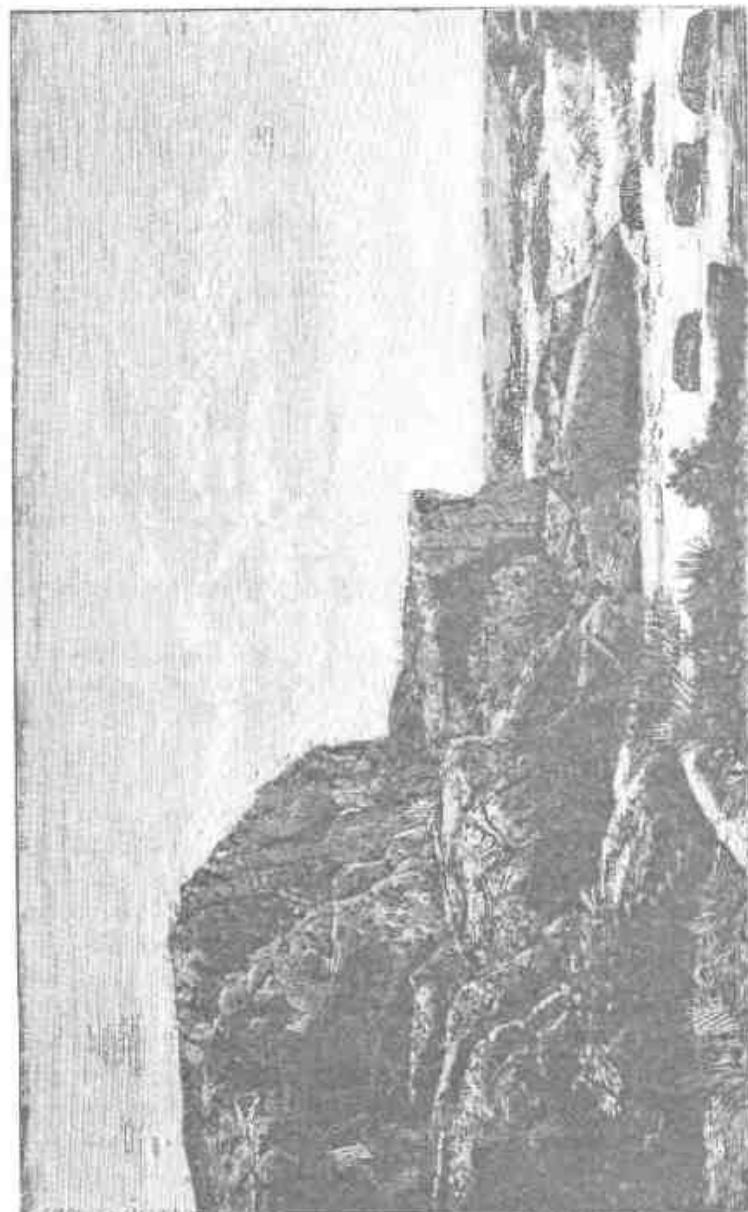
— Так вот какой этот Монастырь! Всмотриесь в него! Господи, какое чудовище! Природа словно нарочно придвинула его сюда, к самому страшному порогу, чтобы тем еще больше устрашить человека! Неудивительно, что он привлек внимание императрицы Екатерины II...

Это было после отъезда Екатерины II из Екатеринослава, во время известного путешествия её по Новороссии. В это путешествие императрице угодно было взглянуть и на гляяный порог Днепра, Ненасытский, что пониже Екатеринослава на тридцать verst, и на переход через него своих галер, которые она вручила искусным козацким и каменским лоцманам, взявшим на себя смелость провести в целости царские суда через все страшные пороги. Галеры эти плывли от Нового Кодака вниз по течению Днепра и перед Ненасытцем, у острова Козлова, должны были ожидать высочайшего приезда.

Ещё в 1776²⁹ году Ненасытский порог с прилегающими к нему с обеих сторон Днепра землями, на довольно значительном пространстве, отдан был императрицею в собственность генерал-майору И. М. Синельникову, где он основал сёла: Васильевку, с левой стороны Днепра, Николаевку и Войсковое – с правой стороны*. Чтобы достойно встретить высокую путешественницу, И. М. Синельников на всём пространстве своего имения, по обе стороны пролегавшей через него дороги, насадил цветущие розы в окопанных треугольниках, которые долго потом оставались в исполнении и только лет двадцать тому назад бесследно пересажаны. Кроме того, у Днепра, против Ненасытского порога, на возвышенных вершинах гранитных всковых скал, несколько сглаженных землей и покрыто неправильными уступами вдавшихся в порог, Синельников соорудил временный деревянный дворец с балконом**, с которого открывался чарующий вид на «Старый ланд», дикий, грозный, могучий, величественный и бурный порог Ненасытца... В этом месте, полном за-

* В сочинении Скальковского «Хронологическое обозрение Новороссийского края» (Одесса, 1836. Ч. 2. С. 119, в примечании) И. М. Синельников назван поистине старшиной запорожских казаков. Это неверно. Из фамильных бумаг Ивана Максимовича видно, что он был родом из Воронежской губернии, откуда пришел на службу в Новороссию. Об этом см. нашу статью: Иван Максимович Синельников // Очерки по истории запорожских казаков. СПб., 1889³⁰.

** В том месте, где у настоящей владелицы холмка и выход из сада на порог.



Камень Монастырько.

венных исторических дум, в этом дворце, полном роскоши золотого екатерининского века, императрица решила отдохнуть во время своего продолжительного путешествия и оказать честь хозяину³¹, встретившему её с хлебом и солью у своего имения и приказавшему своим крестьянам поднести высокой гостье свежего осетра, пойманного в пороге. Обед происходил в самом дворце, а не на камне скалы Монастырка, как говорит об этом предание, а вслед за ним повторяет и г. Скальковский в своём сочинении «Хронологическое обозрение Новороссийского края»* и предложен был губернатором Синельниковым, а не запорожскими казаками, как утверждает тот же г. Скальковский. Вот тому доказательства. Во-первых, самое положение камня, находящегося у берега реки, внизу под отвесной громадной скалой, которая ещё во времена запорожцев называлась, да и теперь называется, Монастырьком и возле которой кипит страшная лучина волн, известная под именем Пекла, не позволяет думать, чтобы на него спускалась императрица Екатерина II. Камень этот, получивший потом громкое название Царицыной, или Екатерининской скалы, лежит в таком месте, куда и в теперешнее время с трудом можно пройти; тем менышая была возможность пройти к нему в то время, до постройки Фалеевского канала² в Ненасытске, когда и самую скалу Монастырько отделял от берега непрходимый пустырь. Во-вторых, надо принять во внимание и то обстоятельство, что императрица Екатерина II в то время страдала отёком ног и на чулочной фабрике в Екатеринославе изготавливались для неё шёлковые чулки вдвое выше обычновенных. После этого могла ли она больными ногами спускаться на такую скалу, как Монастырько? Наконец, в-третьих, Запорожская Сича была уничтожена уже в 1775 году, за 11 лет до посещения порогов императрицей; недовольные казаки скоро после этого покинули Днепр и разбрелись не только по окраинам России, но и далеко за пределы их. Какие же запорожцы могли утопить Екатерину II на Царицыной скале мыса Монастырька?

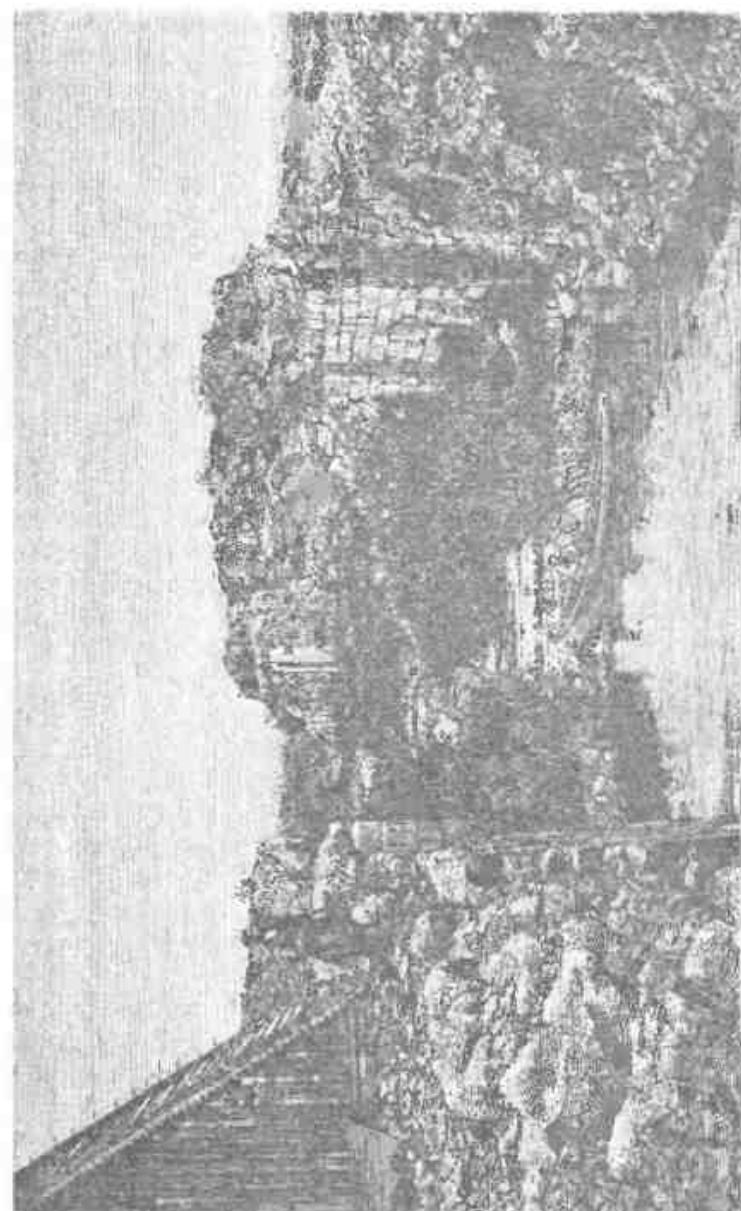
Отобедав во дворце, императрица вышла на балкон и приказала спустить свои галеры через Ненасытский порог. Предварительно перед проходом царских галер через Ненасытский по-

* Скальковский А. А. Хронологическое обозрение Новороссийского края. Одесса, 1836. Ч. 2. С. 119, прим.

порог, для пробы, велено было пустить луб, т. с. большую лодку с пятью человеками рыбаком из местных крестьян имения Синельникова, во главе с кормчим Белям. Вместе с рыбаками пожелали отправиться князь Потёмкин, принц Нассау и французский посланник граф Сепор. Но императрица решительно воспретила им подвергнуть себя такой опасности.

Тогда рыбаки пустились через порог одни. Они сели на дуб и смело ринулись на самый каскад страшных волн... Уже прошли они одиннадцать лав (ступов) порога, уже вступили в последнюю, двенадцатую, но тут лодка их быстро нырнула в воду, и они мгновенно исчезли в кипучих волнах. Императрица, сидевшая в это время на балконе дворца и следившая за плывшим по Днепру дубом, с испугом отворотилась от порога и, взглянув на Потёмкина, с жалостью и укоризной заметила: «Они погибли». Князь был сам встревожен этим, но И. М. Синельников, зная своих молодцов, приблизился к государыне и спокойно указал ей на плывших ниже порога отважных рыбаков. Императрица удивилась их смелости и приказала привести их к себе. Пловцы явились, удостоились выслушать похвалу из уст государыни, получили денежную награду, из коей на долю кормчего Беля досталось 50 р. После этого опыта пошло судно Фалесса, а потом уже авинулась через пороги и самая флотилия, которую управляли новокодакские и каменские лоцманы. Стерном царской галеры управлял лоцман Моисей Иванович Полторацкий. Суда прошли сперва через четыре верхних порога и потом вступили в пятый, Ненасытецкий. Императрица смотрела на их спуск с высокого балкона дворца, устроенного И. М. Синельниковым. Можно себе вообразить, что за зрелище представляли из себя плывущие через порог, одна за другой восемьдесят царских галер! Императрица не без основания опасалась за их целость и всё время, когда они двигались по Днепру, не сводила с них глаз. Но прошёл один миг, и суда уже были в совершенной безопасности... Безстрашные и ловкие лоцманы в совершенстве выполнили своё дело. Тогда императрица призвала их к себе и одних наградила деньгами, других произвела в абордяне и пожаловала землю. Дворянское достоинство и землю получил лоцман Полторацкий*, произведенный в чин поручика вместе

* Хутор Полторацкого упразднен и до сих пор, выше села Лоцманской Каменки, в балке Сажанке.



Канал Потемкинского порога.

Ч. I. Рис. 14.

сте с тринадцатилетним сыном своим, помогавшим отцу, и за это произведенным в чин ирапорщика. Остальные лоцманы получили денежные награды.

Того же дня, 9 мая³², императрица оставила кров гостеприимного хозяина и направилась сухим путем к г. Херсону. Любопытно в данном случае именно то, что предание связывает пребывание императрицы Екатерины II у Ненасытского порога не с дворцом и не с балконом дворца Синельникова, а со скалой Монастырько, стоящей против страшного порога и открывающей с себя, точно с высоты птичьего полёта, поразительнейший вид на дикий, но по истине полный пленительной прелести, Ненасытец, который и ревёт и стонет, и шумит и вост, и высоко вздымается над своими вековечными скалами, разбиваясь миллионами брызг белой жемчужной пены, называемой здесь речным буком... По своему расположению Монастырько есть мыс, отделяющийся от правого берега Днепра, вдающийся в нижний конец Ненасытца и венчающийся на южной окраине своей высокой и совершенно отвесной скалой. Отделяясь от правого берега Днепра, он служит как бы частью плотины, которая сдерживает движение воды, стремящейся через порог. Уже выше водя, попавшая между лав порога и встретившая на своём пути несокрушимые препятствия от громадных, но пологих скал, вдруг как бы неожиданно натыкается на громадную и непомерно высокую скалу Монастырько и, ударившись с страшной силой об её гранитную стену, бросается к левому берегу реки, а потом, встретив массу других скал, бешено вздымается вверх и затем разливается бурными валами по нижним лавам порога... От этого-то у самого Монастырька образуется страшный водоворот, известный у лоцманов под названием Пекла, т. е. адя. «От де, братці, пекло! Тут і самому чорту, на що вже він привик к вогню, буде і холодно³³ і тепло!»...

Но если для Ненасытца Монастырько остаётся вековечной и несокрушимой преградой, зато для человека он более податлив: природа сделала Монастырько мысом, а человек обратил его в остров. Ещё при Екатерине II Монастырько отделён от берега Днепра так называемым Фалеевским шлюзным каналом, теперь, правда, уже совершенно высохшим, вследствие каменной перемычки, сделанной

при входе в него, но тем не менее в весенне время наполняющимся водой и обращающим мыс в остров^{* 34.}

Ниже Монастырка³⁵ идут два острова Белясы³⁶, названные по имени кормчего Беляя, переплывшего на дубу Ненасытца в виду императрицы Екатерины II; за островами Беляевыми камень Плоский, «самый бидовый, ходовый каминь», против д. Времьевки; а за Плоским камнем³⁷ остров Песковатый, длины верста, ширины полверсты^{**}. Остров Песковатый замечателен тем, что на нём попадается очень много янтаря, особенно после полой воды. Кроме Песковатого янтарём богаты названные выше острова Беляев и Голодаев³⁸. Обыкновенная величина таких кусков — полтора вершка, но попадаются и больше четырёх вершков. Бывшему владельцу Ненасытца порога В. И. Синельникову однажды крестьяне доставили кусок янтаря в пять вершков величины, который отправлен был им в подарок известному русскому поэту Г. Р. Державину, находившемуся с Синельниковым в родстве³⁹. Державин, получив подарок, писал Синельникову, что он сделал из присланного янтаря блюдце и чашку. У наследников В. И. Синельникова и теперь хранится несколько кусков янтаря, разновременно найденных близ названных островов Днепра. У А. В. Васильева, управляющего села Ивановского, имеется также несколько кусков янтаря, найденных близ Ненасытца, против острова Голодаева. Из одного куска янтаря сделан у него стаканчик, «кубок янтарный», другие хранятся в неотделанном виде, из коих один замечателен тем, что на его поверхности видны мелкие, кругленькие отпечатки насекомых, а в средине — небольшой кусочек окаменелой древесинки. Несколько кусков того же днепровского янтаря имеет у себя и управляющий села Петровского, Александровского уезда, Екатеринославской губернии, находящегося ниже Ненасытца, В. А. Сипягин, которые доставлены ему местными крестьянами с берегов острова Песковатого. Но ещё больший запас днепровского янтаря имеется у владельца м. Котовки, Новомосковского уезда, той же губернии, Г. П. Алексеева, известного собирателя южно-русских древностей. У него есть очень большие куски янтаря, разного достоинства и разных цветов: систло-жёлтого, жёлтого, тём-

* О каналах на Днепре см.: Эваринский Д. И. Топографический очерк Запорожья. К., 1884. С. 26, 27.

** В старину было два острова с этим названием.

но-коричневого и пр. По рассказам старожилов, лет пятьдесят тому назад у приднепровских крестьян было очень много янтаря, но теперь он реже попадается потому, что его успевают подбирать жанды.

Ниже острова Песковатого идёт³⁹ речка Осокоровка, впадающая в Днепр с левой стороны, ниже дер. Времьевки⁴⁰ и отделяющая собой Александровский уезд от Павлоградского, далее⁴¹ балки Дубовая⁴², Капустиная⁴³, Пономарёва, на полверсты ниже экономии с. Петровского, все с левой стороны; скели Ластивина и Скубова⁴⁴, и, наконец, камень Дядько, или Чортов, к правому берегу Днепра, у северного конца острова Дубового.

— Чого цей камінь звєдця Дядьком, або Чортом?

— Як пройде підг, то він Дядько, а як зачепетця, то він Чорт.

Ниже Дядька следуют камень Пугач, балка Скубова, и четыре естественных пещеры в гранитной массе правого берега Днепра: Голубиная — первая, длины две саж. от уровня воды в Днепре⁴⁵, Голубиная — вторая, Голубиная — третья и наконец Путачёва, длины один, ширины два аршина. Против этих пещер протянулся болотой и длинный остров Дубовый.

Дубовый остров, в старину Дубович, или Большой Дубовый, расположен против с. Петровского (Свищунова), Александровского уезда, покрыт густым высоким лесом, состоящим почти исключительно из дуба; он протянулся на четыре версты в длину, при одной версте наибольшей ширины, и заключает в себе сто двадцать десятин земли, но принадлежит двум владельцам: одна половина — Синельниковой, другая — Миорадович⁴⁶.

За Дубовым островом идут⁴⁷ несколько забор, островов, балок и наконец порог Волниловский с его лавами Близнюками, Плоской, Грозной и Помыянницей и селом Волнигами, у правого берега Днепра.

В селе Волнигах бросается в глаза отсутствие церкви. Село довольно большое, многогодное и промышленное, но в нём нет не только церкви, нет даже часовенки, зато есть два кабака.

Ниже порога Волниловского идут последовательно⁴⁸ несколько камней, островов и балок, за которыми, наконец, открывается порог Будиловский с его лавами Тыриной и Сазоновой⁴⁹ и небольшим каналом, где нередко находят⁵⁰ куски янтаря.

Ниже Будиловского порога впадает в Днепр балка⁵¹ Будилка — с левой, на две версты ниже порога; за ней следуют камни⁵², острова,

две деревни у правого берега реки - Федоровка, или Языкова и Августиновка, или Смольца, а ниже их забора Таволжанская, у Лербера порог Таволжанский*, и против заборы остров Таволжанский. В этом месте, по словам Эриха Ласоты, у татар была главная переправа через Днепр**.

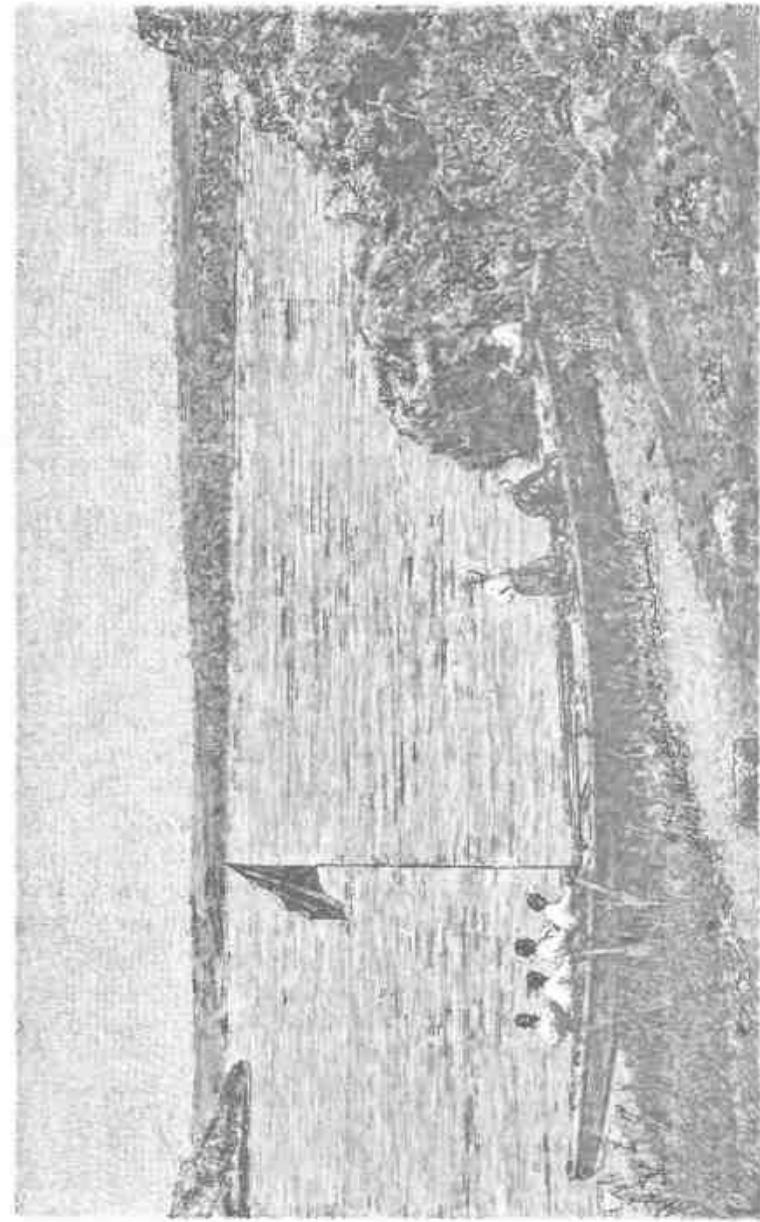
Остров Таволжанский, иначе Таволжанка, по местному произношению Тивилькан, известен был с этим же названием еще Эриху Ласоте, а вслед за ним и Гильому де-Боплану. «Второй остров (Таволжанский) гораздо более, длиною около 2000, шириной около 150 шагов; он весь составлен из скалы, но не имеет столько утесов, как первый. Место это крепко от природы и хорошо для жития. Здесь растет много таволы: это - красное дерево, твердое как букс и имеющее силу гнать из лошадей урину. Из него выделяют краску для волос»***. В настоящее время остров Таволжанский имеет в длину две версты, в ширину от десяти сажен до одной версты, по краям окаймлен лесом, а по средине представляет из себя прекрасную ровную площадь, по которой кое-где разбросаны огромные гранитные скалы, из коих самая высокая носит название Голубиной скели; с этой Голубиной скели открывается прекрасный и далёкий вид на д. Августиновку (Смольцу), находящуюся у правого берега Днепра, против правого берега острова Таволжанки, и на самый Днепр, вдоль по направлению от юга к северу. Вердимо, название свое остров Таволжанка получил от растения «таволги», в большом обилии произрастающего на нем даже и в настоящее время. Таволгою (*spirea*) местные жители называют особый род красной, очень тонкой лозы, производящей жгучую боль, когда ее ударить себя. Кто читал козацкие думы, тот знает, что в них таволгою всегда стегают «башни турецкие, недовирки христианские», несчастных пленников, захищенных на Украине и прикованных к турецким галерам тяжелыми железными цепями:

Башня турецкая, бусурманский,
Недовирок християнский,
По каторзии ходи-покожас,

* Исследования к объяснению древнерусской истории СПб., 1819. С. 274.

** Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 29.

*** Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 23.



Казимир Перун.

На слуги свої, на турки-яничари зо-зла гукас:
 «Кажу я вам, турки-ялагчары, добре ви дбайте,
 Из ряду до ряду захожайте
 По три пучки теринни і червоной таволги набираите
 Білого невольника по тричі в одній місці затинайте...»

Ниже острова Таволжанского, у северного конца его, стоит остров Орлов⁵³, против него впадает в Днепр балка Орлова⁵⁴, за которой следуют балки Большая Бишуллина, Малая Бишуллина, Зализна, Геллерина⁵⁵ и Таволжанка, с левой стороны, а против неё небольшой, но громкий остров Перун.

Перун, или, как называют его местные жители, Пёрун и даже Перен, расположен параллельно острову Таволжанскому, только у самого берега Днепра и как раз против балки Таволжанки, идущей к левому берегу Днепра и разделяющей самый остров на две половины; это разделение острова даёт повод думать, что некогда он составлял одно целое с левым берегом реки и что на нём оканчивалось устье балки. Остров протянулся вдоль левого берега Днепра, от севера к югу, причём в северной половине своей он далеко выше, чем в южной. Длина — сто пятьдесят сажен, ширина в северной окраине — семьдесят пять, в южной — тридцать сажен; высота при среднем уровне воды в Днепре, в северной окраине — пятьдесят саж., в южной — тридцать. В общем, о. Перун похож на огромное чудовище, протянувшееся по Днепру головой на север, хвостом на юг и посередине имеющее как бы перехват. По высоте — это единственный остров на всём Днепре. В откосе западного берега Перуна есть пещера, носящая название Змисвой, похожая, впрочем, скорее на нору, естественную, чем на то, что мы называем пещерою, и имеющая длины восемь аршин, ширины, при входе в неё, полтора аршина и высоты, также при входе, до двух аршин. Кроме пещеры, на острове, в лощине, разделяющей его на две половины, есть ещё погреб, стены которого выложены гранитным камнем; длина его — пять саж., ширина — три саж. Кто сделал этот погреб и для какой цели, указаний на это мы не имеем. Может быть, можно было бы сказать что-нибудь положительное на этот счёт после раскопки погреба. Но, к сожалению, сдава ли это можно сделать, так как он уже раскопан какими-то искателями клада. Остров принадлежит двум владельцам: Н. П. Петренку, владельцу с. Петровского, и С. П. Иваненковой, владельице

с. Андреевки. На вопрос, отчего остров Перун получил своё название, отзываются преданием, весьма сходным с тем, которое занесено на страницы нашей русской летописи о низвержении Св. Владимиром идола бога Перуна, брошенного, по повелению князя, в Днепр.

«Как поплыл тот Перун по Днепру, так достиг до самого острова Таволжана, тут уже остановился и перекинулся в небольшой остров. Оттого там, где он лёг головою, там самая большая высота на острове, я там, где он протянулся ногами, там самая меньшая высота на нём».

— А почему вот та пещера, что в Перуне, называется Змievой?

— А потому, что в ней жил змий, страшенный змий, — такой змий, что пожирал людей. Ухватит бывало какую-нибудь женщину, притащит в пещеру да там и сожрёт. От этого-то змия и пещера стала называться Змievой. Это давно было, очень давно, спас не за нашу память, да и не за память, вероятно, наших дедов и прадедов».

В другом отношении остров Перун достоин внимания тем, что на нём имеется месторождение слюды. Слюда, как известно, у наших предков употреблялась по всей Руси вместо стекла; возможно, что и остров Перун обращал внимание на себя в этом отношении русских, добывавших слюду в различных каменоломнях*.

Расположение двух островов параллельно один другому, в виде естественных плотин, было причиной того, что в этом месте уже в очень давнее время существовала переправа через Днепр, как об этом свидетельствует Эрих Ласота. «В настоящее время тут главная переправа даже за остров Таволжанский, так как Днепр в этом месте не развальняется и не очень широк»**⁵⁶.

Никс Таволжанского острова идут⁵⁷ разные камни, острова, заборы, деревни Пихотинского и Бырлина у правого берега реки, за которыми следует остров Кухарев. Кухарев остров имеет в длину две версты, в ширину — полторы, покрыт прекрасным дубовым лесом, расположен против с. Андреевки, что на левом берегу,

принадлежит владелице С. П. Иваненковой. Под ним считаются 215 дес. и 248 сажен земли*.

За островом Кухаревым следует⁵⁸ порог Липпий с его лавами Плоской и Швайчиной и, против порога Липпия, село Игнатьевка, или Алеевка; против с. Игнатьевки** камень Муравий: «стырчить, наче проскурка»⁵⁹, а за ним остров Гавин, получивший своё название от «гавы», т. е. вороньи⁶⁰; ниже его остров Лантухивский⁶¹, три островка Пруссовы, ниже о. Лантухивского, у самого берега Днепра, с правой стороны против Письмача, кругом все три — одна верста⁶², и против островов Вильный порог с его лавами Сиренской, Поклонной, Рядовой, Переймой, Волчьим горлом и Шинкаревой. За порогом Вильным идёт балка Гадючья, с правой стороны⁶³, забора Явленная, у древних порог Явленный, и наконец три острова Малишевские⁶⁴, против которых с левой стороны стоят кутоги Тарана, и ниже Малишевских большой остров Пурысов***. Есть полное основание думать, что в островах Малишевских скрывается остров, известный у Бопланя под названием Кашеварница. «На пушечный выстрел ниже сего порога (Вильного) лежит скалистый остров, называемый козаками Кашеварницей. Как будто для выражения радости о благополучном проходе через пороги: там козаки веселятся и угощают друг друга обыкновенным своим походным кушаньем — кашевою****». Есть также полное вероятное предполагать, что в этих Малишевских островах скрывается и остров Малый-Дубовый, о котором упоминает в своих «Исследованиях» Лерберг, а под островом Пурысовым разумеется Большой-Дубовый. По словам Лерберга, самый северный из целой гряды шести островов называется Малым-Дубовым*****, а самый южный именуется Большой-Дубовым. Ниже Пурысова тянется остров Вербовый, иначе Осокорный, известный теперь под названием Левшина, упоминаемый тем же Лербергом и

* Замечание г. Бухтеева о том, что в с. Кухаревом нужно видеть о. Кашеварницу, лишено всякого основания и обнаруживает лишь малое знакомство его с порожистою частью Днепра. См.: ЗООНД. Одесса, 1883. Т. 3. С. 491.

** Основано в 1783 году полковником Игнатием Ивановичем Гизицким.

*** На плане Днепра 1780 г. он назван Вурисов.

**** Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 23.

***** Исследование к объяснению древней российской истории. СПб., 1819. С. 277.

означенный на плане Днепра 1780 года*. На одну версту ниже Большого-Дубового, у левого берега реки, лежит третий остров, Каменоватый, называемый в настоящее время Голым, с длинною, песчаною отмелью у южного конца его. Таким образом, ниже последнего порога Вильного, до острова Хортицы, всех больших островов шесть: три Малишевских, один Пурысов, один Вербовый, один Каменоватый. Это совершенно совпадает с показанием Лерберга: «Суда ходят подле самого правого берега и прежде всего встречают гряду островов, числом шесть, из коих самый северный называется Малый-Дубов, а самый южный и больший, лежащий в версте от порога, Большой-Дубов. В версте за последним лежит к левому берегу остров Вербов, окруженный песчаною мелью»**.

При ближайшем осмотре острова Малый и Большой Дубовые оказались по окраинам скалистые, в средине песчаные, покрытые лесом, по преимуществу шелюгой, осокорем и изредка дубом. Но множество дубовых пней свидетельствуют, что некогда здесь преобладал дуб. Оба острова разделены между собой пространством не более как в 100 сажен, причём Малый Дубовый имеет длины одну пятую, ширины одну седьмую версты, Большой Дубовый имеет длины одну версту, ширины полверсты и заключает в себе от десяти до пятнадцати лестии земли. К левому берегу Малого-Дубового острова примыкают три маленьких островка Малишевских. При осмотре Малого-Дубового острова оказалось, что вся почти поверхность его усеяна человеческими костями: там валяется рука, там торчит нога, там виднеется череп, там лежит вместе с зубами нижняя челюсть. Вымерли ли здесь от голода осажденные неприятелем запорожцы, как рассказывают одни; было ли это кладбище козаков, как говорят другие; происходила ли здесь жестокая сеча русских с турками, как повествуют третьи, - это решительно неизвестно. Было бы, конечно, слишком смело утверждать, что на этом острове происходила битва между печенежским ханом Куря и русским князем Святославом, который, сражаясь в виду порогов со своим противником, сложил здесь свою «чубатую» голову и послужил как бы прото-

* План реки Днепра с разделением островов в Новороссийской и Азовской губерниях. Сочинен февралы [...] для 1780 года.

** План р. Днепра с разделением островов в Новороссийской и Азовской губерниях. Сочинен февралы [...] для 1780 г.

тиком также «чубатых» запорожцев, уродившихся за порогами Днепра.

Против островов Дубовых, с левой стороны, стоит колония Старый-Кронштейт, за ним впадает в Днепр, с левой стороны, балка Осокоровая, отделяющая от себя балку Богатыреву, покрытая прекрасным дубовым лесом и орошаемая во всю свою длину ручьем чистой и светлой воды; а ниже балки Осокоровой раскинулась деревня Павлокичкас, называемая иначе Маркусивкой, от бывшего владельца её Константина Мануиловича Маркуса. Ниже Павлокичкаса, среди Днепра, торчат камни Разбойники – «вони часто плоти та барки б'уть», за ними следует балка Кичкасса, иначе Гайдамакская, с левой стороны, получившая своё прозвание от гайдамаков, которые перегоняли здесь через Днепр лошадей, отбиваемых ими у татар. По словам старожилов, против балки Кичкасса у запорожцев была переправа через Днепр. Оттого старики и до сих пор называют переправу через Днепр у Кичкасси старою, а ниже её, против колонии Кичкаса, новою. С правой стороны против Павлокичкаса стоит урочище Теляче-Тырло и Козловский камень – оба на суше; ниже Козловского камня, в воде, скеля Радутка, на берегу, с левой стороны скеля Хмарна, забора Черна, названная по черным камням, торчащим из-под воды, балка Широка, скеля Пугачи и балка Побережья. Название скели Хмарной, по одним, произошло от запорожца Хмара, а по другим – от того, что «что вона виходе куком; там тінь, темно, мов хмара повисла, сонце Боже туди ніколи де достає». А скеля Пугачи названа от гніз пугачей, некогда водившихся на ней и своим криком оглашавших окрестности Днепра. Ещё ниже Пугачей, с правой стороны, стоит урочище Крыничка, названное так потому, «що там багато було копанок, або криниць», камень Ступка: «на ньому есть ямка, чисто тобі ступко», остров Крячок, от идиши крячка, и остров Вербки, от молодой вербы, растущей на нём. В соответствии с этим по правому берегу следуют: пещера Школа, камень Дзвилинья, скеля Голубы, названная от диких голубей, водившихся на ней, забора Середня, или Казаны: «як прибуде вода, то камини і не видно; тільки круте, мов у казанах кіпить»; скеля Попова и балка Кинська. Происхождение и название

* Новицкий Я. Запорожье // Степь. 1886. 16 февр. С. 102.

** Там же. С. 104.

Поповой скел объясняют так. «Вскоре после проезда императрицы Екатерины II по Днепру приехал откуда-то священник, с целью осмотреть местность, посещенную царицею. Ночью, не зная дороги, он своротил с Донского шляху, подъехал к скелю и с страшной крутизны ринулся в бездну реки. Не стало попа, осталась одна Попова скеля»*. Название же балки Киньской произошло от того, что здесь переконяли через Днепр запорожцы да татары своих коней. «Пливутъ було прудко, сучі коні, тілько прискають». Ниже балки Киньской идет балка Глинняна — с левой стороны, потом камень Гудзык, прозванный может быть оттого, что когда спадёт в Днепре вода, то он как-будто «гудзык» высмотривает из-под неё; далее камень Чупрына, получивший прозвание по сходству с чупрыном на голове; затем скеля Войчок, Сухойван, как раз против рыбальни Ивана Харченко; Кичкасская переправа, заборы Карлова и Брунева, отмель Кручина, остров Зелёный, называемый иначе островом Стрелницей и Федорининым, по отчеству владелицы его, Анны Фёдоровны (Хвосторыхи) Марк, балка Федоринина с левой стороны, урочище Сагайдачное, скеля Дурна и Середня, у левого берега Днепра, наконец, три огромнейших скалы⁶⁵ Столбы, и несколько меньшие Столлов аве скалы⁶⁶ Столги, после чего открывается величественный остров Хортица.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«д'рай, кобзарю! лай, шинкарю! —
Козаки гукали.
Шинкарь зише наливас
І не схаменетя;
Кобзарь винкивив, а козаки,
Аж Хортиця гнепци,
Метелиш та голака
Гуртом одирають.

Т. Шевченко⁶⁷

Остров Хортица — самый большой и самый величественный из островов Днепра на всем его протяжении, у Константина Багрянородного, греческого императора X века, остров св. Григория, получивший свое название от просветителя Великой Армении Григория, проезжавшего в Россию по Днепру^{*}; в русских летописях Хортица^{**}, Хортич, Кортицкий, Городецкий, Ортинский, Интреский остров^{***}; у Ласоты и Боплан Хортица^{****}; в Книге Большого Чертежа Хиртица^{*****}; у польского хрониста Мартина Бельского Хорчика^{*****}; у Мишнепского и Зуева Хортиц^{*****}; в атласе Днепра 1786 года

* Брун Ф. Черноморье. Одесса, 1879. Т. II. С. 289.

** Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 187, 205, 208, 266.

*** Летопись по Никонову списку. СПб., 1791. С. 273, 274, 293, 308, 309.

**** Ласота Э. Путевые записки. СПб., 1873. С. 30; Боплан Г.-Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 24.

***** Книга, глаголемая Большой чертеж. М., 1846. С. 100.

***** Zbiór pisarzów polskich. Warszawa, 1832. Część 6. T. 18; Kronika Polska Marcina Bielskiego. S. 191—193.

***** Мишнепский С.И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 68; Зуев В. Путешественные записки. СПб., 1787. С. 261.

адмирала Пущина Хитрицкий остров^{*}; у Ригельмана Хордецкий остров^{**}.

Свое название остров Хортица получил, по одним, от имени древнеславянского бога Хорса; по объяснению других, от слова хорт, т. е. борзая собака, которую наши предки, славяноязычники, останавливаясь на острове ниже порогов во время плавания по Днепру «из Варяг в Царыград», могли приносить в жертву своим богам^{***}. «Прошел Краийский перевоз^{****}, они - руссы - причаливают к острову, который называется именем св. Григория. На этом острове они совершают свои жертвоприношения: там стоит огромной величины дуб. Они приносят в жертву живых птиц, также втыкают кругом стрелы, а другие кладут куски хлеба и мяса и что у кого есть, по своему обыкновению. Тут же бросают жребий, убивать ли птиц и есть или оставлять в живых»^{*****}.

В русских летописях имя Хортицы впервые упоминается под 1103 годом, когда великий князь Святополк Изяславич, в союзе с другими князьями, шел походом против половцев: «И поидаша на коних и в лодях, и придоша ниже порог и сташа в Протолчех [в Протолчах] и в Хортичим острове»^{*****}. Из русских же летописей узнаём, что возле острова Хортицы съезжались все главные русские князья и их пособники, когда в 1224 году отправлялись на первую битву против татар[†], к Калке реке: «Придоша к реце Днепру и въидаша в море; бе бо людей тысящи, и воидаша в Днепр и возведоша пороги и сташа у рекы Хортице на броду у Протолчи»^{*****}.

В истории запорожских козаков остров Хортица замечателен в том отношении, что на нем был устроен первый «городок» запорожских козаков. Документально известным городок, или замок, становится в 1556 году: он основан был на Хортиц-

* Императорская публичная библиотека (СПб.). Ф. IV. С. 268.

** Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России. М., 1847. Ч. I. С. 20.

*** Примечания Ф. Бруна в кн.: Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 85.

**** Теперь переправа Кичкас, выше острова Хортицы.

***** De administrando imperio, cap. IX, рилет 74 – 77.

***** Летопись по Ипатскому списку. С. 183.

***** Летопись по Ипатскому списку. С. 445-446.

ком острове, против Конских Вод, у крымских кочевиц, князем Дмитрием Ивановичем Вишневецким, как об этом свидетельствует русская летопись^{*}. Это свидетельство подтверждает в 1594 году и посланник германского императора Рудольфа II, Эрих Ласота, который называет городок на Хортице замком Вишневецкого, брошенным князем лет тридцать тому назад^{**} (1594 – 30) и разрушенный потом турками и татарами^{***}. Несколько позже Ласоты о Хортицкой Сичи говорит и польский хронист Бельский: «Есть и другой остров близ того – Коханого, – называемый Хорчика, на котором Вишневецкий перед этим жил и татарам очень вредил, так что они не смели через него так часто к нам вторгаться»^{****}. В XVII веке Боплан писал о Хортице, что остров этот очень высок, почти со всех сторон окружен утесами, в длину имеет более двух миль, а в ширину, с восточной стороны, около полумили, а к западу уже и ниже, что он подвержен наводнениям и покрыт дубовым лесом^{*****}. В XVIII веке (1736-1740) князь Семен Мышецкий сообщал о Хортице, что, по дошедшем до него рассказам, остров этот никогда составлял одно целое с окружающей его степью, а потом уже образовался от действия весенних вод на низкий берег реки Днепра; что на нем издревле была Запорожская Сичь; что во время польско-русской войны 1630 года вождь запорожских козаков, Сагайдачный, построил на этом острове фортецию или окоп^{*****}; а в 1738 году, во время русско-турецкой войны, на нем сделан был русскими войсками большой ретраншемент, со многими редутами и фланшами, и что против него очень долго стояла русская армия и флотилия, ушедшая из-под Очакова^{*****}.

Так как все известные нам источники XVI века не называют Хортицу Запорожскую Сичью, а именуют только горо-

* Летопись по Никонову списку. СПб., 1791. С. 272 - 273.

** Ласота определяет место города на острове Малой-Хортице, по-теперешнему Канцереком острове: Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 53.

*** Zbiór pisarzy polskich. Warszawa, 1832. Czesc 6. T. 18. S. 191-193.

**** Боплан Г.-Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 24.

***** Явица хронологическая олибия. П. Сагайдачный умер в 1622 году, 10 апреля.

***** Мышецкий С. И. История о козаках запорожских. Одесса, 1852. С. 68.

дком, то мы не вправе верить свидетельству князя Мишецкого, вообще ненадежного там, где он касается внешней истории запорожских козаков. Мы не знаем также других указаний о пребывании гетмана Петра Конашевича Сагайдачного на острове Хортице, кроме указаний Мишецкого. Как кажется, на пребывание Сагайдачного на острове Хортице намекает лишь историк Устрялов, говоря что запорожцы в начале XVI столетия, имея свою Сичь, оставили её здесь, а потом в 1620 году возобновили на том же месте и вновь покинули^{*}. О пребывании на острове Хортице гетмана Петра Конашевича Сагайдачного определенное всех говорит Григорий Спасский: «Первыми поселенцами острова Хортицы были запорожские козаки. В начале XVII столетия гетман Сагайдачный приказал жилища их обнести земляным окопом и деревянным тыном или засекою, от чего, может быть, получило тогда это укрепление и название Сечи, сохранившееся и при переходе запорожцев на другие места, до самого окончательного их рассеяния»^{**}.

Но откуда Спасский взял это указание – нам остаётся совершенно неизвестным. В козацких луках Хортица именуется стародавнею Сичею, куда запорожцы, после разгрома бусурманских городов и захвата военной добычи,

«Назад прибували,
Велику переправу собі мали
До стародавній Січі поспішали,
У стародавній Січі очерстами сідали,
Срібро і злато турецьке на три частини підавали,
Мед і оковиту горілку піливали,
За весь мир Господа прохали»^{***}.

Относительно сооружения на острове Хортице русскими войсками земляных укреплений, помимо свидетельства Мишецкого, мы имеем и другие указания, из которых видим, что эти сооружения возведены не в 1738 году, как показывает автор «Истории о козаках», а в 1736 году: «В бывшую русских с турками войну в 1736 году, на острове Хортице, был построен

* Примечание Н. Г. Устрялова в кн.: Боплан Г.-Л. Описание України. СПб., 1832. С. 150; прим. 37.

** Примечание Г. Спасского в кн.: Кніга, глаголемая Большой чертеж. М., 1846; прим. 125.

*** Киевская старина. 1893. Т. XL. № 2. С. 313.

знатный ретраншемент с линиями поперек острова[†], где и строение военных судов производилось, но лес к тому из дальних мест сверху Днепра доставлялся, по причине имеющихся на Днепре, выше сего острова, в 60 верстах при Кодакском ретраншементе, начавшихся порогов, кои вниз продолжением десять только верст до того острова не дошли»^{**}.

Цель сооружения названных укреплений на острове Хортице объясняет очевидец и участник русско-турецких войн 1736 – 1738 годов, Христофор Манштейн, так: «Во время похода и полевых действий 1736 года граф Миних свободное сообщение с Украиной сохранял следующим образом: коль скоро войско за границу русскую выступало на некоторое отдаление, то он приказывал в известном расстоянии делать небольшие земляные укрепления, так что, ежели местоположение в рассуждении дров и воды позволяло, одно от другого не далее было одной или двух миль. В каждом из сих укреплений оставляли одного чиновника и от 10 до 12 человек ратников или драгун и до 20 козаков, а в больших от 400 до 500 строевого войска и около толикого же числа козаков под начальством штаб-офицера. Сии рассыпанные войска должны были препровождать гонцов и заготовлять сено в запас. Крепостцы весьма полезны были еще и для обозов, к войску следовавшим: они тут находились в безопасности от всякого неприятельского нападения и обыкновенно в одной, которой-либо из них, останавливались для ночлега»^{***}.

Делал ли на острове Хортице, кроме Сагайдачного и Миниха, укрепления козацкий предводитель Яков Шах, известный сподвижник Ивана Подковы, действовавшего в конце XVI столетия, на это у нас нет никаких указаний, не смотря на уверения автора лубочной «Истории Малороссии» Семенова^{****}.

[†] В таком точно виде он сохранился и до настоящего времени.

^{**} Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1868. Т. 7. С. 173.

^{***} Манштейн Х. Г. Записки исторические, гражданские и военные о России. М., 1823. Ч. 1. С. 214.

^{****} Семенов. История Малороссии в трех частях. М., 1874. Ч. I. С. 71.

Из приведенных выше свидетельств летописцев и современников мы видели, что возникновение, устройство и история Хортицкой Сечи тесно связаны с историей и подвигами князя Дмитрия Вишневецкого. «Чтобы иметь базис для наступательных действий против Крыма, а вместе с тем защиту от татар, - замечает профессор Антонович, - Вишневецкий строил передовые укрепления, далеко выдигая их в степь. Первое такое временное укрепление было построено им на нижнем течении Днепра, на острове Хортице, немного ниже порогов. Устройство этого укрепления относится к четвертому десятилетию XVI века. Вначале это укрепление не имело постоянных жителей, сюда вводился гарнизон, когда была необходимость, обыкновенно летом, а на зиму удалялся»*.

Но кто же был этот Вишневецкий и каковы были его подвиги среди запорожских козаков? На этот вопрос мы имеем ответ в русских летописях и польских хрониках Бельского и Несецкого**.

Князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, истый козак по натуре и знаменитый вождь своего времени, был потомком волынских князей Гедиминовичей, родился в православной вере, имел у себя трех братьев: Андрея***, Константина и Сигизмунда и состоял владельцем многих имений в Кременецком повете, каковы: Вишневец, Подгайцы, Окимны, Кумний, Лопушка и другие. На исторической сцене Вишневецкий впервые стал известным с 1550 года, когда назначен был польским королем в старости Черкасского и Каневского поветов. Каков был Вишневецкий, как управитель поветов, нам неизвестно; известно лишь то, что в этом звании он оставался всего лишь три года: получив отказ от короля Сигизмунда-Августа по поводу просьбы о каком-то пожаловании, Вишневецкий, по старому праву добровольного отъезда служилых людей от короля, ушел из Польши в Турцию и поступил на службу к турецкому султану:

* Антонович В. Б. История малорусского казачества: Лекции 1882 – 1883 года.

** Летопись по Никонову списку. СПб., 1791. С. 266, 272-275, 293-298; Bielski M. Kronika Sanok, 1856. Т. 2. С. 1145-1149; Niesiecki K. Korona Polski. Lwów, 1743. Т. 4. С. 545.

*** Женатого на княжне Евфимии Вербицкой и получившего после смерти Дмитрия Вишневца и Подгайцы. См.: Акты южной и западной России. СПб., 1863. Т. 1. С. 246.

«А съехал он со всемою дружиною, то есть со всем тем ко-
зачеством или хлопством, которое возле него пробавлялось», -
писал о Вишневецком Сигизмунд-Август Радзивиллу Черному
15 июня 1553 года. Вскоре, однако, король, обеспокоенный тем,
что турки, в лице Вишневецкого, приобретут отличного полко-
водца, с переходом его в Турцию, врага польскому престолу,
снова привлек князя к себе, дав ему опять те же города Черка-
ссы и Канев. Управляя этими городами, князь, хотя и был до-
волен на этот раз королем, почувствовал недовольство в самом
себе: душа его жаждала воинской славы и ратных подвигов. То-
гда он задался очень широкою мыслью – уничтожить всю но-
гайско-крымскую орду татар и овладеть всем Черноморским
побережьем. Эта смелая и широкая мысль, высказанная рань-
ше Вишневецкого его предшественником по управлению Чер-
кассы и Канева, Евстафием Дацковичем, была первым шагом
на пути к изгнанию турок из Европы, к которому в конце XVI
века пришли многие политики в Западной Европе и с которым
во второй половине XVIII века носился князь Григорий Поте-
мкин в России. Свой план Вишневецкий хотел осуществить
постепенно и высказал его открыто в 1556 году. Не найдя, од-
нако, себе фактического сочувствия среди польских властных
людей, Вишневецкий снова решил покинуть родину и искать
счастья за пределами отечества.

В это самое время он узнал, что московский царь Иван Васильевич Грозный, желая предотвратить набег крымских татар на московские окраины, отправил два отряда собственных ра-
тников и путинских на низ – один под начальством Чулкова
по Дону, а другой под начальством дьяка Ржевского по Днеп-
ру, и приказал им «добывать языков и проводывать про крым-
ского хана». Весть о походе русских против крымцев при-
шлась как нельзя кстати по вкусу Вишневецкому. Собрав 300
человек черкасского-каневских козаков, Вишневецкий, вместе с
дьяком Ржевским и атаманами запорожских козаков Млын-
ским и Михаилом Еськовичем, бросился вниз по Днепру и за-
одно с русским войском причинил много бед туркам и татарам
под Ислам-Керменем, Очаковом и Волам-Керменем, и в то
время, когда Ржевский после этого похода отступил в «литовс-
кую», т. е. западную сторону Днепра, Вишневецкий поднялся

выше по Днепру и расположился на острове Хортице, откуда рассчитывал открыть постоянные набеги на мусульман. С этой целью он устроил здесь, в 1556 году, земляной «город», против Конских Вод, у Протолчи, послуживший потом прототипом Сичи запорожских козаков.

Укрепившись городом на острове Хортице, Димитрий Вишневецкий, в это время окончательно разошедшийся с польским королем, в начале 1557 года^{*} отправил от себя в Москву послы Еськовича к царю Ивану Васильевичу быть членом о том, чтобы царь пожаловал князя и принял его к себе на службу; Еськович должен был сказать царю, что князь совсем отъехал от польского короля и поставил среди Днепра, на Хортицком острове, против Конских Вод, у крымских кочевиц, город. Царь принял Еськовича с честью и, вручив ему «опасную грамоту» и царское жалованье для Вишневецкого, отправил, вместе с Еськовичем, боярских детей Андрея Щепотьева да Нечая Ртищева с наказом объявить князю о согласии царя принять его на службу Московскому государству.

Спустя месяц после этого Вишневецкий отправил к царю новых послов, Андрея Щепотьева, Нечая Ртищева, князя Семена Жижемского да Михаила Еськовича, и через них извещал царя, что он (Вишневецкий) царский холоп и дает свое слово на том, чтобы ехать к государю, но прежде всего считает нужным повоевать татар в Крыму и под Ислам-Керменем, а потом уже быть в Москве. И действительно, относительно своих намерений против татар Вишневецкий сдержал свое слово: в декабре месяце названного года московский посол, живший в Крыму, извещал царя, что первого октября князь Димитрий Вишневецкий, выпавший на низовье Днепра, взял крепость Ислам-Кермень, людей её побил, а пушки взял и вывез на Днепр, в свой Хортицкий город. В мае месяце того же 1557 года сам Вишневецкий писал царю, что крымский хан Девлет Герай, с сыном и с многими крымскими людьми, приходил к Хортицкому острову, осаждал его двадцать четыре дня, но божиим милосердием, именем и счастием царя, государя и

великого князя, он, Вишневецкий, отбился от хана и, поразив у него много самых лучших людей, заставил его отойти от Хортицы «с великим соромом», что дало возможность Вишневецкому отнять у крымцев некоторые из их кочевиц. В заключение Вишневецкий уверял царя, что пока он будет на Хортице, то крымцамходитьвойнойникуда нельзя.

Однако, эта уверенность со стороны Вишневецкого оказалась преждевременной: в октябре месяце 1558 года он снова и совершенно неожиданно подвергся второму нападению со стороны того же крымского хана, Девлет Герая. Взяв с собой, кроме татар, много войска турецкого султана и молдавского господаря, хан внезапно подступил к Хортице и с яростью напал на Вишневецкого. Вишневецкий долго отбивался от хана, но потом, лишившись всякого пропитания и потеряв много людей, а еще больше того коней, съеденных козаками, под конец оставил Хортицу и ушел за Черкассы и Канев, откуда известили царя о всем происшедшем на Хортице и ждал от него дальнейших приказаний. Тогда царь, узнав о всем случившемся с Вишневецким, велел ему сдать Черкассы и Канев польскому королю, с которым у царя было перемирие, а самому схать в Москву. Вишневецкий повиновался воле царя и в ноябре месяце того же года приехал в Москву. Здесь он получил от царя жалованье, а также город Белев со всеми волостями и селами в вотчину, да в иных городах «подклетные села и великие пожалования», и за все это клялся животворящим крестом служить царю всю жизнь и платить добром его государству.

Однако, в Белеве Вишневецкому пришлось оставаться недолго: дело в том, что в это самое время приехали в Москву черкесские послы с целью просить московского царя оказать помощь черкесам в их войне с крымцами. Царь, не поладивший перед этим с крымским ханом, решился воспользоваться просьбой черкесов для своих видов, и в декабре месяце 1558 года снова отправил Вишневецкого, в качестве начальника над 5000 человек ратников, на крымские улусы. Вишневецкий двинулся из Москвы вместе с кабардинским мурзой Канкылом Конуковым, собственным братом, атаманами, сотенными и стрельцами. Он ехал судном на Астрахань, из Астрахани сухопутем к черкесам в Кабарду; в Кабарде ему велено было соб-

* Началом года в Древней Руси считался месяц сентябрь.

рать рать и идти мимо Азова на Днепр; на Днепре стоять и наблюдать за крымским ханом, «насколько Бог поможет». Исполняя царское приказание, Вишневецкий сперва остановился под Перекопом и стал наблюдать за татарами; но крымский хан, извещенный польским королем о движении Вишневецкого, забил свои улусы^{*} за Перекоп, а сам ушел во внутрь полуострова. Тогда Вишневецкий, не встретив под Перекопом ни одного врага, перешел к Таванской переправе, «на полтретьяцать верст» ниже Ислам-Керменя; простояв напрасно три дня на переправе, Вишневецкий отсюда поднялся к острову Хортице и близ него соединился с дьяком Ржевским и его ратниками. Встретив Ржевского выше порогов, Вишневецкий велел ему оставить все коши с запасами на острове, отобрал лучших людей из его рати – небольшое число боярских детей, козаков да стрельцов, – остальных отоспал в Москву, и потом с отборным войском пошел летовать в Ислам-Кермень, откуда имел целью захватить города Перекоп и Козлов. Получив известие об отходе хана за Перекоп, царь Иван Васильевич отправил к Вишневецкому послы с жалованьем и через него же приказал князю оставить Ширяя Кобякова, дьяка Ржевского и Андрея Щепотьева с немногими боярскими детьми и стрельцами, Даниила Чулкова да Юрия Булгакова с козаками, а самому ехать в Москву. Вишневецкий и на этот раз повиновался воле царя, оставил Днепр и скоро прибыл в Москву, откуда переехал в свой город Белев. Зимой этого же года крымский хан, услышав о том, что московский царь оставил столицу и уехал в Ливонию, быстро собрал 100.000 войска и бросился по направлению к Москве; но, узнав, что самые страшные для него люди Шерemetев и Вишневецкий, совсем не выезжали в Ливонию, так же быстро повернул назад и ушел в Крым.

В начале 1559 года царь снова отправил Вишневецкого против татар; ему дано было 5000 человек войска, а его товарищу Даниилу Алашеву – 8000. Вишневецкий разбил 250 человек крымцев близ Азова, а Даниил Алашев выплыл в устье Днепра и отсюда бросился в Крым. Разгромив крымцев и

освободив множество христианских пленников, Алашев вновь вернулся к Днепру и поднялся вверх по его течению. Хан бросился за ним вдогон и настиг у мыса Монастырька, против Ненасытного порога, но, боясь сразиться с ним, ушел назад.

Таким образом все шло в желательном для Вишневецкого духе и, казалось, не было никакого основания ему расходиться с московским царем. Однако, спустя два года после описанного события (1561), Вишневецкий, находясь близ острова Хортицы, стал сноситься с польским королем о том, чтобы снова перейти к нему на службу. Что побудило Вишневецкого к этому, неизвестно: не понравилось ли ему обращение Грозного с боярами в Москве, или же просто ему не сиделось на одном месте, – источники не говорят об этом. Во всяком случае, находясь в уроцище Монастырице, между Хортицей и Черкассами, Вишневецкий отправил к королю Сигизмунду-Августу гонца с просьбой о том, чтобы он снова принял его к себе и прислал ему, по обыкновению, так называемый глейтовый, т. е. охранный, лист для свободного проезда из Монастырица в Краков. Король охотно изъявил согласие принять Вишневецкого к себе на службу и прислал ему глейтовый лист. Тогда Вишневецкий, вместе с одним польским магнатом, неким Альбрехтом Ляским, приехал в Краков, где был встречен массою народа и радостно приветствован сю. Король очень ласково принял князя и прощал ему его вину. Скоро после этого Вишневецкий очень сильно заболел, вследствие какой-то отравы, полученной им еще в юношеские годы. Король, узнав об этом и жалея князя, велел своим докторам осмотреть его (opatrowac). Доктора оказали помощь больному, и он благополучно встал с постели.

Таким образом, с 1563 года Вишневецкий считался снова на службе у польского короля. Приняв к себе Вишневецкого, польский король, однако, не преминул, при случае, осведомиться у русского царя о причине отъезда его из Москвы. «Пришел он как собака и потек как собака; а мне, государю, и земле моей убытка никакого не причинил», – ответил царь Иван Васильевич королю Сигизмунду-Августу о Вишневецком.

В это время Вишневецкий сделался настолько дряхлым, что едва мог садиться на коня, но дух геройства в нем все еще не угасал. Так, находясь в Кракове и особенно с Альбрехтом

* Слово «улус» на татарском языке значит народ, племя.

Ляским, владевшим молдавской крепостью Хотином и мечтавшим присоединить всю Молдавию к Польше, Вишневецкий задумал новое дело: он решился, по совету Ляского, овладеть Молдавией и сделаться господарем. Обстоятельства ему благоприятствовали. Дело в том, что в Молдавии в это самое время боролись за обладание престолом два претендента: господарь Яков Василий, иначе Ираклий, и боярин Томжа, иначе Стефан IX. Партия волохов, не желавшая избрания Томжи, узнав о планах Вишневецкого, отправила к нему посольство и обещала ему господарство, если только он, вместе с козаками, принесёт присягу этой партии. Князь согласился и в 1564 году с 4000 козаков отправился в Молдавию. Передовой отряд его явился в то время, когда Томжа осаждал Василия в Сучавском дворце; сам Вишневецкий, по слухам болезни, ехал сзади на возу. Его отряд поспешно прискакал ко двору и стал требовать молдавской булавы для своего князя. Томжа, по-видимому, охотно согласился на это притязание и лично пошёл встречать славного героя. Вишневецкий, не подозревая в этом никакого коварства, с небольшой дружиной двинулся к Сучаве; но тут, во время самого пути, видя ничтожность сил Вишневецкого, Томжа вдруг переменил свою роль: он внезапно бросился на посланных в помощь князю людей, всех их перебил и готовился схватить в руки самого Вишневецкого; но Вишневецкий успел скрыться и спрятаться в копну сена; к его несчастью, однако, он был замечен каким-то мужиком, присевшим за сеном и выдан Томже. Тогда Вишневецкого, вместе с его спутником Пясецким и некоторыми поляками, схватили и отправили в столицу Молдавии. Поляки, после жестоких пыток, во время которых сам Томжа отрезал им носы и уши, отпущены были в Польшу, а Вишневецкий и Пясецкий тем же Томжей отправлены были в Царьград к турецкому султану, Селиму II. Получив пленников и пылая местью на них за разорение Крыма и южных городов, турки решили предать их жесточайшей казни:бросить живыми с высокой башни на один из железных крюков («гак»), которые вделаны были в стену у морского залива, по дороге от Константинополя в Галату. Брошенный с башни вниз Пясецкий скоро скончался, а Вишневецкий, при падении с такой же высоты, зацепился ребром за железный

крюк и в таком виде висел несколько времени, оставаясь живым, нося имя султана и хуля его мусульманскую веру, пока не был убит турками, не стерпевшими его злословий. Народ сохранил в своей памяти величественный образ князя и воспел его трагическую кончину в готовой уже песне о козаке Байде*. По словам песни, Байда так был славен, что сам султан предлагал ему собственную дочь в жены, с условием, чтобы только он принял веру Магомета; но Байда настолько был предан православной вере, что с презрением отверг это предложение и стал плевать на все, что было дорого как простому магометанину, так и самому султану, и под конец ухитрился даже убить стрелой, поданной ему его слугой, самого султана с его женой и дочерью. Тогда турки, остервевшие на Вишневецкого, по словам польского писателя XVIII века Несецкого, вынули у него, ещё живого, из груди сердце, испепелили его, пепел всыпали в стаканы с вином и выпили то вино, желая, так сказать, заразиться таким же мужеством, каким отличался во всю жизнь неустршимый Вишневецкий.

У Царыграді та на риночку
Там п'є Байда мед — горілочку;
Ой п'є Байдя, та не день, не два,
Та не одну нічку, та й не годиночку.
Прийшов до нього салтан турецький:
— Ой, шо-ж бо ти робиш, Байдо молодецький, —
Покинь, Байдо, та пити — гуляти,
Бери мою дочку та йди царювати,
Бери в мене та царіновку,
Будеш в мене паном та на Вкраїнчу!
— Твоя віра проклята,
Твоя дочка поганая!
Гей, як крикне салтан на гайдуки:
Візміть того Байду, візміть його в руки!
Візміть Байду кріпко ізв'яжіте
Та на ребро за гак добре почепіте.
Висніть Байду та не день, не два,

* Байды, Байдак на общетюркском «байдак» - значит холостой, бобыль. См.: Наливкин. Русско-сафтовский словарь. Казань, 1884. Т. II. С. 25.

Та й не одну нічку, та й не годиночку.
 Висить Байда, про себе гадас,
 Та й на свого цюру зірко споглядає,
 Та на свого шору, шору молодого,
 І на свого коня, коня вороного.
 Ой ти ж цюро, цюро молоденький,
 Подай міні лучок та лучок тутенський,
 Подай міні, цюро, тутий лучок,
 Подай міні стрілок, стрілок цілий пучок.
 Ой бачу-ж я, щоро, та три голубочки,
 Хочу я їх вбіти за-для царській дочки.
 Де я мірю — там я впілю,
 Де-ж я важу — там я вражу.
 Ой як стрілив — та й царя відлив,
 А царицю та в потилицю,
 А їх доњику — прямо в головоньку
 Не вмів, царю, та ти Байди вбити,
 За це-ж тобі та й у землі пріти.
 Було б тобі конем під'їжджати,
 Та було б Байлі голову ізтятти,
 Було б Байлу в землю поховати,
 А того хлонця собі підмовята.

² Такова история острова Хортицы. Особенное внимание обратил я на него во время своей поездки по запорожским пещерам. Подыскав себе спутников в лице двух стариков и учителя Трофима Евфимовича Дешка, ближайшего к острову села Вознесенки, я направился вниз по Днепру и прибыл прямо к северо-западному углу острова. Здесь Днепр островом Хортицей делится на два рукава: новый Днепр и старый Днепр. Новый Днепр охватывает остров с северо-востока и идет к городу Александровску, старый Днепр, иначе Речице, окаймляет остров с юго-запада и протекает понад колониями: Верхней Хортицы, Канцеровки, Розенгард, Бурвальде и Нижней Хортицы. Мы направились по старому Днепру, или Речице. Тотчас при входе в Речице, у левого берега Хортицы, увидели небольшую расщелину.

- А шо то, діду, за росколюка така?
- То пещера така.
- А як звати?
- Змійова.

- Від чого так?
- Гадюччя в ній багато плодилось.
- А давня ця печеря?
- Ще, кажуть, од запорожців.
- Шо ж лазив хто в ню?
- А вже ж! Год семидесят тому назад у цій печері найшли жертву, ловчу та товсту таку, і на жертви десятка з два хомутів, з десяток ислобузаків, — усе, кажуть, запорожське; так дуже потрюкло: як візьмешся, тяк воно й сипетя, так усе і попадало.
- Так запорожська печеря?
- Запорожська.
- Підвантаж.

Лодка тотчас же пригналила к берегу. Пещера оказалась в гранитном откосе левого (островного) берега Речице; она настолько возвышалась от уровня воды, что без вспомогательных средств к ней не было никакой возможности докарбататься. Тогда мы решили сделать так я должен был стать обеими ногами на плечи леду и таким образом добраться до пещеры, сам же лед должен был укрепить возле берега весло и по нем долезть до пещеры. К последнему способу прибег и учитель Дешка. Скоро мы взлезли, зажгли свечу, и нашим взорам представилось довольно просторное углубление, наподобие коридора. Привыкши к точности, я тотчас же прибег к измерению: пещера оказалась высоты две сажени, длины больше трёх; пол каменный, но засыпанный песком, поверх которого набросаны были колюки «якірці»; в пещере было множество комаров и мошек. В самом конце её зияла яма, из ямы же выдавались острые камни. Мы решились спуститься в яму; испытав, что в салогах по скользким камням далеко неудобно лазить, мы разулись и начали опускать один другого при помощи верёвки в яму. Яма оказалась глубокая, к югу несколько удлинённая и засыпанная многощеском; кроме птичьих гнёзд ля тех же колюк — «якірців» в ней ничего не оказалось; говорят, впрочем, что в очень недавнее время пещера служила местопребыванием особенно большой змеи, но мы не увидели её и благополучно вылезли из ямы, оставив затем и саму пещеру. Спускаясь ниже по Речице, я поражался необыкновенною высотой и скалистостью его берегов; особенно величественный берег левый: он, как и правый, состоит из дикого гранита, местами спускающегося к воде громадными террасами, местами выделяющегося из себя огром-

нейшие, очень острые, отроги, местами же представляющего как бы сплошную отвесную стену, возвышающуюся над уровнем вод до 30 сажен. Издали берега реки кажутся чёрными, массивной величины, стенами, камни которой как бы давят один другого. Ничего подобного и во всю свою жизнь я не видывал. Здесь Днепр кажется таким диким, грозным, а с тем вместе величественным и обаятельным, что невольно приковывает внимание и взор человека, вселяя в него в одно время страх к себе, и какое-то священное благоговение... Но вот мы стали огибать северный угол острова, особенно выдавшийся в Днепр.

- Ну, а як цей ріг зветця?
- Свиняча голова.
- А чого він так зветця?
- Та того, що похожий на голову свині.

Мы миновали и Свиячью голову; спустились еще ниже. Везде берега скалисты и высоки, особенно же левый. Спустились еще ниже. Вот, с правой стороны, над самым берегом реки, я увидел залив и у него небольшое жилье.

- А як цей залив зветця?
- Царська пристань.
- Від чого вона таке званіє получила?
- А Бог її знає; із старовини так.

Старик не мог объяснить причины названия пристани Царскою. И не мудрено. Дело в том, что наименование это идет, как кажется, с довольно давнего времени: и именно, если не с 1738, то с 1790 года. В 1738 году здесь стоял царский флот, - «российская армия и флотилия, вышед из Очакова, многое время стояла»^{*}, а в 1790 году здесь останавливались царские плоты с разным лесом, который русское правительство присыпало немецким колонистам во время переселения их в бывшие запорожские земли.

«Настоящим именем своим эта местность (Царская пристань) обязана, конечно, тому обстоятельству, что именно там была заложена адмиралом Де-Рибасом, в 1796 году, так называемая Екатеринославско-днепровская верфь, назначенная для содержания судов,

чтобы перевозить соль из Крыма в Одессу и Овидиополь»*. Вот причина названия пристани Царскою. Что касается жилья, расположенного возле пристани, то это небольшой поселок или хутор, принадлежавший прежде еврею Саксаганскому, а потом перешедший во владение двух немцев Риднера и Тиссена.

От Царской пристани мы спустились ниже; берега реки постепенно опускались; слева тянулся тот же остров; справа шла земля колонии Верхней Хортицы. Подвигаясь еще ниже, мы увидели, с левой стороны, на берегу Хортицы, устье Куцой балки, а с правой от материка мыс («скелю») Рогозы. Здесь мы пристали к берегу, я вышел на материк и увидел целый ряд укреплений. Укрепления состоят из рвов, некогда глубоких, но теперь наполовину засыпанных песком, с осунувшимися, но когда-то также высокими, валами, расположеннымми звездообразно, в виде креморьерных линий. Пройдя предварительно по всем укреплениям, мы затем прибегли к промеру их, после чего оказалось, что весь круг укреплений состоит из пятнадцати канав и равняется тремстам пятидесяти пяти саженям; причем первая канава (если стать лицом к западу и взять правую сторону укрепления) равняется сорока пяти саженям, вторая — пятнадцати, третья — девяти, четвертая — сорока, пятая — двенадцати, шестая — десяти, седьмая — двадцати, осьмая — семи, девятая — семнадцати, десятая — десяти, одиннадцатая — четырнадцати, двенадцатая — восьми-девятыи шести, тринадцатая — пятидесяти четырем, четырнадцатая — пяти и наконец пятнадцатая — двадцати. В средине укрепления имеют множество ямок, а по углам — квадратные редуты, в которых каждая сторона имеет шесть сажен линзы и состоит из канавы с валом в одну сажень высоты, с пропуском с восточной стороны для входа. Все укрепление расположено так, что концы северной и южной линий его упираются в самую реку, пропуская через средину дорогу, ведущую сперва на паром через реку, а потом на остров Хортицу. При этом естественно рождается вопрос: кто же сооружал эти укрепления? Прямого ответа на этот вопрос нет; можно думать лишь, что сооружение этих укреплений принадлежит тем лицам, с именами которых связано и устройство самой Сичи на Хортице, - это князь Д. И. Вишневецкий и гетман Пётр Коноплевич-Сагайдачный,

* Брун Ф.К. Черноморье: Сборник исследований по исторической географии южной России (1852–1877). Одесса, 1880. Ч. 2. С. 365.

* Мышецкий С.И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 68.

который своим именем дал название целому урочищу на левом берегу Днепра, против колонии «Кичкаса», между «Середней» скелей и «стопилищем» Сагайдака*.

Но укрепления мы оставили и пустились опять вниз по реке, держась того же направления, с севера на запад. Скоро мы миновали устье балки Наумовой, идущей с острова к левому берегу реки; прошли место переправы (Ueberfahrt) через реку с материка на остров**, оставили устье балки Громушкиной, идущей от острова к реке, и наконец очутились у небольшого островка Канцеровского. Островок находится почти у самого берега реки, с правой стороны, и отделяется от материка небольшим проливом Вырвой; длина Днепра от северо-восточного угла Хортицы к острову Канцеровскому равняется двум с половиной вёрстам. Остров Канцеровский существует с давнего времени; он был известен уже Эриху Ласоте, только под именем острова Малой Хортицы: «Мы пристали, — говорит Ласота, — к берегу (Днепра) ниже, близ лежащего острова Малой Хортицы... Близ сего острова изливаются в Днепр с русской стороны три речки, которые все называются Хортицами, и название это они передали островам»***. По рассказам старика Осипа Шутя, Канцеровский остров был совсем маленький: «одна скеля, а на ней крепость. Позади ним від правого берега (от материка) був тиховод і вода далеко врізувалась в балочку. В цім тиховоді була пристань, куди запорожці заводили свої байдаки; тут же іноді стояли і царські судна. Тут, як би став копати землю, то ще й тепер найдов би старі судни. Там затоплені і царські, і запорожські. Ще я зазнаю, як після великої води багато вимило із-під піску суднів. А із самої води, още як хто ширне, то й витягне, або ружко, або спис, або яке залізо»****. Чтобы составить себе представление об общем виде острова, решено было объехать сперва весь остров кругом и затем уже делать исследования на нём самом. Остров оказался разделённым на две части: низменную, по-

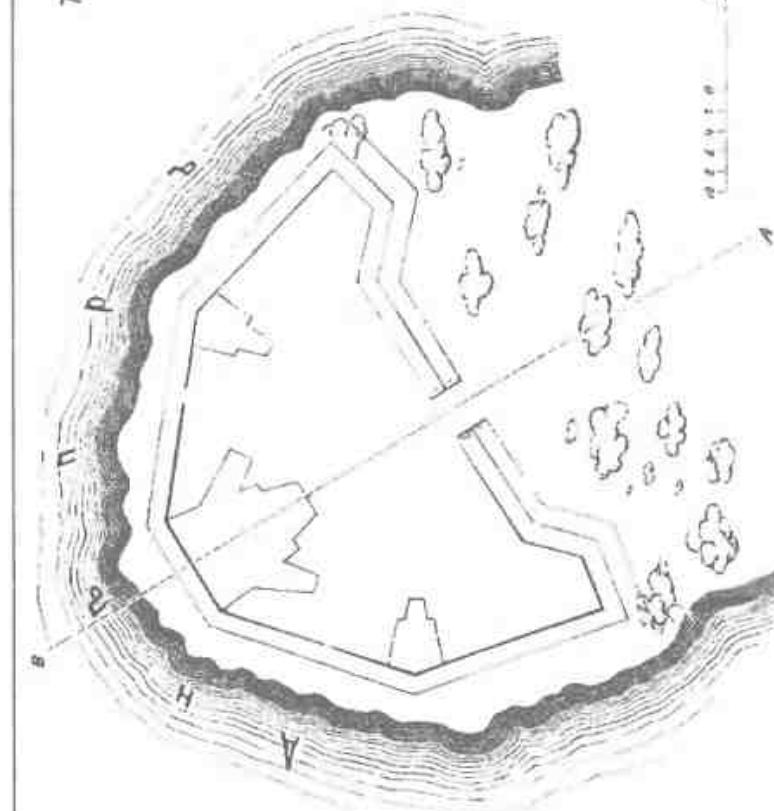
* См. также: Сборник Юго-западного отделения Императорского Русского географического общества, Драгоманов М. Малороссийские предания и рассказы. С. 415. В старину по урочищу Сагайдачному, по рассказам старожилов, пролегал шлях Сагайдак, ветвь Муравского. Я. Новицкий.

** На берегу острова устроен для перевозчика небольшой домик.

*** По Мышецкому это: Сухая, Великая и Нижняя Хортица; в настоящее время речек этих нет, а вместо них есть только сухие овраги.

**** Из преданий, записанных Я. П. Новицким.

Табл. XIV



План Малой Хортицы.

крытою лесом, на западе, и возвышенную, поросшую травой, на востоке. Всей земли под островом — двенадцать десятин и тысяча двести квадратных сажен; западный и южный край острова отлоги, а восточный и угол северного — возвышенны, скалисты и совершенно отвесны; средняя высота их, от уровня вод, доходит до семи сажен. Возвышенная часть острова имеет укрепления по северной, южной и западной окраинам, состоящие из глубоких канав с насыпанными валами, от двух до трёх сажен высоты; в общем виде укрепления имеют форму полукруга или, точнее, полковы, северная и южная сторона которой имеют по сорока сажен, а западная — пятьдесят шесть с спуском в три сажени для выезда; внутри укреплений находятся до двадцати пяти глубоких ямок, по которым растут деревья. Это так называемый редан с флангами, закрытый горжей и траверсами, направленный вверх против течения Днепра для обороны реки.

Спрашивается: кто же сооружал укрепления здесь, на Малой Хортице. Если укрепления, сделанные на материке, возле Царской пристани, могут быть приписываемы одинаково как князю Дмитрию Ивановичу, так и гетману Петру Конешевичу Сагайдачному, то тоже можно сказать и относительно укреплений на острове Канцеровском, или Малой Хортице. «Мы пристали, — говорит Ласота, — к берегу ниже, близ лежащего острова Малой Хортицы, где лет тридцать тому назад был построен замок Вишневецким, разрушенный потом турками и татарами»*. Здесь Ласота не говорит о Сагайдачном, но это потому, что Сагайдачный пребывал на острове ниже Ласоты.

Но оставив остров Канцеровский, мы спустились ниже, держась все того же направления, с севера на юг. Пред нами промелькнули слева устья балок: Каракайки, Генеральской, Широкой и Корнейчики; справа земли колоний: Канцеровки (Розенталь), Розентара, Бурвалъя и Нижней Хортицы; среди же самой реки мы оставили небольшой Корнетов остров. Чем дальше мы подвигались к концу острова, тем больше замечалась разница в характере местности: русло реки, дотоле узкое, значительно расширяется; берега её, до этих пор скалистые и возвышенные, становятся отлогими, потом низменными и наконец переходят в так называемые плавни, т. е. низ-

* Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 53.

менные места, покрытые травой и поросшие мягкой породы деревьями, как-то: осокорем, красной лозой, ивами и другими.

Совсем стемнело, когда мы выбрались к самой оконечности южной части Хортицы. Здесь мы пристали к берегу и вышли на остров. Оказалось, что южная часть острова шире северной, но зато значительно ниже её; она обилиует многими озерами, покрыта высокой болотистой травой и разными деревьями, начиная от ивы и кончая дубом. В общем это не что иное, как очень большая плавня. Но мы снова уселись в лодку и скоро выскочили в Новый Днепр. Теперь путешествие наше было затруднительно, так как нам нужно было плыть против течения.

— Паничу!

— А що, діду?

— Примічайте: острів Просеред, Капральский Просеред!

Я осмотрелся и действительно увидел небольшой остров, низинный, песчаной формации, расположенный ближе к острову, нежели к материку, против устья балки Проризной, идущей с острова. Мы поднялись выше. Справа показалась Александровская пристань, слева — высокий мыс Нижняя голова.

— Діду!

— А що, паничу?

— А скажи-ка, від чого ця гора зветця Низчею головою?

— Та від чого? От то ж була Висча, або Свиняча голова, від гори, а ця буде Низча голова, від низу.

Мы поднялись еще выше, миновав с левой стороны на острове устья балок: Корниевой, Липовой, Костиной, Башмачки и Шапневой; а с правой на материике — деревню Слободку, село Вознесенку и среди реки остров Разстебин.

— А давній цей острів?

— Ні, не зовсім давній; трохи низче цього був другий острів, так отої давній; він звався Дубовий, та тепер од нього і сліда не засталось.

— Де ж він дівся?

— Де дівся? Вода підмила; тут це не диковинка: оце стоять скілько літ острів, коли гляди і загув за водою. На Дубовім остроні був і ліс, та ліс великий, саме дуб'я, був і шинок, і млин, так усе пішло за водою. Велику силу має вода. Мабуть, год більше десяти назад тому було.

— І великий острів був?

— Та як вам сказати? Версти з дві довжини був.

Из плана, находящегося в Хортицком волостном правлении, видно, что остров Дубовый имел 64 дес. земли. Вот уже где неприменимо понятие о недвижимой собственности!

От Разстебина острова мы поднялись еще выше; скоро, вдоль левого берега Днепра, на восточной окраине острова Хортицы, мы увидели несколько домиков немцев-колонистов; они расположены в ложбине, искусственно углубленной и довольно живописной; множество ветвистых густо насаженных верб, росших у самого берега реки, не позволило нам ясно рассмотреть немецкие обиталища. Мы поднялись выше и скоро миновали Думну* скелью, устья Ганиновской, Малой Вербовой и Большой Вербовой балок с левой стороны на острове, Скотивскую, Великую скель и устье Блуквы балки, с правой стороны от материика. Но поднявшись еще немного вверх, мы добрались до скели Вошивой, с левой стороны от острова.

— Скажи ж, діду, з якої це речі одна скеля звєтця Думною, друга Скотівською, а третя Вошивою?

— Думна від запорожця Думи і Скотівська теж від запорожця: Скотівець запорожець жив коло неї. У нього товару (рогатого скота) була сила; як пригоне було його на водопой до Дніпра, так Дніпро аж стоне... Богатиря був той Скотівець. Та довго, кажуть, і жив він тут; уже як і запорожців порозгонили відтіля, а він усе живе та живе собі. Усякого було й пріймає до себе: хто відкіль не візьміться усе до нього: він його сперше нагодує, а потім і роботу найде. У славі великий був Скотівець; як умер, так і скель прозвали його меним: Скотівська скеля. Тут же її балка Скотівська є.

— А Вошива скеля від чого прозвалась?

— Вошива теж від запорожця: тут, вибачайте, кажуть, запорожська голота лужу свою прудиля; оце було повзлязти на скелью, поскидають сорочки та штаны та як почнуть лупити воши об скелью, так аж хрестить на ввесь Дніпро. От то воши й Вошива.

Поднявшись еще выше от Вошивой скели, мы увидели, с левой стороны от острова, устья балок Молодняги, Холодной, Совутиной

* У немцев Мартынова.

с мысом того же имени, скалу Пристинь с правой стороны и добрались до острова Дубового.

— Уже ж, діду, ви, мабуть, знаєте від чого воно і Совута скеля нолучила своє прозваннє?

— Балакають, щоб то від запорожця Совути; против скелі, у балыці, є багато печер; у тих печерях він і жив. Страшний, кажуть, був Совута той: очі такі як у сови, що вночі лучче бачить як удень; кажуть, він і не виходив із своїх печер, — піччю обробляв усікі діла; так високоче, ухоне, що йому треба, та вп'ять у свою нору і порина, наче той звір.

Добравшись от мыса Совуты до Песчаной косы, у северо-восточного угла острова, откуда мы и начали свой обход вокруг него, мы затем повернули назад и пристали к острову Дубовому. Любопытно было взглянуть на этот остров. Остров оказался небольшой; длина его едва доходит до одной версты; он наполовину каменистый, наполовину песчаный; вершина его покрыта невысокими деревьями, осокорником и шелухой. Недавно, говорят, здесь росли и дубы; до 1845 года на острове видны были остатки от некогда существовавших здесь укреплений, смытых потом сильным весенним разливом реки.

Теперь обьезд острова кончен, и мы возвратились назад, пристав к берегу острова, против средины колонии, несколько выше Думной скели. Здесь я отпустил своих спутников в село Вознесенку, и пешком направился к ближайшему на острове дому. То была школа, лучшее здание во всей колонии; она стоит на возвышенности, обращённая парадным крыльцом на восток, к реке, и обсажена с двух сторон, с севера и юга, высокими деревьями, к ней вела широкая и довольно высокая лестница. Поднялся по лестнице. Дверь оказалась запертой. Начал стучать. Долго простучал я, пока наконец не услышал раздавшегося в сенях скрипа от шагов чего-то, повидимому, очень груженого. Шаги приближались очень медленно. Наконец, что-то подошло к двери и, не отворяя её, спросило по-немецки:

- Wer ist hier? (Кто здесь?)
- Ein Mann. (Человек).
- Was fur ein? (Какой?)
- Ein Reisender. (Путешественник).
- Woher? (Откуда?)
- Aus Charkoff. (Из Харькова).

Тогда дверь отворилась, и на пороге показался мужчина несколько мене, чем среднего роста, довольно полный, уже пожилой, с круглым, без бороды и усов, лицом, в туфлях на ногах: передо мной стоял учитель колонии Якуб Якубович Купп. Я обратился к нему с просьбою приютить меня у себя, но немец, подумавши немного, почему-то отказал мне, советую обратиться лучше к кому-нибудь из соседей. «Если хотите, я сведу вас к Петкау». — «Сделайте милость». Мы отправились к Петкау; но и здесь я потерпел фiasco: немец даже не отперся, несмотря на наш стук. Что делать? Идти еще к кому-нибудь или располагаться под открытым небом, на холодной и сырой земле? Я склонен был на последнее. — «Да вы зачем приехали к нам на остров?» — спросил меня Купп. Я объяснил ему цель моей поездки. Купп задумался. — «Ну, уж знаете что: я могу приютить вас у себя». Нечего и говорить, что подобный оборот дела меня обрадовал несказанно. Мы возвратились назад, дошли до школы, поднялись по деревянной лестнице, вошли в широкие сени и, наконец, очутились в просторной комнате Studirzimmer (кабинете) Куппа. Обстановка оказалась простая, но она изобличала в хозяине присутствие хорошего и даже, пожалуй, изящного вкуса; так, стол, стулья, диван, гардероб — всё как-то приятно поражало своей новизной и лоском; вслед замечалась безукоризненная чистота; пол был вымыт до удивительной белизны. Чувствуя усталость, я тотчас же, когда вошёл в комнату, усёлся на диван за столом. «Не хотите ли есть?» — обратился ко мне Купп. — «Да, хочу», — ответил я без перемини, потому что действительно хотел есть. «Сию минуту прикажу подать вам», — торопливо проговорил хозяин. И точно: через минуту на стол подано было молоко, масло и хлеб. Ужин окончился скоро, и я, несмотря на своё утомление, выпил с хозяином посыпать на крыльце. Бросив взгляд вперед, по направлению к востоку, я увидел нечто прекрасное, едва виденное мной до сих пор на всём протяжении того Днепра, который я успел проехать. Ночь была теплая и тихая; небо все залито звёздами, взошедший высоко месяц обливал всю окрестность своим мягким светом; перед нашими глазами разливался Днепр длинною, широкою полосой; он был совершенно спокоен, как бы недвижим; от правого берега его, покрытого сплошною степью высоких зеленеющих деревьев, веяло освежительной прохладой; от левого берега его, совершенно обнажённого, усеянного немоверию величини скалами, то высоко вверх выскакивающими, то

нависающими над водой или далеко выдающимися в реку, вставали какие-то длинные, причудливо-фантастические тени, ложившиеся темными пятнами в широкой реке. Никого и ничего не видно, кроме больших лесных плотов, которые длинной полосой протягивались понад левым берегом реки, остановленные на время нояти; по плотам кое-где промелькнет тёмная фигура лягушки, оставляющая от себя в воде облик человека вниз головою и вверху ногами; кое-где, на том же плоту, вспыхнет огонь на разложенных кострах, погорит-погорит и опять затухнет. Повсюду тишина! Общее безмолвие нарушается только отрывистыми звуками реки да заунышной короткой песнью какого-нибудь парня плотовщика... Словом, то была картина широкая, величественная, полная прелести и очарования. Во всём этом было что-то такое, что влекло к себе и мою мысль и мое сердце...

Следующим днём я поднялся с восходом солнца и тот же час отправился на экскурсию. На этот раз я поставил себе задачу осмотреть северную часть острова, делящегося по самой природе на северную, среднюю и южную части. Меня сопровождал Якуб Якубович Кутт. Пройдя с полверсты, половину пространства, занимаемого всей колонией, от школы до дома колониста Давида Яндсона, мы сразу выбрались на песчаную возвышенную местность, через которую пролегала широкая дорога. Быстро запагали мы по дороге; очень скоро миновали балки Малую Вербовую, Большую Вербовую; прошли ещё с версту и, наконец, увидели целый ряд полевых укреплений (*Scharzengräben*). Решено было сперва пройти по всем укреплениям, чтобы составить себе общее представление о них, а потом уже прибегнуть к измерению. Труд был немалый. Дело в том, что длина всех укреплений, если растянуть их в одну прямую линию, простирается, как оказалось, более, чем до двух с половиною верст: 1455 сажен. В общем – это ряд редутов, соединённых между собой линией окопов, расположенных как раз в северо-восточном углу острова. Самые редуты представляют из себя небольшие квадраты, в которых каждая сторона состоит из высокой земляной стены, доходящей до десяти сажен, причём одна из сторон, обыкновенно северная или западная, имеет отверстие, как видно для входа; в средние редуты, внутри, выкопаны одна, две, а иногда три и больше, ямки, быть может, имевшие значение землянок для помещений в них войска. Всех таких редутов в северной части острова – восемнадцать. Окопы, числом тринадцать, представляют из себя большие рвы, с

насыпными при них высокими валами, соединяющими каждый из редутов; наибольшая длина рвов – полтораста сажен, наименьшая – восемьдесят пять; maximum глубины рвов – два аршина, maximum высоты валов – полторы сажени. С юга укрепления начинаются непосредственно от Днепра и идут по направлению от востока к западу, от Воиновой скели к парому; они состоят из трёх траншей, соединённых между собою стольким же числом редутов; из них первая траншея имеет длины сорок пять сажен, а вторая и третья – по сто пятидцати. За третьим редутом линия траншей разделяется на две, причём первая идёт к юго-западу, к балке Каракайке, и состоит из трёх редутов, связанных тремя траншеями, одна в сто, другая в семьдесят и третья в восемьдесят сажен длины, а вторая направляется к северо-западу, к балке Громушкиной, и состоит из двух редутов с одной траншней, в сто десять сажен длины. Но дав от себя две побочные линии, на северо-восток и юго-запад, главная (восточная) линия даёт ещё и третью: прямо с юга на север; эта третья линия состоит из шести редутов, соединённых между собою пятью траншеями*, из коих три сохранились вполне, а две только отчасти; причём первая и третья траншеи имеют по сто пятидесяти сажен длины, четвёртая – ровно сто, пятая – восемьдесят, шестая – также сто.** Шестым редутом эти укрепления и оканчиваются. От северной окраины острова, по направлению с запада на восток, укреплений нет, они начинаются уже на другом, восточном конце острова, по направлению с севера на юг: здесь насыпаны четыре редута, соединённые таким же числом траншей, по полтораста сажен каждый. Восточная линия укреплений стоит особо от южной и западной, не соединяясь ни с той, ни с другой и прерываясь менее, чем на половине всей восточной окраины острова.

Такова общая схема укреплений в северо-восточном углу острова. К укреплениям же надо причислить и те многочисленные глубокие ямы, которые расположены частично за чертой укреплений, частично внутри и которые служат признаками бывших здесь некогда землянок. Ямы, расположенные за чертой укреплений, тянутся по

* Была и шестая (по порядку вторая) редуты, имевшая 150 саж., но теперь она засыпана песком.

** Пятый и шестой редуты наполовину также засыпаны песком; прежде пятый имел 100 саж., а шестой – 150.

прямой линии, с севера на юг, вдоль редутов и рвов, в два ряда и большую частью попарно, причём промежуток между каждой парою равняется двум саженьям, также как и самый диаметр пространства, занимаемого каждой из ям. Кроме ям, расположенных непосредственно возле редут и траппей, есть ямы, которые находятся в более отдаленных местах от укреплений, у западной окраины острова; эти ямы следуют в беспорядке одна за другой, но зато они и глубже и шире предшествующих. То же самое можно сказать и относительно ям, расположенных внутри укреплений; число их заходит за сто, но все они расположены очень неправильно и в одних местах писходят до глубины сажени и более того, а в других значительно менее этого. Насколько можно судить по ямам, северная часть острова населена была всего более с восточной и западной сторон и только отчасти с южной, северная же сторона не носит на себе никаких следов жилья. Видно также, что землянки, если только это были они, располагались более в скрытых местах: балках, углублениях, скатах, загроможденных камнями и защищенных деревьями; заметно также, что из двух населеннейших сторон, восточной и западной, последняя имела больше жильев, нежели первая, так как и до сих пор на западной окраине насчитывается 225 ям, кроме засыпанных песком, а на восточной — 171¹³.

Кроме редутов, траппей и ям в северной части острова есть еще четыре кладбища, по преданию, оставшиеся от времени пребывания здесь запорожских козаков; одно из таких кладбищ находится у восточного берега острова, над балкою Велика-Молодняга; другое — в северо-западном конце острова, над крутизной Речица, третье и четвертое — с западной стороны, между Кучой балкой и переправой через то же Речице на остров.

Уже высоко поднялось солнце, когда мы оставили укрепления и направились вдоль берегов той же, северной, части. Но и берега пройдены; осталось сделать несколько экскурсий от берегов к укреплениям, в разных направлениях; окончено и это. Оказалось, что вся северная часть острова довольно возвышена, особенно в сравнении с южной, камениста и малолесна; деревья растут здесь то в одиночку, то кустами и большую частью состоят из лихих груш, букса (*Buchs-Baum*), чернокленя, шелюги, боярышиника, барбариса, крушин и редко луба. Есть, впрочем, целые аллеи таких дерев, но они растут лишь по канавам бывших укреплений. Так же мало здесь

и травы: только восточная половина этой части острова покрыта чабером, молочаем, царским скопетром и зеленым мхом; северная же, равно как и западная и южная, представляют из себя почти голые песчаные пространства, лишь по местам засаженные красной лозой, называемой здесь шелюгой; таково, например, большое песчаное пространство за южной и западной чертами укреплений. Но зато, сравнительно с другими частями острова, северная часть представляет из себя едва ли не самое величественное место на всем Днепре, кроме разве весьма немногих мест между порогами на островах. Если ступить на восточной окраине северной части острова и взглянуть вверх, вдоль реки, то картина представляется поистине обворожительная. Вот прямо, среди реки, невдалеке от берегов острова, высится массивные скалы «Стовны» и «Стоги», а за ними выдвигаются громадные выступы «Дурна» и «Середня»; еще далее, справа, виднеются верхушки зеленеющих деревьев, исполинов дубов, — то урочище Сагайдачное, а слева выплывает, в виде длинной ярко-зеленой ленты, колония Кичкас, иначе Эйнлаге. Самый Днепр имеет здесь неизъяснимую прелест: вначале, освободившись от порогов и вырвавшись из узкого русла у Кичкаса, он со страшною силою уляряется о гранитные острова и мысы и шумит, и бурлит, и высоко вздымаются, а затем, разлившись на множество струй, начинает, мало-помалу, принимать спокойный вид, делается чистым, как хрусталь, светлым, как золото, и вместо стона и рёва издаёт какой-то приятный мелодичный звон. Но еще большее величия является из себя Днепр, когда взойдёшь на один из курганов острова и взглянешь на ближайшие окрестности. Язык немеет от восторга, душа наполняется благоговением к тому, кто сложил природу в такой прекрасный узор.

Осмотрев северную часть острова, я решил возвратиться на этот раз в колонию, тем более, что и спутник мой, Якуб Якубович Купц, давно уже подавал намеки на эту мысль. Скоро мы вышли на открытую дорогу и занягали.

— А что, Якуб Якубович, давно ли посыпались ваши колонисты на Хортице?

— О, да! Еще с 1789 года.

— То есть, это, стало быть, через четырнадцать лет после падения Запорожской Сичи?

— Ну, уж этого я не знаю, знаю только 1789 год.

— И много поселилось здесь ваших колонистов?

— Восемнадцать хозяев.

— Вы говорите хозяев: почему же не дворов?

— Да потому, что у нас счёт ведётся не по дворам, как у русских, а по хозяевам, а хозяевами у нас называются те, которые имеют, кроме домов и дворов, ещё землю; земля — самое главное, и без неё хоть имей и дом, и двор, и скот, а хозяином не будешь считаться; безземельные — вот как у нас такие называются.

— Так Скажите же мне, пожалуйста, много ли на вашем острове в настоящее время хозяев?

— И прежде было восемнадцать, и теперь столько же.

— Как это так?

— А вот как: у нас пока жив отец, он не делит своей земли между сыновьями; в случае же его смерти, вся земля поступает старшему сыну, а остальные сыновья довольствуются деньгами, скотом и разным движимым имуществом, которое оставил им отец. Бывает, что и эти сыновья получают землю от отца, но такая земля приобретается самим отцом где-нибудь на стороне.

— Так вот как?

— Да, так.

— Скажите же, пожалуйста, как обширна ваша колония?

— Вся площадь нашего острова, по плану, определяется двумя тысячами пятьсотами сорока семью десятинами и тремястами двадцатью пятью саженями; в длину, которую протянулись наши поселения, равняется восьмистам семидесяти саженям; выходят почти две версты; с северного конца крайний дом Давида Янцена, а с южного — Абраама Петку.

— А знаете ли вы, чему равняется окружность острова?

— Окружность острова равняется двадцати четырём с половиной верст, — так у нас показано на плане; видите ли, в длину каждая сторона острова имеет по десяти верст, да в ширину одна — две с половиной, а другая — две, итого: двадцать четыре с половиной версты.

Здесь разговор наш прекратился: мы дошли до самой школы. Измерение укреплений и затем разговор во время пути занял нас так, что мы совсем позабыли о пище, но теперь, когда вошли в комнату, желудок сразу же заявил о своих правах. Хозяйка не заставила себя долго ждать, и скоро на столе показались: ветчина, молоко, сыр,

хлеб, суп, жаркое и кофе. Из всего этого меня занял особенно суп. Это такой сумбур, который могут выдумывать только одни немцы. Чего в этом супе не было? Молоко, мука, изюм, говядина, вода, вишни и ещё что-то такое неуловимое — всё это составляло немецкий суп, или, лучше сказать, снадобье, которого непривычному и в рот нельзя было взять. Но мой немец уплетал суп с таким аппетитом, что, казалось, у него за ушами трещало.

— Что же вы не кушаете нашего супа?

— Благодарю вас; я как-то устал, — отвечал я, не желая сказать правду.

— Вам, вероятно, наш суп не нравится? — Вы благородный человек.

Чтобы утешить Куппа, я занялся другими яствами, между которыми особенно вкусным показался мне кофе. Но обед окончен, и в комнату вошла хозяйка. Я начал благодарить её, но забыв, что я находюсь в немецкой колонии, заговорил по-русски; немка смотрела на меня спокойно и ни словом, ни движением не отвечала мне; оказалось, что она ни одного слова не знает по-русски, несмотря на то, что прожила на острове уже чуть-ли не пятьдесят лет.

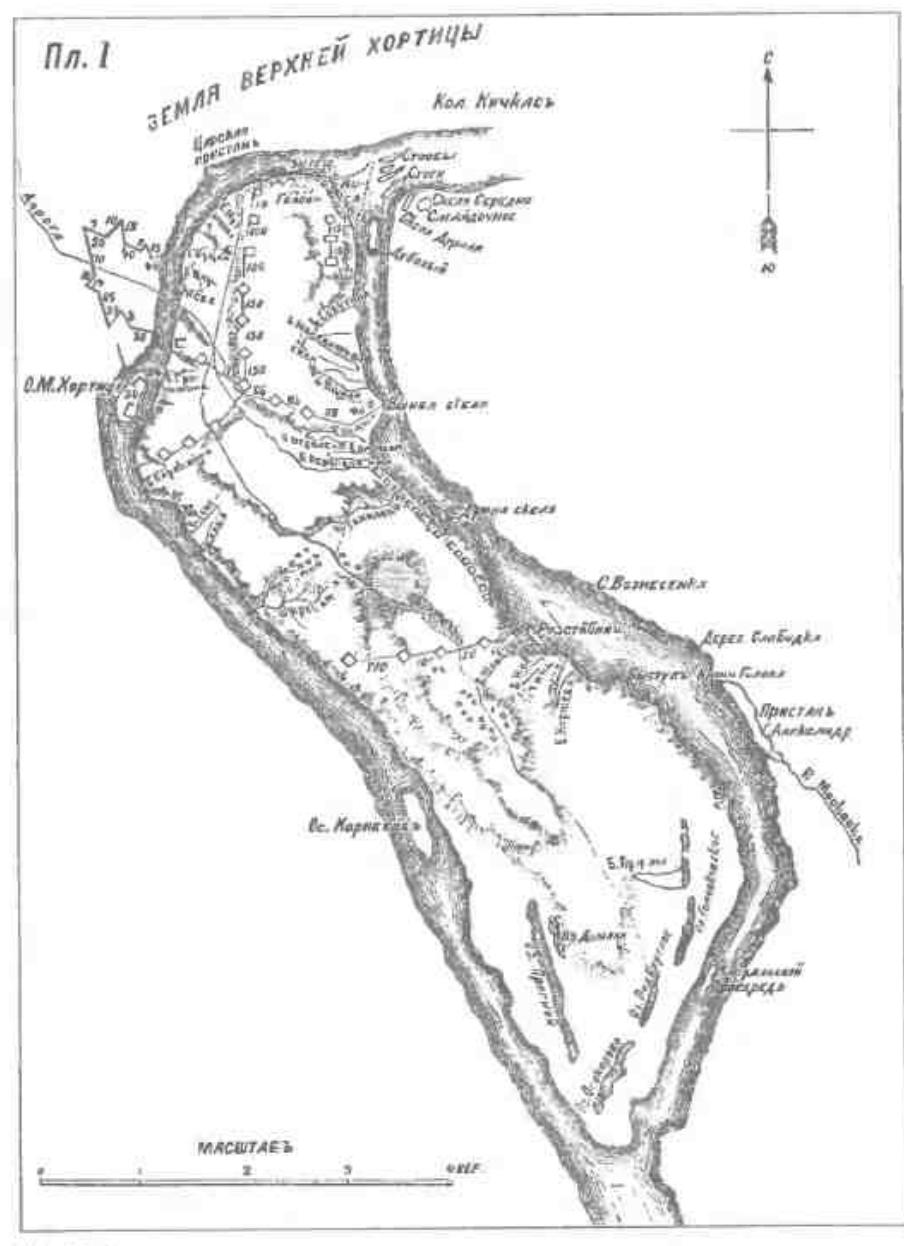
— Ich danke sehr, madame (очень благодарен, мадам), поправился я тогда.

— Ich bitte, Herr (прошу, сударь), — ответила мне хозяйка.

После обеда следовал⁴ короткий отдых и затем мы снова отправились на рекогносировка. Теперь мы избрали предметом своих исследований среднюю и южную части острова. Пройдя нижнюю половину колонии и поднявшись вверх, мы прежде всего наткнулись на огромный дубовый пень, в окружности до трёх сажен, остаток от громаднейшего дуба, существовавшего несколько сот лет, свидетеля падения Запорожской Сичи и поселения немецкой колонии. Ещё не так давно, под тенистыми ветвями дуба часто в летнее жаркое время, после полевых трудов, отыкали немцы-колонисты. Но вот уже лет двенадцать тому назад дуб усох, оставил от себя лишь один толстый пень. Немцы так дорожили дубом, что и теперь высказывают сожаление от утраты его. «Лет пять тому назад, — пишет в 1876 году Я. П. Новицкий, — на острове Хортице засох священный дуб — эта замечательная древность острова, — проживший десятки веков. Он был ветвист и колоссальной толщины, стоял в пятидесяти саженях от Острова-Хортицкой колонии, на юг, у самой дороги, на-

правленной через остров в длину; в настоящее время сохранился только центр дуба, по которому можно судить о его громадности... Предание говорит, что вековой дуб был сборным пунктом для запорожцев, где собирались у «святого дуба» козацкая ради для обсуждения политических и общественных вопросов; под дубом когда-то лились и запорожские молитвы, когда-то козаки брались за оружие против неприятеля. В 1775 году, «після троїцького свята», запорожцы в последний раз отдали честь «святому дубові», где распили несколько бочек горилки и в последний раз отплясали запорожского козачка; тут же лились и слёзы козацкие, когда они прощались, расходясь во все концы, - «хто на Дні, хто на птий Дунай, а хто до рімлюї оселі (де була жінка з дітьми) доживати віку»*.

Посетовав у дубового пня о невозможности возвратить прошедшее время и воскресить умерших козаков, чтобы заставить их порассказать об их же собственной жизни, мы поднялись еще выше и здесь, взяв немного влево, наткнулись, как и в северной части острова, на целый ряд укреплений. Укрепления находятся на юг, в полуверсте от дома колониста Абрама Петку, и тянутся поперек острова, с востока на запад, от Нового Днепра к Старому или Речицу, или по направлению от с. Вознесенки к колонии Розенгард. Как и на северной части острова, так и здесь укрепления (Schanzengraben) состоят из редутов, соединенных между собою траншеями; разница между теми и этими укреплениями состоит лишь в том, что здесь укрепления протянуты в одну прямую линию и, стало быть, совсем не так сложены, как северные. Всех редутов здесь четыре, траншей — три. Как и в северной части острова, так и здесь, редут представляет из себя правильный квадрат, каждая сторона которого равняется десяти сажням; траншея же представляется глубоким рвом, который связывает редуты и по которому в настоящее время растут разные деревья. Из редутов первый сохранился наилучшим образом; он имеет вход с восточной стороны и в самой средине своей вмещает яму, имеющую шесть футов глубины и заросшую густым гладом; как и редут, яма также имеет вход, с восточной стороны. Высота валов первого редута не восходит больше двух сажен, глубина рвов — больше полуторы сажени. За первым редутом следует сперва четы-



Ч. I. Пл. I.

* Новицкий Я. Остров Хортица на Днепре // Одесский вестник. 1876. № 55. С. 20.

рекугольная яма, по величине меньше предшествующей, совсем почти осунувшаяся и разбитая, а за ямой уже начинается траншея. Траншея тянется на протяжении ста пятидесяти саж., в одних местах она совершенно разбита, в других — сохранилась хоропю, но заросла деревьями. За траншней снова следует редут(а), такой же величины, как и первая, но только несколько ниже её; она также имеет с востока вход и в средине своей вмещает две ямы, в полторы сажени в окружности каждая; канавы и ямы заросли деревьями. За вторым редутом следует вторая траншея, длиною в сто сажен, и большие и лучшие сохранившаяся первой и гуще заросшая деревьями. За второй траншней следует третий редут, такой же величины, как и перв(ый), но также осунувшийся, как и второй; в ней три ямы, по величине меньше предшествующих, со входом с той же стороны. С третьим редутом граничит, с северной стороны, балка широкая (*Rei Lecht*). За третьей редутой тянется третья траншеч; она тянется сначала на сто сажен, затем прерывается, но спустя 60 сажен снова начинается и идёт на пространстве также ста сажен, причём обе половины канавы, в виде сплошной густой аллеи, заросли разными деревьями, преимущественно же грушами, берестом, черноклёном и глодом. За третьей траншней следует четвёртый и последний редут: он также прекрасно сохранился, как и перв(ый), но вмещает в себе три ямы, из коих две довольно большие и одна несколько поменьше; как ямы, так и самые рвы редуты заросли деревьями, теми же грушами, берестом, глодом и др. Четвёртым редутом укрепления в средней части острова и оканчиваются: дальше, от редуты и до берега Старого Днепра или Речица укреплений никаких нет: окраины острова оканчиваются низким спуском, переходящим потом в самый берег реки.

Осмотрев средние укрепления, мы направились затем вправо, к северу, имея целью пройти балку Широкую и выбраться на засеянные поля. Балка оказалась действительно широкая из всех балок на острове; в устье она покрыта прекрасным дубовым лесом, между которым растёт высокая трава. Увидя небольшой холм под ветвистым дубом, я уже готов был присесть на него, чтобы несколько отдохнуть от своей усталости. Но Якуб Якубович решительно воспротивился этому.

— Вы и не думайте здесь садиться.

— Почему же так?

— Да потому, что здесь водится множество змей. Недавно показывалась здесь страшная змея; сажен до трёх, говорят; она перепугала одного нашего колониста, да ведь как? Несчастный лишился было языка: две недели не говорил; возили его и к доктору, ничего не сделал; потом уже самой собой прошло; он рассказывал, что ходил по Широкой балке и увидел там змею⁵, перепугавшую его насмерть. Как он спасся от неё, Бог его знает. Колонисты не верили ему, но вот несколько месяцев тому назад на ту же змею наткнулся охотник с двумя собаками; одна из собак бросилась было к змею, но была тот же час задушена ею; сам охотник растерялся и поспешил уйти.

Наслушавшись таких страхов от Якуба Якубовича, я также постарался поскорее выбраться из балки. Мы поднялись вверх и вышли на ровное, прекрасное поле, колосившееся в ту пору высокой иппеницей. Здесь же, среди поля, нашему взору представились шестнадцать курганов, красноречиво называемых на русском юге могилами.

— Не знаете ли, Якуб Якубович, — спросил я спутника — много ли на вашем острове могил?

— Всех могил на нашем острове пятьдесят семь, — отвечал он, — но только две из них особенно большие, остальные же и меньшие и ниже этих двух; впрочем, прежде и меньшие могилы казались большими, а теперь они как-то поосунулись; в старину на них стояли каменные бабы⁶, чего теперь и не увидишь — порастаскали. В прошлом году (1882) одну из больших могил раскапывал киевский учёный В. А. Беренштам; он нашёл там какие-то металлические стрелки, горючек, гвозди и много чего другого.

Но мы миновали и могильы; прошли вершину Ганиновской балки и добрались до кладбища (Kirchhoff), где колонисты погребают своих покойников. Скоро миновали и кладбище, и так как солнце давно уже зашло, то мы решили возвратиться к дому, тем более, что и ноги наши уже начинали отказываться служить нам; для сокращения пути решили идти через огорода колонистов и вскоре действительно добрались до жилищ. На следующий день мне предстояло осмотреть южную часть острова. Встав по обыкновению с восходом солнца, я тот же час отправился на поиски. И на этот раз меня сопровождал Якуб Якубович. Мы избрали путь от колонии понадлевым берегом Нового Днепра к плавням. Скоро оставили мы за собою колонию, миновали средние укрепления, балки Шанцевую,

Башмачку, Костину, Корниеву, Липову и, наконец, добрались до высокого кургана Потёмкина, где и уселись. Почти от самой колонии и до балки Липовой поверхность острова представляет из себя целину, нетронутую плутом, отсюда целина сменяется ровным полем, на котором в то время росла прекрасная иппеница.

— Скажите, пожалуйста, Якуб Якубович, отчего этот курган, на котором мы сидим, называется Потёмкиным?

— Да оттого, говорят, что будто бы на этом кургане князь Потёмкин хотел построить дворец; от дворца через остров он предлагал проложить почтовую дорогу, а через Днепр — устроить мост. Правда ли это или нет, во возле кургана рос сад, который называли тоже Потёмкиным. Старые колонисты рассказывают, что когда пришли впервые на остров их деды, то зятали здесь какого-то старого солдата, сторожившего Потёмкин сад; потом этот сторож здесь же и умер, а садовые деревья повыкопаны были колонистами для питомников.

Переданное моим спутником предание подтверждается и свидетельством русского путешественника В. Зуева, который говорит, что на о. Хортице «князь Григорий Александрович Потёмкин особое для разведения и украшения прилагает старания»⁷. Нельзя не подивиться вкусу «великолепного князя»: место, облюбованное им, во многих отношениях превосходно. Не говоря уже о том, как высоко поднимается над поверхностью острова Потёмкин курган, нужно заметить ещё то, что самый остров делается здесь совершенно открытым, в противоположность северной части, которая далеко не так выделяется из общего фона поверхности, так как там самый материк если не выше острова, то, во всяком случае, в одном с ним уровне. Кроме того, берега острова против Потёмкина кургана и не так круты, и не так недоступны, и не так скалисты, обнажены и возвышены, как в северной части острова. Сверх того, поверхность острова носит характер не каменистый и песчаный, а стенной, представляющий из себя весьма удобную равнину как для сенокоса, так и для нивы; а высота её такова, что отсюда, как с птичьего полёта, видны не только ближайшие поселения: Вознесенка, Слободка, Александровск, Шенвиз, но и отдаленнейшие крестьянские сёла с их храма-

* Зуев В. Путешественные записки. СПб., 1787. С. 261.

ми, школами и волостями; тому способствует относительная высота юго-восточной части острова при относительной низменности самого материка против него.

Но мы оставили Потёмкин курган, спустились к скале Нижней Голове и отсюда, пройдя немного по возвышенной части острова, очтились в плавнях. Следует сказать, что в двух верстах от мыса Нижней Головы возвышенная часть острова переходит в низменную, покрытую травой, лесом и множеством больших и малых озёр, что всё вместе и составляет плавни. Есть основание предполагать, что плавни эти, сравнительно, недавнего происхождения и что образовались они только под защитою самого же острова. Дело в том, что у южного конца острова сходятся оба рукава Днепра, разделённые выше, у северного конца. Но сходясь здесь, каждый из рукавов, несущий своим течением песок, ил или корни деревьев, здесь же и откладывает всё это, так как в этом именно месте река, дотоле стремительная, в известной степени умеряется в своём течении. Как каждая из других частей, северная и средняя, служит для колонистов источником их пропитания, так и южная доставляет для них разный материал, необходимый для всякого домохозяина, и также служит жизненным источником. Дело в том, что южная часть острова, состоящая из обширной плавни, покрытой болотным лесом из дубов, осокорей, ив, шелюги, обилует разной дичью: дикими гусями, утками, дупелями, коростелями, поросши очень высокими травами, она изрезана множеством озёр: Лозоватым, Прогноем, Домахой, Каравыем, Подкрученым, Головковским, Осокоровым и другими, которые обиуют разного рода рыбами и раками. Таков-то характер южной части острова Хортицы. Пробродив много времени по берегам озёр, заливов, находившихся вдоль по зелёным полям и белым пескам, мы выбрались, наконец, на самую южную окраину острова и здесь на берегу, у вод, уселись. Отсюда открывался вид на Днепр — один из прекраснейших. Разделённая до этого места островом Хортицей, река отсюда снова соединяется и несёт свои воды не по узкому жёлобу, а по широкому разманящему руслу, усыпанному крупным песком. Течение реки здесь плавное, спокойное, а сама вода такая чистая и прозрачная, что кажется будто перед вами не речные струи, а отполированный жёлтый янтарь.

— А что, Якуб Якубович, не пора ли домой?

— Я думаю, что пора.

Усталые, медленно возвращались мы домой... Не скоро мы улеглись в постели, но зато приятный глубокий сон следовал за нашим продолжительным походом... Восходящее солнце следующего дня уже застало меня на ногах. На этот раз я решил познакомиться с старожилами острова и порасспросить их о делах давно минувших дней. Мне указали на единственного восьмидесятилетнего старика Якуба Якубовича Геппера. По моей просьбе старик явился в школу и скоро между нами завязался разговор.

— Скажите, старик, откуда переселились ваши предки на остров Хортицу?

— Предки мои переселились на Хортицу из немецкого города Данцига.

— А давно ли это было?

— Да, это давно-таки было: больше ста лет; мой отец был одним из первых поселенцев острова.

— Скажите же, в каком виде застал ваш отец Хортицу? Не рассказывал ли он чего-нибудь относительно тех укреплений, которые находятся в северной части острова?

— Да, рассказывал. Он говорил, что в ту пору укрепления были так высоки, что на них и взойти нельзя было; из многих ям торчали толстые дубовые бревна и огромные дикие камни. Канавы были широкие, а глубина такая, что утавливая туда лошадь там и оклевала.

— А что застал ваш отец в нижней части острова?

— В нижней, возле озера Домахи, он видел какую-то козацкую хату. Хата, говорил, небольшая была, из тесаного дерева, с маленькими окнами со ставнями; внутри стоял большой дубовый стол, на середине которого вырезано было распятие Христа, а на одном из углов просверлена дырка, в которую, видно, вставлялась свеча; кроме стола, в хате были печь и лавы; с наружной стороны, вокруг хаты, разбросаны были тришки, валялись черепья от посуды и насыпаны были кучи золы*.

— Прекрасно. Скажите же, не застал ли ваш отец кого-нибудь из запорожских козаков на острове?

— На острове отец не видел никаких запорожцев, я возле острова, где теперь Кичкас, там видел какого-то запорожца.

* См. о том же: Драгоминов М. Малорусские предания и рассказы. К., 1876. С. 425.

— Не Дворянском ли его звали?*

— Кажется, что так.

— Что же, ничего не рассказывал отец ваш о Дворянинке?

— Рассказывал, как он украл у них лошадь, когда они только что присехали на остров.

— Как же это было?

— Да вот как. После продолжительного путешествия, мы добрались, наконец, рассказывал отец, до реки Днепра против Хортицы; переправились на остров через реку и сейчас же стали отдыхать. Но не успели мы ещё прийти в себя, как, смотрим, кто-то с противоположного берега плывёт к нам на лодке. Оставил лодку у берега, он направился к нам; пришёл, стал и смотрит на нас, не говоря ничего; мы тоже смотрим на него и тоже не говорим ничего; тогда мы ещё по-русски не умели говорить, да и он по-немецки не мог. Он был босой, без шапки, в одной сорочке да штанах (дело было летом), на очкуре которых висел большой нож. Казалось ему лет за 50 было; собой здоровый, плечистый... Так постоял и ушёл. Мы скоро утомились и положились спать, привязав своих лошадей к повозкам. Утром поднимаемся, сейчас же к лошадям; смотрим — одной лошади нет; искать — никак нет. Бросились к месту, где привязана была пропавшая лошадь, лежит нож, тот самый, который мы видели накануне у приходившего к нам человека. Поняли тогда, куда девалась наша лошадь. Впоследствии мы узнали, что этот человек был запорожец; он жил сперва там, где теперь колония Кичкас, а потом, когда в Кичкасе стали селиться наши колонисты, перешёл на противоположный берег реки (с правого на левый), в балку; там он построил себе курень, завёл пасику и так жил до самой смерти... Он часто ходил к нам, научился говорить по-нашему; как-то раз мы и спрашиваем его: «Зачем ты, козак, украл нашу лошадь, когда мы в первый раз приехали на Хортицу?» — То мой, говорит, такая вдача, без того я не могу и жить**.

* Зус, проезжающий по Новороссийскому краю в 1781 году, говорит, между прочим, о том, что в Кичкасе находится только одна избушка, в которой живет запорожец. См.: Зус В. Путешественные записки. СПб., 1787. С. 260; Драгоманов М. Малорусские предания и рассказы. С. 423.

** Предание это, между прочим, записано и Я. П. Конинцом; оно напечатано в книге Драгоманова М. Малорусские предания и рассказы. К., 1876. С. 423; мы держались этой редакции.

— Хорошо. Скажите же теперь вот что: не находили ли вы на острове или в реке каких-нибудь остатков старины?

— Было и это: и сам находил и у других видел. Вот, положим, был я с ще 17-летним юношеским, когда однажды пошёл купаться к Старому Днепру, в то место, что против колонии Канцеровки. Пришёл на берег, смотрю, что за чудо! Стоят какие-то суда. Длинные-длинные и хорошо сколоченные; похожие на теперешние дубы; считаю, оказывается семнадцать. Я платье с себя, бросаюсь в воду и давай осматривать их. Оказалось, что они большие, чем наполовину занесены песком и только верхняя их часть выдавалась из-под воды. Нужно вам сказать, что за несколько времени до этого, в Днепре было большое наводнение; вода повысила много песку из русла реки и сама опала, тогда-то и показались суда, вероятно, очень давно затопленные здесь.

Осмотрев хорошо свою находку, я побежал сообщить о том своему отцу. Но что же отец мог сделать с судами? Посмотрел, покрыл несколько бревен из них, тем дело и кончилось. Скоро вода снова начала прибывать и опять покрыла суда. Это давно было; а то в 1845 году, после большого наводнения, я опять видел судно, — это уже стояло в Новом Днепре, ниже Советиной скели, передняя часть судна выходила на берег острова, а задняя затоплена была в воде; судно было нагружено пушками да ядрами. Долго оно не покрывалось водой, и я чисто лазил в него, набирал пуль и ядер, но потом подошла вода и затопила. Такой же величины я нашёл судно в Старом Днепре, против устья балки Кучой; на это судно я ныtkнулся случайно; купался и начал нырять. Судно сидело очень глубоко в воде; я начал осматривать его и на самом дне нашупал пушку. Это меня заняло, и я несколько раз принимался осматривать; точно — судно и на дне его небольшая пушка. Ну, что ж? Ни лодки нельзя было вытащить, ни пушки... А лет десять тому назад в том же Старом Днепре видел судно один мальчик, сын нашего колониста. Тот нашёл в нём саблю и взял её. Не знаю уже, куда он после сеё девал, но я видел эту саблю; она не так велика, кривая, отделана серебром и много поржавела. Много находили вещей в Днепре, а на самой Хортице ещё больше. Как-то я нашёл на балке Большой-Вербовой криевой книжал, длинное ружьё и стальную кольчугу; всё было покрыто ржавчиной, так что я едва отчистил их. Однажды я нашёл на балке Кучой несколько монет; одна из них была так тяжела, как пластина се-

ребряных рублей вместе, другие — точно рыбы луска, а трети такие же, как теперь пятаки, но только разнятся тем, что у них не одинаковая толщина по бокам: один бок толще, а другой тоньше; на всех монетах были какие-то изображения и надписи, на одних по-русски, как сейчас помню, «Царь Борисъ», а на других и не по-русски, и не по-немецки, вылиты были львы, по три на каждой штуке. Случалось находить и другого рода монеты с одним лицом человека или же с целым человеком, сидящем на коне. Всячину находил. Однажды нашёл три больших острых ножа, пять глиняных, с высокими горлышками, кувшинов, семь с толстыми венчиками горшков. А то выкопал как-то несколько штук картечни и целый склад спинцу, свинц, бывало, так и валяется поверх песка, точно черепья: охотникам не надо было покупать; выжги только, пока пройдёт дождь или поднимется ветер, тогда и собирай, сколько хочешь. Да чего только за свой век я не находил на острове? Небольшие, трёхгранные металлические стрелки, железные, серебряные и стальные блэхи, медные и бронзовые пуговицы, большие и малые пряжки, удила, кольца, ножницы, ядра, бомбы, пули. Однажды нашёл тридцать шесть пуль вместе; все они были надеты на длинную палку, шестью рядами, причём каждый ряд заключал в себе шесть пуль. Нужно думать, что это делалось для удобства; чтобы не забивать в пушку отдельно каждую пулю, несколько их нанизывали на палку и уже самую палку вкладывали в пушку. В балке Широкой случилось мне найти удивительный замок, таких я никогда после не видел; он отпирался без ключа; для этого надо было составить известное слово из букв, вырезанных на кружочках кругом всего замка; кружочки вставались в разные стороны, и таким образом составлялись разные слова: как только подберёшь условное слово, так замок сам собой и отопрётся. На острове Канцеровке (Малой Хортице) я как-то наткнулся на человеческую кость; стал копать; прокопав с поларшиной земли, вижу — широкая яма, а в ней семь человеческих скелетов; на грудах каждого скелета лежит по несколько мелких, пустых в средине, небольших пуговиц; видно было, что покойники одеты были в какие-то суконные кафтаны, сукно было тонкое, пожелавшее; все скелеты сохранились очень хорошо, особенно черепа; на одном лишь черепе я заметил дырку, образовавшуюся не от гниения, а, кажется, от удара в голову человека чем-то острым, от чего, быть может, он и умер.

Да, много-таки мне пришлось за свою жизнь и видеть и слышать. Лет двадцать пять тому назад, в саду нашего колониста Якова Вибе, найдены были две пушки: одна медная, а другая железная; они сложены были крест-на-крест в земле на глубине не более полутора аршина. А то как-то нашли целый склад оружий, — это на острове против колонии Кичкас, теперь этого острова нет; он смыв водой, а прежде мы пасли на нём лошадей и видели выкопанные рвы и траншеи, один из этих рвов шёл прямо по направлению к склону Воротам. Находил оружие и на Столпах, — там тоже были укрепления, но они засыпаны песком. Прежде на Хортице можно было всякой всячины найти, а теперь колонисты научились подбирать всякую мелочь да продавать евреям, которые ежегодно навещают для этой цели наш остров. Медных и чугунных вещей, особенно пуль, много пошло на завод*, где их плавят и выливают из них разные вещи. Ядра и бомбы подбирают русские бабы: они идут им для разных домашних надобностей. Теперь многое подобрано людьми, а многое повалено водой. Видите ли, в старые годы Днепр был уже, чем теперь, и шёл ближе к Вознесенке, чем к острову; оттого наша Хортица была шире; но с течением времени Днепр стал бросать свой левый берег, от Вознесенки, и подаваться направо, ближе к острову, стал размывать окраины села, выносить из них разные вещи... В стариину, бывало, как пойдёшь по разным балкам на острове, то чего только не увидишь. Там торчит большая кость от ноги человека, там белеют зубы вместе с широкими челюстями, там повалены из песка ребра, проросшие высокой травой и от времени сделавшиеся жёлтыми как воск. Задумашь, бывало, выкопать ямку, чтобы что-нибудь сварить или спечь, наткнёшься на гвоздь или кусок железа; хочешь сорвать себе цветок, наклонишься, смотришь — через человеческий, прогнивший, с дырками, сквозь которые выросла трава; нужно тебе спрятаться от кого-нибудь в пещере, бежишь туда, и наткнёшься на большой медный казан, или черепковую чашку, или ещё что-нибудь в этом же роде... Много было чего, да поздно хватились всё это собирать.

— Да, это точно. Но скажите, не опасно ли было вашему отцу жить впервые на Хортице?

* Фабрика землемельческих оружий Леппа, в семи верстах от острова Хортицы, в колонии Хортице-Верхней, Екатеринославского уезда.

— Как не опасно? Даже больше того: раз как-то селяне не убили его. Тогда, видите, бродили везде лутари — это разбойники так назывались. Однажды летом отец куда-то уехал с острова; мы, дети, были в плавнях, а мать одна оставалась в колонии. Сидит себе и чем-то занимается. Вдруг, входят к ней три человека и просят, чтобы она продала им молока. Мать согласилась, спустилась в погреб и вынесла им молока, сколько они просили. Тогда один подходит к ней и начинает торговаться, а другой подбирается сзади и бьёт её бичем по голове. Она как сноп валится на землю. Разбойники забирают деньги, оружие, лошадей, разные мелкие вещи и уходят. Но не успели они ещё и отойти от дома, как является отец и с ним два соседа колониста. Они бросаются на разбойников; произошла свалка, во время которой один из разбойников вышиб отцу зуб. Но тут к разбойникам подошли ещё два человека, и порешали исход битвы; отец и два соседа его были перевязаны, а разбойники, взяв много нашего добра, ушли благополучно*.

Вот те данные о Хортице, которые добыты нами на месте, уже на второй день по приезде на остров. Но я остался на нём ещё несколько дней, пока совершенно не освоился с его местностью и жителями; в свободное для колонистов время я ходил по их домам и осматривал там разные находки их. Из таких находок меня заняли, между прочим, бомба и три ядра, находящиеся у старости острова, Гильдебрандта; бомба в объёме имеет аршин с четырьмя вершками, а каждое из ядер — по десяти дюймов; все они набиты на пали частокола, которым отгорожен у Гильдебрандта полисадник вокруг дома от двора. Подобные ядра, числом два, мне пришлось видеть также у колониста Ивана Классена, которые он уступил мне и из которых одно ещё и теперь заряжено.

Закончту своё исследование о Хортице словами Я. П. Новицкого: «В настоящее время с. Хортица это неприступное козацкое «кишшло», принял совершенно другой вид: курени** заросли бурьяном, а в иных попадаются деревья, простоявшие десятки лет; через них проходят стада овец и табуны породистых немецких коней; на полях

* Почти весь этот разговор записан по-немецки, автор предлагает его в русском переводе.

** Я. П. Новицкий называет ямы куренями, но были ли то курени в козацком смысле, это еще очень сомнительно, как сомнительно и то, чтобы первое поселение козаков на Хортице могло называться, в строгом смысле, Синчко, — «городком» — вот что называется.

острова (в средней и южной частях) красуются нивы, дающие чуть не ежегодно обильный урожай; там же зеленеют бакчи, на которых роятся вкусные арбузы и дыни; на восточном берегу острова красуется немецкая колония, утопающая летом в зеленеющих садиках, где благоденствуют немцы; на Днепре, округлившем остров, вместо козацких «чаек», плавают десятки небольших рыбачьих лодок, из которых рыбаки забрасывают свои сети; тут же проплывают и крупные суда: барки, берлины, пароходы; а весною, во время разлива, и в июне, весь Днепр покрывают плоты*.

Было совсем за полдень, когда я, смоченный сильным дождём, после третьего осмотра укреплений, возвратился в школу к Якубу Якубовичу Купшу. В этот день, вечером, я решил оставить Хортицу, чтобы продолжать свой путь далее вниз, к острову Базавлуку⁷. Собравшись и уложив свои вещи, я пригласил к себе хозяина, чтобы поблагодарить и расплатиться с ним.

— А сколько я вам должен, Якуб Якубович?

Этот обыкновенный вопрос заставил задуматься моего немца; видимо он боролся сам с собой: с одной стороны, ему не хотелось обнажать своей, быть может, не совсем бескорыстной души, а с другой — его практические соображения никак не допускали мысли, чтобы всякая услуга, хотя бы то и не особенно важная, оставалась без награды.

— Ну, что ж, Якуб Якубович, сколько же я вам должен?

— Один рубль.

— Так мало?

— Довольно и этого.

Признаюсь, я был удивлён этому. Однако, вынув рубль, подал его хозяину. После этого мне понадобилась сумка, чтобы уложить некоторые из своих находок. Я обратился с просьбой к Якубу Якубовичу. Мне полали.

— А сколько сумка стоит, Якуб Якубович?

— Ну, это тоже в счёт рубля.

Но и находки уложены; мы распостились. Уже давно поджидал меня лодочник, чтобы с с. Хортицы переправить в с. Вознесенку. Солнце было уже на закате, когда я ступил на материк. Теперь мне

* Новицкий Я. Остров Хортица // Одесский вестник. 1876. № 55.

предстояло проехать село Вознесенку, деревню Слободку и г. Александровск, чтобы отсюда сесть на пароход и спуститься вниз⁸. Вознесенка (Нешкрабивка) оказалась большим, многолюдным⁹ и вместе с тем совсем молодым селом. Она тянется на пространстве от 2–3 верст, вдоль левого берега Днепра, по каменисто-песчаному взгорью. Местность её, если не пленительна, то во всяком случае живописна; одна сторона села, набережная, окаймлена длинною рощею из деревьев мягкой породы, которая местами сменяется в зелёные долины; а другая, противоположная первой, граничит со степью, обращённой в плодоносную ниву, усеянную по местам высокими курганами. За селом, на западе, открывается вид на Днепр с его особенно каменистыми здесь берегами¹⁰.

Из Вознесенки я направился в деревню Слободку, непосредственно за Вознесенкой, и отсюда уже добрался до города Александровска. Здесь, прежде всего, я наткнулся на целый ряд укреплений, расположенных с западной стороны города. В длину укрепления занимают не более одной версты, в ширину – несколько менее того и представляют из себя очень высокие валы с глубокими вокруг них рвами, расположеными звездообразно и сохранившимися превосходно даже¹¹ в настоящее время; через самую средину укреплений пролегает ровная, но узкая дорога, по обеим сторонам которой, косогас, юятся небольшие крестьянские домики. Страшится: кому же принадлежит сооружение этих укреплений. По всем соображениям, они насыпаны не дальше как в царствование императрицы Екатерины II, во время одной из войн русских с турками¹² и, стало быть, дело русских солдат, а не запорожских козаков, как некоторые лумают. В царствование императора Николая, во время севастопольской войны¹³, укрепления были возобновлены и потому так прекрасно сохранились до настоящего времени¹⁴. От укреплений я направился через город прямо к пристани.

Было около двенадцати часов, когда я оставил Александровск и очутился у пароходной пристани. Пробило ровно час, когда я вошёл в каюту. В дверях меня встретил слуга.

- Какой пароход?
- Князь Барятинский.
- Когда отходит?
- Завтра в одиннадцать часов дня.

Я спустился в каюту и осмотрелся кругом. Каюта представляла из себя средней величины невысокую комнату, посередине комнаты – длинный стол с изящными вокруг него стульями: на одной из стен, прямо против входной двери, большая карта Днепра и его притоков; у дверей, с одной стороны, небольшой стол, а с другой – шкаф для сервиза и посуды; вокруг всей каюты мягкие клеенчатые диваны, весьма легко обращающиеся в кровати; пол каюты устлан цветной клеенкой; чистота везде безупречная. Вообще говоря, каюта была так обставлена, что в ней чувствовалось в одно время и легко, и удобно. Пароход стоял на воде и как-то тихо-тихо покачивался. Так как в каюте кроме меня не было ни души, то я тот же час всё приспособил по своему вкусу. Загасил лампу, открыл все окна и, расположившись на длинном и широком диване, совершенно отдался течению своих мыслей... Настроенное в течение нескольких дней на один тон, мое воображение так живо работало, что я чувствовал в себе сильный жар и потому должен был несколько раз, через окно, черпать рукой холодную днепровскую воду и ею охаживать свою разгоряченную голову. Но я не в силах был побороть всех воспоминаний, томивших мою душу в тот момент, и вышел из тесной каюты на открытую палубу. Стояла тихая, светлая украинская ночь. Предо мною, только в некотором отдалении, вырисовывался потянувшийся среди Днепра, наполовину охваченный каймой зелёного леса, наполовину очертанный глыбами гранита, воспетый поэтами, прославленный историками и измеренный собственными ногами, величественный остров Хортица. Вокруг острова, насколько хватал глаз вверх и вниз, широко разливался великий Днепр, «Богатырь-река», река Славутушка, речка-Горынич-змей и, как бы утомлённый вековечной борьбою с громадными утёсами, тихо катил в безграничную даль свои могучие воды.

«Ох, ты, Днепр ты мой широкий,
Днепр широкий и глубокий,
Ты куда, родной плывешь?»

Сама луна, мягкая, серебристая, подобно волшебной красавице, полной неги и томности, как бы внимала Днепру: как светловолосая русалка или белоснежная лебёдка, она тихо плескалась в прохладных струях реки, как бы дрожа переливалась из одной струи в другую и

своим чарующим светом серебрила и лёгкую, чуть замстную, зыбь днепровских вод, и высокий, раскинувшийся на острове зелёный лес, полный величия, прелести и обаяния. А из лесу, навстречу пышному Днепру и красавице луне, неслись бесконечные, едва уловимые трели соловья, звонко раздававшиеся по реке и гармонично слившимися с лёгким плеском её волн... Великий Боже, как здесь хорошо!.. В воздухе чувствовалась та мягкость, та нега, которая ни на минуту не даёт успокоиться нашим иервам и которая помимо воли настраивает наше воображение на высокий, идеальный тон. Моим думам, моим мечтам, казалось, не будет конца: в моём воображении толпами роились дивные, дорогие, хотя и давно забытые образы, а мой взор всецело прикован был к острову, так богатому своим прошлым. Мысль стремилась раздвинуть таинственную завесу, наброшенную веками на это поэтическое и величественное место, и только суровая неумолимая действительность охлаждала меня и рассеивала мои мечты... Да, здесь была первая колыбель некогда славной низовой вольницы, рыцарей веры Христовой, врагов ислама и иезуитского верогонения, колыбель срмжных носителей идей света и правды, свободы и равенства, простоты и братства. В форме грубой и ликой, условленной и самым делом, и тогдашнюю степенью культуры, стремились они к осуществлению своих идеалов на земле; но не суждено было им путём естественного, путём самостоятельного развития перейти к более мягким и лучшим формам гражданственности и общежития, и, как бы в виде горькой иронии судьбы, пришлый немец, чуждый всякой связи с их великими прошлыми подвигами, флегматично бороздит землю, упитанную их кровью, засеянную их благородными костями и пересыпанную остатками их браных доспехов, воспевая традиционный свой картофель и, быть может, мечтая втихомолку о своём Vaterland'e, как «избранный народ Божий» о своём Иерусалиме.

«Стугонить Дніпро по скелям,
Б'єти об пороги;
Все питат: «Де ж ви діти?
Де мої небоги?»
Стугонить Дніпро з порогів,
Лише до Хортиці,
Каже: «Байло, де ж твій город,

Стаг і гаківниці?»
Де та Січа, що як море
Силою кипіла;
Там воли, що в раздоллі
Пеклом клекотіла?»
Розвалилися редути,
І рови густою
Од низів і до вершини
Вскриялися травою.
В транях Січі спить нерушно
Кам'яна піданиця;
Землю, славою покриту,
Топче токарина.
На козачим вжитку німці
Хат набудували,
Грунт поширили, побили,
Ралом заорали.
Воля, ретязом повита,
В плавих спочиває;
Слава, крон'ю перелита,
По світу літає
А Дніпро біжить до моря,
Все питат Хортиці:
«Де ж та Січа? Де ж той Байло,
Стаг і гаківниці?»¹³

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ой гук, мате гук, де козаки йдуть,
 Там всеславая шах-доріженька, куди вони йдуть,
 Та куди вони йдуть, там бори гудуть
 Та поперед себе та вражих ляхів облавою пруть
 А отаман йде, як голуб гуде
 Та під явором зеленським головку кладе¹.

Оставив Хортицу, я направился сухим путем к устью реки Базавлука, прямо через бывшее у запорожцев «Дикое поле»². В настоящее время эти «дикие поля» местами обращены в пашни, местами же представляют из себя целину, т. е. нетронутую плугом землю, дающую в благоприятное время лета большую траву. Как много заманчивого в этих целинных, непочатых степях даже и в настоящее время, особенно в раннюю майскую пору! Что-то влечет, что-то неотразимо тянет к ним. При виде этих степей невольно вспоминается незабвенное имя великого Гоголя, художественный гений которого так часто и так неудержимо реял над поэтической Украиной с её поэтическими обитателями и богатой, полной прелести природой: «Чорт вас возьми, степи, как вы хороши!..» При виде этих же степей само собою вспоминается и имя в своё время знаменитого и прославленного южнорусского броличего философа Григория Савицкого Сковороды, который всяkim земным почестям, широкой славе и семейному счастью предпочёл вечное скитальничество по необъятной степной равнине, с посохом в руке, с сумой за плечами, поучая встречный народ человеческой мудрости и отводя его от печали дивной игрой на «сопилицы».

«А мне одна только на свете дума,
 А мне одно только не идет с ума,
 Как бы умереть мне не без ума».

При виде этих же степей невольно вспоминаются и имена знаменных героев, славных рыцарей, запорожских козаков, уродлив-

шихся за грозными порогами, взлелеянных на бескрайних степях, выросших на широком лоне пышного Днепра.

Дніпро-брате, чим ти славен?
 Чим ти славен, чим ти равен?
 Чим ти ясен, чим ти красен?
 Чи своєю довжиною, чи своєю глибиною,
 Чи своєю бистринкою, чи своєю ширин(ъ)ю?
 Чи крутими берегами, чи жонтими пісками?
 А чи темними лісами, чи зеленими лугами?
 «Ой, я славен козаками, молодими буляками...»

И нельзя не заглядеться на эту степь, нельзя не полюбить её. Вот вечер. Солнце, так страшно палившее в продолжение целого дня, начинает садиться за горизонт; прощаясь с обитателями земли, оно как бы желает под конец залобить их. Вот оно разбросало свои золотистые лучи по всему небосклону и поражает человека чудными сплетениями³ их: тут рассыпались багрово-красные⁴, с золотистыми верхушками, снопы созревшей ржи; там протянулись длинные-предлинные⁵, совершенно покалеченные, как-бы кем скрученные, связки сухой травы; там обрисовалась колossalная фигура какого-то горящего животного с косматой шерстью, огромнейшей головой и открытой пастью; а там⁶ лучи заходящего солнца вылились в неподвижные, с кудрявыми верхушками⁷ и бронзированными листьями, деревья. В воздухе повсюду освежающей прохладой. Повсюду началось движение. Где-то недалеко залаяла собака; где-то в глубине балки послышался рёв коровы; а вот, у самой дороги, свистнула, поднявшись на задние лапки, суслик, за ним раздались сотни⁸ голов с других сусликов, а за свистом сусликов раздались миллионы жужжаний разных насекомых⁹. Чувствуется так легко; язык невольно развязывается.

- Скажи, человіче, чія оце була земля іс-по-кон-віків?
- Оци земля?
- А тож!
- Вона була запорожська.
- Шо ж вони за запорожці такі?
- Лицарі такі, от що!
- Ну, а не чув же ти, добродію, як жили ті запорожці?
- Як жили? Жили кошами.

— А що ж воно за кош такій?

— Кош — це невеличкій курінець, або повіточка на колесах. Бачте, запорожці занимались скотарством: та ото як випасуть на одній місці траву, тоді зо всім своїм скарбом перевозяття на друге місто, а з другого — на третє, а з третього — на четверте і далі. От для того вони й робили куріні на колесах, себто коші.

— От як!

— Так!

— А хто ж тобі казав про тих запорожців?

— Та хто? Батько казав, а батькові дід, - він ще зайшов запорожців, - то було і розказує батькові, а батько уже нам одповідав, як ми були малими.

— Ну!

— Та й ну! Він і одловіча, що то за народ був. То, каже, знаюки, страшенні знаюки були, і великі мисливці. «Оттуди, кажуть було, не йльмо, бо там велика потуга нам буде, а оттуди йльмо, бо там візьмемо». На їйніх няжке оружка не бере, окрім срібної кулі, а в погоні так іх і не пізнаєш, чи воно люде, чи воно що друге: оце пробіжать з версту та й переліются у річку, а непритель дума, що то справжня річка; потім, як пробіжить погоня, вони уп'ять пороблюють козаками, а річка так і зостанется річкою; тоді один сяде на одному березі річки, а другий на другому, посімають с себе чоботи і сидіть кашу варіють, а третій кине дрюк у річку, на дрюк роскоте поїсть, сяде на ней, у кобзину грає, горілку п'є і пливє. Вони на все способні були: могли і в річки переліватись, могли так зробити, що й річка висохне: тільки дойде до ней, а вона й висохне. А як вийдуть на їйну, то їх б'ють кулями, а вони собі й байдуже: пазухи поразставляють, та й собирають туди кулі. «Та ну бий! — кричить кошовий хлопців, а сам і без пістоля і без рушниці стоять. — «Підіжди, батьку, наберу куль та тоді і постріляю».

— Так от які вони були!

— Отакі вони й були. Вони, кажуть, з роду не женились, як чесніці, а як пітмають було яку бабу у степу, так поки з нею будуть смакувати, поки не задушуть.

— От ченці!.. А скажи, де ж вони поділись?

— Загнано.

— І далеко загнано?

— Туди, де чортам роги правлють...

Разговор прекратился, потому что мы скоро увидели реку Базавлук. Река Базавлук или Базалук, Бузовлук, Бузулук, по-татарски «Бузлую» — «ледник», или «железная подвязная подкова для твёрдой хотьбы по льдам»*, начинается в Верхне-днепровском уезде, Екатеринославской губернии, идёт степью, сперва близ Днепра, в 25 верстах от порогов, потом удаляется от востока к западу, затем опять поворачивает от запада к востоку и, наконец, впадает в реку Скарбную, идущую из реки Пидильной, у деревни Кута, Херсонского уезда, ниже села Грушевки, в двадцати верстах выше Днепра, в ста сорока верстах выше города Херсона. Во время запорожцев она служила границей между паланками Кодацкой и Ингульской.

Очутившись близ устья реки, я увидел здесь Перевизские хутора и на короткое время остановился с целью разыскания здесь древностей. Результатом моих поисков был сволок с превосходной резьбой, хранящийся в хате крестьянинна Онуфрия Петровича Метельченка. Лучше этой резьбы я ни раньше, ни после нигде не видел. Сволок имеет длины семь аршин, сделан из осокоря и раскрашен различными красками; во всю длину его сделана следующая надпись: «Благословением отца изволением сына и действием святого духа аминь создался дом сей товарища куреня Щербиновского Трофима Кияни 1747 апреля 12 дня». В хату вела широкая дверь вверху, в виде полукруга, с изображением на самой средине её, со внутренней стороны, головы запорожца.

Ниже Перевизских хуторов, близ устья реки Базавлука, я увидел два замечательных места в истории запорожских козаков: старое запорожское кладбище и вторую по времени Запорожскую Сичу, Базавлукскую. Кладбище находится у левого берега реки Базавлука, на две версты выше устья его, против гряды Калнышихи, но не представляет из себя ничего особенно интересного, так как все бывшие на нём кресты, кроме двух, частично разбиты на мелкие куски, частично совсем унесены. Из оставшихся двух крестов, на одном можно было только прочесть «козак куреня конеловского 1758 ле(нь) 4», а на другом «Калници козак куреня кущевского преставися року 1749 м(есяц)я окто(бря) 5». Последняя надпись любопытна тем, что объясняет название гряды Калнышихи: здесь жил какой-то козак Калныш; но ещё

* Житие протоієпопа Аввакума. СПб., 1862. С. 66.

любопытнее она тем, что означенная фамилия козака Калныша напоминает фамилию кошевого Калнишевского, в козацком просторечии также Калныша; и тот и другой носят одну и ту же фамилию, и тот и другой записаны в один, кущовский курень. Но были ли это родственники? Жаль, что на кресте не сохранилось отчество умершего козака Калныша.

Близ Калнышихи, на четыре версты выше устья реки Базавлука, стоит большой остров, не носящий никакого названия в настоящее время. Он заключает в себе до пятидесяти десятин, охватывается двумя лиманами: Бейкушем, с севера, и Журавливским, с юга, и рекой Базавлуком, с востока, с трёх сторон, кроме западной, окаймляется лесом и никогда не покрывается водой, не исключая даже 45 и 77 годов. Видимо, это и есть тот остров, который посетил в 1594 году посланик германского императора Рудольфа II, Эрих Ласота, и на котором в то время были у запорожцев Сича, вторая по времени. «Девятого мая прибыли мы до острова Базавлука, при рукаве Днепра, у Чортомлыка, или, как они выражаются, при Чортомлыцком Днеприце^{*}, около двух миль. Здесь находился тогда стан козаков¹⁰, которые послали нам на встречу нескольких из главных лиц своего товарищества (*Gesellschaft*) и приветствовали наше прибытие большими выстрелами из орудий. Потом они проводили нас в коло, которому мы просили передать, что нам было весьма приятно застать тамошнее рыцарское товарищество в полном здравии. Но так как за несколько дней перед тем, т. е. 30 мая, начальник Богдан Микошинский отправился к морю с 50 галерами и 1300 человек, то мы желали отложить передачу своего поручения до возвращения начальника и его сподвижников, пока всё войско не будет на месте»^{**}.

¹³ Для нас место Сичи, описанное Эрихом Ласотой, представляется совершенно ясно. Ласота едет по Днепру, из Днепра по Чортомлыцкому Днеприцу, из Чортомлыцкого Днеприца по речке Пидпильной, из речки Пидпильной по речке Сандалке, из речки Сандалки по Верхней Лапке^{***}, из Верхней Лапки в Базавлук реку, где уже высаживается на острове Базавлуке. Это несколько не про-

тиворечит тому, что у Ласоты Базавлук остров стоит при Чортомлыцком Днеприце. Дело в том, что теперешние речки, Чортомлыцкое Днеприще, Пидпильня, Сандалка и Верхняя Лапка, составляют в сущности одну и ту же речку, но с разными названиями, которую можно принять от начала и до конца за Чортомлыцкое Днеприще. Такое явление повторяется весьма нередко и с другими притоками Днепра. Это же николько не противоречит и расстоянию, показанному Ласотой: у Ласоты оно определяется двумя милями, теперь оно составляет не больше 14 верст, если ехать, как ехал Ласота, по названным речкам к острову Базавлуку. Таким образом, изъяв во внимание эти два обстоятельства, можно без всякой натяжки сказать, что Базавлукская Сича была не в теперешней деревне Капулиске и не в теперешнем селе Покровском, а близ настоящего села Грушевки, на четыре версты выше устья реки Базавлука, на острове Базавлуке, между лиманами Бейкушем и Журавливским. Как бы подтверждением этого служат и до сих пор уцелевшие на острове признаки ям, числом 21, расположенных совершенно правильно, в одну линию, одна возле другой, у восточной окраины острова.

Но когда же и кем основана была эта Сича на острове Базавлуке? На эти вопросы мы не имеем ответов, так как об ней нет никаких указаний, кроме указаний Ласоты, и не будь его дневника, мы бы и не знали о существовании Базавлукской Сичи. Нельзя не сказать, однако, что выбор Сичи на Базавлуке показывает большие стратегические соображения со стороны запорожцев. Остров Базавлук удалён от Днепра на 22 версты по прямому направлению, и с южной стороны, т. е. со стороны границы, защищён передовым островом Девичьим, стоящим на 8 верстах ниже Базавлукского, очень низким, каждую весну заливаемым водой, но зато покрытым таким густым лесом и такой высокой травой, чакалом, вымёлгой и осокой, среди которого ни проехать, ни пробраться не было никаких средств и никакой возможности; даже в настоящее время этот остров, во многих местах, решительно недоступен для человека. Ниже острова Девичьего, до самого Днепра, на пространстве десяти верст, идут густые плавни, покрытые большим лесом, заросшие высокой травой и изрезанные вдоль и поперёк множеством рек, речек, лиманов и озёр. С восточной стороны остров Базавлук защищён старой русской и высоким бе-

* Чортомлыцкое Днеприще начинается на 1½ версты ниже Чортомлыцкой Сичи¹¹.

** Tagebuch des Erich Lassota. Halle, 1866. С. 210¹².

*** Сандалка впадает в Базавлук под Кутом трёх Лапками: Верхней, Средней и Нижней; по-турецки «сандалка» значит доска, лощаница, лодка.

реком её, так называемым Красным-Кутом^{*}, с северной – лиманом Бейкушем, с западной – высоким, хотя и пологим кряжем, идущим вдоль реки Базавлук^{†3}.

С чём же связана была цель поездки Эриха Ласоты к запорожским казакам на Базавлук^{†4}? Она связана с идеей изгнания турок из Европы. Идея об изгнании турок из Европы особенно занимала европейских политиков XVI в.: Испания, Италия и Германия стали составлять союз против турок, к которому они нашли нужным привлечь Польшу, Молдавию и даже Россию. К этому стремятся последовательно Филипп II, испанский король, Григорий XIII, папа римский, Максимилий II и Рудольф II, германские императоры. Каждый из них старался непременно вовлечь в это дело Россию. Решено даже было обещать московскому царю Крымский полуостров, а потом и самую столицу турок, Константинополь. Но так как всех этих союзников показалось мало, то нашли нужным привлечь к залумянному делу ещё запорожских казаков, всегдаших врагов турок. Особенно энергично хлопотали об этом Рудольф II и Григорий XIII. С той и с другой стороны отправлены были к запорожцам посланники: от императора Рудольфа II – Эрих Ласота, а от папы Григория XIII – патер дон Александро Комулео. «Александро Комулео был послан папою Григорием XIII к христианским народам Турции с апостольскими целями и при этом посещении, длившимся три года, близко узнал число христиан, как латинских, так и греческих, находящихся в некоторых областях и царствах турецкой земли; узнал дух этих народов, видел те страны и военные проходы для войск и усмотрел, насколько легко и каким способом можно выгнать турок из Европы, о чём со всеми откровенностью и доносит кардиналу Саджиорджино Романо»^{**}.

Побывав в Трансильвании, Галиции, Молдавии и Польше и везде заручившись согласием идти против турок, патер Комулео решил, наконец, отправиться и к запорожским казакам. «Козаки находятся у Большого моря (т. е. у Черного моря), говорит Комулео, ожидая случая войти в устья Дуная. Число этих козаков не доходит и

* Красным он называется от обнаженной красной глины.

** «Донесения патера дона А. Комулео, благочинного св. Иеронима римского, о турецких делах». Эти донесения, писанные на итальянском языке, доставлены нам профессором Харьковского университета М. С. Дриновым.

Пл. II.



Ч. I. Пл. II.

План Базавлюцкой Сичи.

до 2000 человек. Думают, что они отправились туда по просьбе Его Цесарского Величества; другие козаки находятся на татарской границе. Для личных переговоров с последними я поеду в Каменицу и куда понадобится». (27 апреля 1594 года). Переговоры Комулео с козаками продолжались около полутора месяца, с самого конца апреля и до половины июня. В то время козаки стояли в пяти днях пути от Каменицы, в числе около 2500 человек, вместе с кошевым («начальником») Богданом Микопинским. Последний письменно уверял папского посланника, что он готов со своими козаками послужить папе против турок. Заручившись этим письмом, Комулео стал настаивать, чтобы молдавский господарь соединился с козаками против общего врага. Но князь, давший раньше полное согласие во всём следовать папскому нунцио, теперь отвечал уклончиво, частично из боязни турок, с которыми ему нужно было ладить, чтобы оставаться молдавским господарем, частично же из боязни самих козаков, которые могли обратить оружие против него же самого.

Между тем пока происходили эти совещания, Комулео с молдавским князем и с запорожскими козаками, в самом *стане* ждал Богдана Микопинского¹⁵ другой посланик, Эрих Ласота. Он застал здесь козаков без начальника, которые жили в отдельных кошах*, сделанных из хвороста и покрытых для защиты от лождя лощадиными кожами. Ласота пробыл на Базавлухе¹⁶ с 9 мая по 2-е июля. Близкая цель его посольства состояла в том, чтобы привлечь запорожских козаков к союзу с германским императором и заставить их держать в страхе татар и турок, готовившихся идти походом против Австрии. «Низовые или запорожские козаки, - пишет Ласота, - обитавшие на островах реки Борисфена, названной по-польски Днепр, предлагали свои услуги его императорскому величеству через одного из их среды, Станислава Хлоницкого, вызываясь по случаю больших приготовлений татар к походу и по случаю их намерения переправиться через Борисфен при устье сей реки в Чёрное море, препятствовать этому переходу их и всячески вредить им. Вследствие этого, император решил послать им в дар знамя и сумму денег (8000 червонцев)¹⁷ и пожелал вручить мне переслачу им этих даров, с назначением мне в товарищи Якова Генкеля, хорошо зна-

* По-татарски «кош» – корзина, кибитка, шалаш; вообще всякое помещение, легко переносимое.

комого с местностями¹⁸. План предполагаемых военных действий состоял в том, чтобы помешать татарам, уже переправившимся через Днепр, вторгнуться в Венгрию и напасть на императорские владения, и таким образом отделить их от турецкого войска.

Прибыв на Базавлук¹⁹, Ласота должен был здесь ждать возвращения кошевого с похода в течение сорока дней. Наконец, кошевой возвратился с добычей и с пленными, между которыми был один из придворных самого хана, Беляк. От Беляка Ласота узнал, что хан выступил в поход с 80 000 человек и имел двинуться прямо в Венгрию. После этого Ласота изложил своё поручение в козацком коле, и козаки по поводу его предложения разделились на две партии — партию начальствующих и партию черни. Чернь, после долгих споров, изъявила сперва своё согласие на вступление в службу под императорские знамёна, и в знак этого стала бросать вверх свои шапки. Она выражала полную готовность сражаться с турками за германского императора и не отказывалась даже двинуться в Валахию, а оттуда, переправившись через Дунай, вторгнуться в саму Турцию. Однако дальность пути, недостаток в лошадях, недостаток в провизии, вероломство валахов и их господаря, неопределенность условий самого Ласоты заставили запорожцев вновь рассуждать и спорить по поводу предложения, объявленного им немецким посланником. Конечным результатом этих совещаний и споров было то, что запорожцы решили вместе с Ласотой отправить к императору двух своих посланцев, Сашка Федоровича да Ничипора, да еще двух членов товарищества, чтобы условиться с ним насчёт их службы и содержания; в то же время запорожцы нашли нужным послать послов и к московскому царю, как защитнику христиан, с просьбою, чтобы он присягал им помочь против турок, всегдаших врагов русских людей. С той и другой стороны дана была грамота, заканчивавшаяся словами: «Datum в Базавлуке, при Чортомлыкском русле Днепра. З июля 1594 года». Этим наши сведения о Базавлуке²⁰ и оканчиваются.

О дальнейших результатах договоров Ласоты с запорожскими козаками находим в донесении патера Комулео от 14 октября 1592 года. Много стоило хлопот патеру Комулео устранить недоверие

молдавского господаря к запорожским козакам, но он под конец успел таки свести их. «Я устроил, что помянутые козаки подошли к молдавским границам, что они и сделали, став лагерем вблизи молдавского войска. Молдавский князь, частично вследствие убеждения и настоящий, которые я ему делал, для чего ездил нарочно два раза в Молдавию, частично же из страха турок и из боязни самих татар, о которых узнал, что турки хотели с помощью их отнять у него княжество. В силу всего этого он собрал войско до 21 000 человек, вооружил его хорошо артиллерией и вышел к проходу, которым татары обыкновенно проходили через Молдавию и Венгрию, решившись, смело противиться и не пропустить их. Когда я потом узнал, что князь молдавский отказался соединиться с козаками, то послал убедить их не оставаться дальше здесь понапрасну, а идти разорять какие-нибудь ближайшие турецкие города, обещая при этом, что молдавский князь не будет им препятствовать в этом. Я тайно предложил кое-какие подарки начальнику козаков, обещая ему больше со временем. Последний и ушёл с помянутыми козаками. Этот раз я послал ему сто флоринов, какие со мной были, и обещал соединить его с днепровскими козаками для хорошей добычи. Начальник козаков не захотел ожидать и пошёл под город Килию, где и остановился»²¹.

В настоящее время на две версты ниже острова Базавлука, понад устьем правого берега реки Базавлука, раскинулось большое село Грушевка, Херсонской губернии и уезда. История этого села, в кратких словах, такова. Во времена существования Запорожья²² по обе стороны устья реки Базавлука стояли казацкие зимовники, носившие название Грушевских: «тут страшна сила була грушья, — такого грушья, что за ним і землі не видко було». После падения Запорожья²³, земли Грушевских зимовников, так же, как и земли авух²⁴ бывших Сичей, на реке Чортомлык и на реке Пиццильне, с их окрестностями, в количестве ста тысяч десятин, были покалованы императрицей Екатериной II генерал-прокурору, князю Александру Алексеевичу Вяземскому. Покалованные земли оставались во владении Вяземского до 1802 года, после чего они были куплены у вдовы Вяземского двумя братьями, Николаем и Людвигом, баронами

* Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 9.

¹⁸ Донесение патера А. Комулео. Письмо восьмое.

Штиглицами, также по купчей, они перешли в 1861 году к великому князю Михаилу Николаевичу. Первоначальный элемент населения Грушевки состоял частью из гетманских козаков, частью из разных бродячих людей, частью же из запорожцев, оставшихся здесь после разрушения Сичи, на что указывают сохранившиеся в селе и по настоящее время запорожские фамилии: Глоба, Головатый, Довбыш, Кулик и др., несомненно, запорожского происхождения. Первый владелец села, князь Вяземский, пытался старое запорожское название «Грушевки» заменить назнанием «Еленское», в честь своей жены, Елены Никитичны; однако новое название не привелось, и когда владельцем Еленского стал барон Штиглиц, село вновь стало именоваться Грушевкой. Первая церковь построена здесь только в 1791 году.

От запорожцев в селе Грушевке сохранилось немало памятников. В церкви хранятся: евангелие киевской печати, 1773 года, небольшая оловянная чаша, весьма распространённого типа запорожских чащ, и шёлковый тонкой работы пояс, с белыми поперечными полосками по розовому полю и с широкой канной по концам, длины пять аршин без четверти, ширины без вершка три четверти. Это – единственный в своём роде из множества поясов, сохранившихся от разных времён и в разных церквях. Кроме венец, сохранившихся в церкви села Грушевки, есть ещё венцы, которые находятся вне её на руках частных лиц. Таковы три иконы, принадлежащие крестьянке Богуновой и доставшиеся ей, по рассказам столетних стариков села Покровского, из сивой Покровской церкви. На всех них изображён Спаситель. На первой он представлен стоящим в блуде и истошающим на него свою корону; на другой он представлен стоящим по колени в блуде; на третьей он изображён молящимся в Гефсиманском саду. Кроме этого в Грушевке есть ещё три камогильных креста, под которыми скрываются умершие запорожцы. Один стоит в так называемом Кутнике на старом кладбище, другой – во дворе крестьянина Фомы Ханенка, а третий – во дворе экономической больницы: «Зде(сь) опочивае раб божий Демьян Мукосей козак куреня титаровского преставися року 1732 года марта 8 дня». «Зде(сь) погребен славного войска запорожского корневский, куренного войскового товарища Григория Никитовича брат, раб божий Савостиан 1748 года 9 августа». «Зде(сь) опочивает раб божий Семен Белій козак воiska запорожского куреня кореневского преставися року 1768

м(еся)ца генваря». Наконец, близ села Грушевки, в реке Базавлуке, против бывшей Базавлукской Сичи, найдена была прекрасная сабля, европейской работы, с деревянной ручкой, обтянутой ящурой и с надписью, сделанной золотыми буквами по лезвию с обеих сторон, в подражание восточной (имитация).

В десяти верстах от села Грушевки стоит село Шолохово, Екатеринославского уезда, некогда входившее также в состав вольностей запорожских козаков. Памятником этого служат оставшиеся в церкви села книга окоих и крест над могилою какого-то запорожца Кирилла. Окоих напечатан в Киеве, как видно из его заглавного листка: «За пастливаго Владения Его Царскаго Пресветлаго Величества, обоих сторонах Днепра Войск запорозских Гетмана, Благороднаго Иоанна Стефановича Мазепы. В лето от создания мира 7250. От воплощения Бога Слова 1699»*. Крест стоит в огороде крестьянки Мары Петровны Деркачевой и имеет такую надпись: «Зде(сь) опочивает раб б(о)жий Кирило козак куреня велмединского преставися Року 1749 м(еся)ца ноября дн(я) 25». Прямо на юг от Шолохова, в степи, тянется балка Каменка, часть которой принадлежит имению великого князя Михаила Николаевича, часть отходит имению владельца Стены. В весеннее время и в дождливое лето по скатам этой балки образуется большой водопад. По рассказам старожилов, у запорожцев здесь устроены были водяные мельницы, доказательством чего служат оставшиеся, совершенно правильно выверченные в скалах дырки для столбов, на которых стояла мельница.

Против села Шолохова, в углу, образуемом владением речки Солоной в реку Базавлук, на земле владельца С. И. Гиржева, Херсонской губернии и уезда, стоят два креста с надписями: «Зде(сь) почивает раб б(о)жи(й) Сана Сухи (Сухий) куренои (куренной) пашковский разбойниками удавлен и погребен Нестор (Нестором) Куликом 1753 року». «1759 року зле(сь) поребен (погребен) раб б(о)ж(ий) Андрей Головко ника** славного войска запорожского низ(ового); тона(риш): пашковсько***».

* Копия этих слов доставлена нам А. П. Бянитовским. **

** Может быть Андрей Никифорович.

*** Скопировано тем же г. Бянитовским.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ой сів пугач на могилі, тей як путу тай пугул
 Ой, повертайтесь запорожці, до Великого-луту!
 Ой яз¹ швидаче повернувшись мали, то ті в Лузі
 зимували;
 А де язі гаючись не двали, то ті в степу загиба-
 ли².

Из села Грушевки я вновь возвратился в город Александровск и отсюда направился к колонии Шенвиз, находящейся тотчас ниже города; в Шенвизе живут немцы-колонисты, народ очень трудолюбивый, очень честный и очень зажиточный. Колония расположена в два правильных ряда, протянувшихся по обеим сторонам широкой дороги, идущей к железнодорожной станции «Александровск». Проехав Шенвиз, я увидел небольшую речку Кушутум*, выходящую из реки Мокрой Московки и впадающую в реку Конку под селом Скельками, после пятидесяти вёрст протяжения; Кушутум — речка извилистая, идущая плаёсами, летом пересыхающая, но зато несущая снои воды по широкому и живописному лугу, который представляет собой огромнейший треугольник, вершиной упирающийся в Шенвиз. Это так называемый Великий-луг, место заветное и священное для всякого запорожца. «Січ — мате, а Великий-луг — батько» — поговорка, сделавшаяся девизом для всякого козака-сиромахи, для всякого бездомного проходимца, вечного скитальца, не знавшего в своём лоне козаком «ні неніко старенької, ні сестри жалібненької, ні подруженьки вірненької», — эта поговорка сложилась у запорожцев в виду Великого-луга. Что же такое этот Великий-луг? Великий-луг есть не что иное, как обширная, очень живописная, поэмная или заливная плавня, на которой растёт высокий лес, главным образом дуб,

* Кушутум от тюркского корня «куш мак» — соединять; отсюда Кульшутум или Кушутум — место соединения рек; объяснение совпадает с тем, что представляет собой сама местность: здесь сходится множество рукавов, падающих в Днепр.

берест, осокорь, верба, протекает множество рек, лиманов, на которых разбросаны сотни озёр, заросших высоким камышом и густой непролазной травой. В старицу Великий-луг покрыт был девственным непроходимым лесом, дикими непролазными пущами, огромнейшим камышом и высоким оситнягом; в его недрах и аряговинах кишило множество зверей: оленей, сайгаков, коз, диких кабанов, карабоги, волков, лисиц, байбаков, разбегавшихся отсюда в окрестные степи и плавни; в его реках и озёрах водилось изумительное множество раков и рыб: густырей, библички, краснопирки и др. Остатки леса сохранились в Великом-лугу и теперь, дикие козы водятся в нём и поныне, травы достигают в нём изумительной высоты и в настоящее время, а озёра привлекают своей рыбой всего больше весной. Из озёр самые замечательные: Лахново, Заклятое, Брязкуче, Плоское, Кривое, Цариград, Глубокое, Розсоховое, Песковатое, Желобок, Копилово, Ямовое, Ореховое, Хмарное, Кобыльчино, Козиево, Море-озеро, Широкое, Долгенькое, Грузкое, Клиноватое, Попово, Котово и мн. др.

В том месте, где впервые подходит ветка Конка к реке Днепру, между Красным и Царицыным Кутами, на большом острове, имеется какое-то городище, бежжалостно истребляемое жителями ближайших сёл. Это городище находится в 2 верстах от Днепра и представляет из себя продолговатую насыпь, положением с востока на запад, параллельно Днепру; длина его 112 сажен, ширина с одной стороны 28 сажен, с другой — 20 сажен; высота насыпи 5 ½ сажен; грунт земли в нём глинистый, схожий с грунтом земли за Днепром и совершенно отличный от грунта земли в плавнях. Как кажется, это тоже самое городище, которое Ласота называет именем Курцемаль, а Мышецкий именем Самыса и на котором, по словам последнего, русские в 1736 году построили редуты*.

Великий-луг, начавшись непосредственно у южного конца колонии Шенвиз, идёт понад левым берегом Днепра, до места владения реки Конки в Днепр, ниже села Ивановского, Таврической губернии, Мелитопольского уезда, между островом Варавинским и урочищем Палливициной, что составляет семьдесят вёрст длины при

* Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 53; Мышецкий С. И. Истории о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 61.

двалпти пяти верстах наибольшей ширины^{*}. По рассказам дядов, Великий-луг долго и после падения Сичи был приютом для запорожцев: здесь скрывались «сиromахи» от преследования русских властей. В самом густом месте Великого-лука устроена была пасека; в этой пасеке жил какой-то сичовик; он выходил из своего убежища только на четвёртый год, являлся в ближайшую деревню, обменивал мёд на хлеб и снова возвращался в свою убежище. С ним страшно было встречаться, потому что из себя он был «высокий-превысокий дилорака», с длинною-предлинною, до самых колен, бородой и с страшными-престрашными, точно у зверя, когтями; ходил он совершенно нагой, говорил только односложными звуками. В настоящее время значительная часть Великого-лука составляет собственность графа А. Е. Канкриня^{**}. На всём пространстве его, от Шенвица до Ивановского, раскинулось шесть больших поселений, более или менее замечательных своими местами в истории запорожских казаков: Николаевка, Балабино-Петровское, Большая Катериновка, Кушутумовка, Малая Катериновка и Красный Кут. Николаевка, — теперь небольшая деревня, за которой растёт прекрасный дубовый лес Круглик, похожий издали как бы на корону, — интересна в том отношении, что здесь у запорожцев были конские заводы, в которых они выращивали прекрасной породы лошадей. Село Балабино-Петровское, довольно большое и малолюдное, принадлежащее графу Канкрину, у запорожцев ещё не существовавшее, замечательно тем, что здесь у них стояла небольшая часовенька, в которой отправляло временно богослужение монах Самарского монастыря, и устроены были хлебные склады для всего войскового товарищества. Села Большая Катериновка, Кушутумовка расположены по живописнейшему возвышенному кряжу, в виду Великого-лука и реки Днепра, близ которого находится до 200 озёр со множеством раков, рыбы и птицы. Здесь у запорожцев были главные и лучшие притоны для ловли рыбы, кроме тех, которые устроены были у порогов и которые славились далеко за пределами Запорожья.

На всём пространстве, от Александровска и ниже его, мы миновали несколько забор, островов и урочищ, более или менее известных у запорожцев. Первая забора, которую мы увидели, спустив-

* Наибольшая ширина против с. Беленского, Екатеринославского уезда.

** Когда-то это были собственность графов Строгановых.

вшись ниже Александровска, была Великая, находящаяся у правого берега Днепра, против колонии Нижней Хортицы⁴; за ней следует забор Разумовская⁵, против которой стоит большое село Разумовское. Своё название село получило от первого владельца и насадителя его, графа Кирилла Григорьевича Разумовского, получившего здесь вскоре после падения Запорожья 35 275 десятин земли⁶. Рядом с Разумовским стояло селение Любимовка, считавшееся в 1787 году за графиней Екатериной Васильевной Литта, рожденной Скваронской⁷.

Ниже колонии Разумовской, по правому берегу Днепра находится знаменитая в истории запорожских казаков Лысая гора, известная с этим же названием ещё Эриху Ласоте, в 1594 году^{**}. Она тянется несколькими валунами на протяжении полуторы версты, имея наибольшей высоты до пятидесяти сажен и будучи удалена от берега к северу почти на полверсты. На самой средине Лысой горы, в небольшом углублении, среди белого зыбучего песку, на высоте пятнадцати сажен от уровня воды в Днепре, стоит небольшая криница чистой холодной воды, затенённая высокими и развесистыми осокорями. Она носит название Андреенской криницы, в честь апостола Андрея, который будто бы, по преданию, обедал здесь и после обеда отдыхал, когда плыл по Днепру в Киев. Криница замечательна ещё и тем, что в ней в самую холодную зиму никогда не замерзает вода.

Ниже Лысой горы начинается урочище Наливач, с правой стороны Днепра, между круглым берегом и самой рекой. Здесь растёт прекрасный дубовый лес, принадлежащий владельцу П. М. Микашевскому⁷. До сих пор оба берега Днепра были покрыты лесом, причём правый берег представлял из себя возвышенную гряду, а левый — низменную плавлю. Но ниже урочища Наливача правый берег начинает постепенно понижаться и постепенно обнажаться. Это обстоятельство имеет чрезвычайную важность для топографии Днепра: с каждой весной он меняет своё русло, последовательно поддвигаясь от юга к северу, образуя всякий раз после полой воды в своём русле множество новых, песчаной формации, островов и смыкая множество старых, такой же формации. От этого у моряков

* Из экономических примечаний XVIII в.

** Листот Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 52.

Днепр получил прозвание «скандинской реки; с каждой весной в нём нужно искать нового фарватера». От этого же и народ сложил о Днепре такого рода песню:

Жалувался лиман морю, что Днепр узял свою волю:
Старі гирла засипає, а новій проробляє...

«Теперь Дніпро усе грає: то туда тече, то сюда, а в старину він шов одним жолобом».

Ниже урочища Наливача, у правого берега Днепра, раскинулось огромное, многолюдное и богатейшее село Беленькое, принадлежащее владельцу П. М. Миклашевскому. От г. Александровска оно отстоит на 25, от м. Никополя – на 75 вёрст. Название «Беленькое» известно было еще в XVI веке известному германскому посланнику Эриху Ласоте*. Оно получило свое наименование от речки Беленькой, идущей в весеннее время по балке этого же имени из Днепра в степь через средину села по низменности. История села Беленького начинается со времени падения Запорожья. После уничтожения Сичи, земля по р. Беленькой отошла в казну. Но с 1780 г. она поступила в собственность графа, генерал-поручика Михаила Федотовича Каменского, а потом екатеринославского губернатора, Михаила Павловича Миклашевского, как это видно из следующих документов:

«Азовской губернской канцелярии предложение. По прошению господина генерал-поручика и кавалера Михаила Каменского предлагаю азовской губернской канцелярии против отведенной ему в Новороссийской губернии под поселение земли подле Днепра ниже Хортицкого острова у устья крутого яру и в Азовской губернии под поселение же из лежащего на берегу Днепра Великого луга три тысячи десятин земли; и дать на владение оной план и указ. Князь Потемкин. Апреля 14 дня 1780 года». На это предложение последовал указ 1783 года, 4 мая, за подписью императрицы Екатерины II.

«По справке в азовской губернской канцелярии з делом оказалось, что прошлого 1780 июля 28 дня его светлость господин генерал-аншеф, трех губерний генерал-губернатор, всех российских и разных орденов кавалер, князь Григорий Александрович Потемкин

с присланым в сию канцелярию предложением повелеть изволил вам против отведенной в Новороссийской губернии под поселение подле Днепра ниже Хортицкого острова устья крутого яру и на речке Белинькой земли, отвести вам в Азовской губернии под поселение же... Вслед за этим, в 1784 году, 29 апреля, последовал другой указ. «Отмежовано формально вам земли, состоящей Екатеринославского уезда под деревнею Белинкою... включая при том и все значащиеся в том указе острова на Днепре против оной дачи находящиеся, первого части Канивцова, второй Крутоярский, третьей Просерд, четвертый Рибачей, пятый Пушкинкой, разрезанной водою на три части. Земли же явилось удобной 11 тысяч, неудобной 2 тысячи 934 дес. 2200 кв. саж., а всего 13934 дес. и 2200 кв. саж.». Соседями Каменского названы графиня Александра Васильевна Браницкая, владелица с. Выше-Тарасовки, и граф Кирилл Григорьевич Разумовский, владелец Кирилловки и Разумовки. Кроме этого, сыну Каменского, гвардии прaporщику, отведена дача на р. Солоной, подле имени генерал-майора Петерсона. Означенное имение оставалось у графа Каменского до 1802 года. В 1802 году, 16 января, он продал его, в количестве 13 тысяч, 934 десятин с саженями, сверх 5324 десятин с саженями так называемой пустопаши Богуша в Павлоградском уезде, тайному советнику новороссийскому гражданскому губернатору Михаилу Павловичу Миклашевскому за 25 тысяч рублей ассигнациями. В это же время, 1802 года, 12 мая то(т) же М. П. Миклашевский купил у графини Екатерины Васильевны Литто «в Новороссийском уезде при р. Днепре по течению ея с правой стороны село Любимовку, в коей считалось удобной 12 тысяч и неудобной 381 десятина, по смежности деревень Разумовой и Кирилловой, и земли, принадлежащие менонитам и колонистам, за все 20 тысяч рублей». Девятого сентября того же года М. П. Миклашевский купил села Разумово и Кириллово, 35 тысяч 275 десятин, за 20 тысяч рублей, у графа Кирилла Григорьевича Разумовского. Наконец, в 1803 году, 24 сентября, М. П. Миклашевский купил у графа Льва Кирилловича Разумовского село Камыши, Полтавской губернии, Гадячского повета «крестьян, мужеска пола 495 душ с их женами и обоего пола дет(ъ)ми, с пашеною и непашеною землею, с лесы, с сennыми покосы, с прочими угоды, с крестьянским строением, со всеми крестьянскими пожитками, со скотом, с усадебными местами

* Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 30.

за 49.500 р.^{*}. Большая часть купленных крестьян переведена была в с. Беленькое, где они и составили ядро населения.

Усадьба теперешнего владельца с. Беленького стоит у самого берега Днепра и с каждой весной подвергается большим опустошениям: разливающийся в весенне время Днепр постепенно отрезывает от неё землю и уносит за водой; уже пятьсот десятии земли оторвано Днепром и унесено вниз по течению. Там, где был сад и дом владельца, где стояла церковь, там теперь средина Днепра. Это разрушительное действие стихии заставляет владельца почти с каждым годом подвигаться всё далее к северу от Днепра.

Ниже села Беленького⁸ раскинулся в Днепре остров Великий⁹, кругом около трёх вёрст, покрытый прекрасным лесом; за Великим островом протянулся¹⁰ Пущинский остров, разделённый водой на три части: верхний – Хвостов, средний – Пущинский, нижний – Заломный^{**}. Здесь кончаются владения П. М. Мицкевичевского и начинаются владения А. П. Струкова. Пограничною линией служит балка Червонная, с правой стороны Днепра, имеющая до трёх вёрст длины, покрытая дубовым и грушевым лесом. Ниже балки Червонной, по правому берегу Днепра, начинаются, так называемые, заломы, – это нечто вроде обвалов, находящихся среди гор и покрытых лесом. Место очень грандиозное, очень живописное и очень удобное для тех, кто ждал бы скрыться в нём от кого-нибудь. Здесь есть такие расщелины, весьма искусно задрашиванные самой природой, в которые легко проваливается не только мелкий скот, но даже и крупный, коровы и лошади. «Лет девять тому назад, – рассказывал мне один старик с. Беленького, – ходила между заломами лошадь моего соседа; все видели, что она там ходила, но потом вдруг, неизвестно куда, пропала. Искали долго, но так и не нашли, сочли, что цыгане украли. Прошло года три; как-то мой хлопчик выгнал теля пасть на заломы. Ходили они, ходили, вдруг, один телёнок, неизвестно куда, исчез. Прибегает мальчик домой и плачет: «Стату, теля пропало». Побежал я искать. Ходил-ходил по заломам, нет. Потом как-то забрался в кусты, слышу что-то стонет. Туда, смотрю, между кустами какая-то расщелина. Заглядываю я в ту расщелину, а там от-

ромная пустота, вхожу в пустоту и вижу своего телёнка и тут же остав лошади, пропавшей три года тому назад. Много хлопот стоило потом вытащить бедного телёнка из этой пещеры». Кроме таких им, на заломах есть ещё одно замечательное место, носящее название Гульбища; это – высокий, но узкий отрог горы, идущий от севера к югу и отделённый с обеих сторон огромными обвалами, закрытыми лесом. На нём будто бы стоял когда-то большой каменный стол, а около стола – каменные лавки. Народное предание гласит, что это было самое облюбованное место у запорожцев. Сюда они собирались «гулять»; для этой цели будто бы они устроили в одном из обвалов, что с правой стороны Гульбища, винный погреб для склада в нём бочек водки, вина и мёда, запирающийся огромною железною дверью; а на самой вершине Гульбища поставили каменный стол с такими же лавками вокруг. Тут они пили, ели, прохаживались и с огромной высоты горного отрога любовались широким и далёким Днепром да густым непрояданным лесом излюбленного «батька-луго». Что запорожцы здесь действительно бывали, это видно из памятного креста, который некогда стоял на самом возвышенном месте заломов, а теперь неизвестно ком разбит и сброшен вниз, к берегу Днепра. «К.о.з.(а).къ т.и.т.а.р.о.в.с.к.о.г.о к.у.р.е.н.я».

Против заломов, у правого берега Днепра стоит маленький островок Насыпной, на две версты ниже балки Червонной, а ниже Насыпного стоит остров Обрезной, до полуверсты в окружности, покрытый лесом, образовавшийся всего лет тридцать тому назад «ложвой». За островом Обрезным следует остров Струков, отделённый от Днепра прорезом и насыпанный также всего лет тридцать тому назад. К западному концу острова Струкова примыкает длинная песчаная и обнажённая коса, идущая понад правым берегом Днепра до самой экономии господской. В конце косы, у правого берега реки, поднимается забора Тарасовская, а ниже её, среди сала, красуется усадьба владельца А. П. Струкова и за ней тянется село Вышетарасовка.

Своё название село получило от речки Тараса, начинающейся ниже господской купальни и потом идущей через сад владельца до соединения её с рекой Бугаем¹¹, под селом Голой-Грушевкой. Вёрст на семь в сторону от Вышетарасовки есть другая Тарасовка, в отличие от первой называемая Нижне-Тарасовка. Уроцище Тарасовское известно было запорожским казакам уже в половине XVII ве-

* Этими документами мы обязаны Михаилу Ильину Мицкевичевскому, обязательно предложившему нам их для рассмотрения.

** Что видно из указа Екатерины II, 1788 г., 20 января.

ка; в 1673 году приезжали из Чортомльцкой Сичи в Тарасовское урочище для выпаса лошадей, так как в самой Сичи в то время был большой недостаток в корме^{*}.

Началом теперешнего села Выше-Тарасовки послужил зимовник какого-то запорожского старшины Тараса, поселившегося здесь около 1740 года. После уничтожения Сичи владения Тараса и его наследников отошли в казну. В 1783 году, при разделе земель и потом утверждения их по именному Ея Императорскаго Величества указу, деревня Тарасовка досталась вместе с деревней Долгой, Новомосковского уезда, при р. Днепре, статс-даме графине Александре Васильевне Браницкой^{**}. В это время в Тарасовку пришло несколько поселенцев из Старой Малороссии, Польши и Молдавии. В 1795 году, 14 декабря, графиня Браницкая продала своё имение^{***} за 15 000 р. третьего чутуевского козачьего регулярного полка полковнику Дмитрию Егоровичу Леслию. В 1802 году, 7 ноября, генерал-майор Дмитрий Егорович Леслий продал село Выше-Тарасовку и деревню Долгую «по прежнему разграничению в Новомосковском, теперь в Павлоградском уезде», в количестве 21614 десятин удобной и неудобной, в обоих селениях, с 350 мужского и 297 женского пола людьми, за 35 000 р. госпоже коллежской советнице Ольге Константиновне Струковой^{****}. По смежности села Выше-Тарасовки и д. Долгой находились «земли господ помещиков графов Каменского и Рazuловского, кои ныне достались во владение по купчей крепости тайному советнику Миклашевскому, титуллярной советнице Настасье Андреевне Дмитриевой, подполковнику Клейна, поручику Панкратьеву, майору Станковичу, титуллярного советника Иваненка, полковнице Писемской и казенными обывателями селения Балки»^{*****}.

Против нижней половины села Выше-Тарасовки¹², стоит у левого берега Днепра, остров Тарасовский, имеющий в окружности около полуверсты и образовавшийся всего лишь лет тридцать тому назад. Против восточного конца этого острова насыпана песчаная

коса, а против вершины северного выходит из Днепра речка Ненажора, впадающая в реку Бугай. Ниже острова Тарасовского¹³ впадает в Днепр река Бугай. Бугай, начавшись у острова Томаковки или Городинца, под селом Чернышовкой, бежит сперва по степи, потом по плавням и пониже д. Яковлевой, иначе Мыса Доброй Надежды, впадает в Днепр.

Против¹⁴ реки Бугая, на правом берегу Днепра, стоит хутор Многопольный, имение наследников Клейна. Здесь, при устье балки, впадающей в Днепр, стоят три камогильных песчаниковых креста с надписями, из коих только на одном можно прочесть слова: «зле(сь) погребен раб божий Сергей козак нижнестеблевского куреня умре в 1751 году ноэбря».

За Бугаем следует остров Цикавин или Сикавин, существующий с давних пор, отлётенный от материка протоком Стариком и названный по имени какого-то запорожца Цикавого. Далее следуют: остров Крючек, названный по фамилии рыбаки Крючка, остров Насыпной, принадлежащий владельцу И. М. Яковлеву и потому иначе называемый Яковлевским, гряда Кислицына, с правой стороны, и остров Гийный – с левой. С востока и юга остров Гийный отделяется от материка рекою Рябком, которая далее на юг от реки Днепра переходит в речку Большую Перебонину, а у южного конца острова – в реку Днеприще. В длину остров Гийный имеет больше двух вёрст, в ширину – одну версту; он покрыт прекрасным лесом, и при малой воде образует из себя три острова, что даёт повод многим принимать один остров за три; на нём стоят две хаты для лесников. Если случится наводнение, что всего чаще бывает около 9 мая, тогда лесные сторожа перебираются со своим имуществом в ближайшее село Ивановское, Таврической губернии, Мелитопольского уезда, расположеннное в шести верстах от острова Гийного к югу. Там они живут недели две-три, пока спадёт вода, и потом снова возвращаются на остров. Составляя собственность казенных крестьян села Томаковки, остров Гийный называется на планах Днепра Томаковским, но этим именем у запорожцев назывался другой остров, находящийся на восемь вёрст в стороне от Гийного, под селом Чернышовкой. По рассказам старожилов, на остроне Гийном лет сорок тому назад жили два запорожца, Самарский и Половицкий. После падения Сичи, при размежевании запорожских земель, они хотели убить генерального межевщика, но были пойманы и наказаны: первому вырвали

* Акты ЮЗР. СПб., 1879. Т. 11. С. 350.

** Из купчей крепости за № 1056 по приходной и за № 121 по записной.

*** Число десятин земли не показано.

**** Из купчей по крепостной книге, за № 174. Этими сведениями мы обязаны Ананию Петровичу Струкову, владельцу с. Выше-Тарасовки.

ли ноздри, второго публично высекли и сослали в Сибирь на каторжные работы. Выбыв срок в Сибири, они возвратились на родину, поселились на острове Гийном и жили здесь до 40-х годов текущего столетия. После смерти погребены на запорожском кладбище, в селе Голой-Грушевке.

Ниже острова Гийного следуют: небольшой остров Шелковой, иначе Обрезной или Спорный* и ещё меньше Шёлкового остров Вырвач**, против села Голой-Грушевки¹⁵, и за ним¹⁶ два острова Круглик и Варавин. Остров Круглик с севера отделяется р. Темрюком, с востока р. Конкой, с юга р. Рябком, а с запада р. Днепром. Увеличиваясь с каждой весной в длину и уменьшаясь в ширину, он в настоящее время сделался скорее похожим на полуостров, чем на остров. вся длина его — до двух вёрст. Остров Варавин с востока охватывается рекой Рябком, с запада рекой Конкой, с севера рекой Днепром. Варавин, как и Гийный остров, затапливается только в большое половодье; он также покрыт большим лесом и также принадлежит крестьянам села Томаковки, которые имеют на нём свою лесную сторожку.

Тотчас ниже острова Варавина впадает в Днепр река Конка или Конские-Воды, известная у татар под именем «Иилкы-су», что значит «кофылья вода». Конка берёт своё начало в Екатеринославской губернии, Александровского уезда; она вытекает Сухой-Конкой, на десять вёрст выше села Конских-Раздор, и Токмачкой, на пятнадцать вёрст выше села Семёновки; потом идёт по направлению к Днепру на протяжении 180 вёрст и впервые впадает в Днепр на восемь вёрст ниже села Ивановского, между западной оконечностью острова Варавина и восточной урочища Палиивщины.

Против устья р. Конки надо искать Великого острова, о котором упоминает ещё Боплан. Мы, кажется, не ошибёмся, если скажем, что этим именем у Боплана назывались три теперешние острова — Гийный, Круглик и Варавин, некогда составлявшие один сплошной большой остров. По крайней мере в этом нас убеждает самое расположение острова, представленное у Боплана. «Великий остров, длиною около двух миль, впрочем, мало замечательный, потому что ровная его поверхность потопляется весенним половодием, за ис-

ключением одной средины острова, которая имеет около 1500 до 2000 шагов в поперечнике. Против него с татарской стороны впадают в Днепр Конские-Воды, река быстрая, которая, прорыв для себя постель по татарскому берегу, вдоль Днепра, то удаляется от него, то сливается с ним, и, наконец, совершенно соединяется в двух милях от Тавана. Ложе её отделено от Днепровского песчаными отмелями*.

Река Конка — один из полноводнейших, богатейших и живописнейших притоков Днепра; особенно это можно сказать о нижней половине её, которой она приближается к Днепру и потом впадает в него. Здесь Конка настолько глубока, что по ней совершенно свободно могут ходить пароходы; здесь же она покрыта таким прекрасным лесом и травой, что местами её берега делаются совершенно непроходимы; тут же в ней ловится такое множество раков, как ни в каком другом притоке Днепра: в какой-нибудь час и даже меньше того, два человека вытаскивают их целыми мешками; тут их хоть лопатой греби. В тихую лунную ночь Конка представляется пристине красавицей-рекой. Она течёт по такому извилистому руслу, что местами кажется не рекой, а глухим закрытым озером: плывёшь-плывёшь по ней и вдруг кажется, как будто дальше плыть некуда; но сделайте два-три взмаха вёслами, перед вами длинная-предлинная панорама, да какая панорама! Чистейшая, точно зеркало, вода, зелёный, точно изумруд, лес и прозрачное чистое небо, какое можно видеть только в одной Италии. Царственная тишина нарушается только криками пугачей: «Пу-у-гу!» — закричит один. «Пу-у-гу!» — ответит ему другой. И как живо один этот крик переносит нас ко временам минувших дней запорожского казачества.. А попробуйте крикнуть среди этой ночной тишины какое-нибудь слово, и вам ответят на одно ваше слово семь: «ха-ха!» — «Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!..» — разольётся эхо вниз по реке, и чем дальше, тем всё меньше и меньше, тем всё тише и тише, но тем всё мягче и мягче, тем всё нежнее и нежнее.

Ниже устья реки Конки начинается урочище Палиивщина; здесь кончается Великий Луг; тут природа как бы делает последнее усилие: лес, которым закрыто устье Конки, и без того высокий,

* Из-за него спорили владельцы Шелковая и Синельникова.

** Оторван от правого берега в 1877 году.

* Боплан Г. Л. Описание Украины, СПб., 1832. С. 25.

здесь достигает ещё большей высоты, а за ним уже, по левому берегу, начинаются песчаные и высокие кучугуры. Зато правый берег начинает постепенно одеваться и, наконец, переходит в живописную плавню. Против урочища Паливчицы, у левого берега Днепра, выделяется забора Палинская, оканчивающаяся у самого берега камнем Палия, на котором выбиты подобия двух ступней человека. «Тут Семен Палий лежав та стріляв качок, так от-то від нього і сліди на скелі. А жив він у цьому самому лісі, від того і ліс прозвався Паливчиною». Как раз против конца Паливчицы, у правого берега Днепра, называется остров Тимчихин, или Бабычев, названный по имени владелицы и образовавшийся всего лет восемьдесят тому назад. Против этого острова, на север от Днепра, стоит село Голая Грушевка.

Уже в начале XVII века здесь ютилось несколько зимовников запорожских, где сидели старые дяды по садам и пасикам, собирая плоды, мёд и воск для своих личных нужд и для потребностей церковных. «Тут таких груш було, таких було, что одна груша наголо». От этого урочище и Голо-Грушевко прозвалось. «Запорожцы, - по выражению одной рукописи, - часто грели здесь животы свои, в полную душевную усладу; польские комиссары, в период литовско-польского владычества в этом краю, имели здесь свою мастерность; в начале 1776 года за Грушевку происходил домашний, жаркий спор между князьями Вяземским и Прозоровским и графами Чернышевым и Толстым, только участием Петёмкина решённый в пользу последнего. Получив таким образом в ранговую дачу урочище Грушевку с значительным количеством удобной земли, генерал-майор Фёдор Матвеевич Толстой поручил доверенному своему, полковому есаулу Степану Фёдоровичу Бабичену, осадить здесь слободу»*.

Так возникла помещичья слобода Голо-Грушевка с основанной в ней в 1785 году церковью во имя Архангела Михаила, по преданию на месте запорожского молитвенного дома. От этого молитвенного дома долго сохранялся потом весьма оригинальный иконостас, сделанный из холста с расписанными по нём изображениями разных святых; холст этот при помощи железных колец, приделан-



Ч. I. Рис. 1

* Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской спиркии. Екатеринослав, 1880. Т. I. С. 104.

Ангел из церкви с Грушевки, рис. И.Е. Репина.

ных к нему сверху, надевался на гвозди, вбитые в стены церкви близ алтаря и, отделяя, таким образом, среднюю часть храма от передней, заменял собою иконостас. К крайнему сожалению, этот иконостас лет шесть тому назад сожжён, за ветхостью, священником Носаковым. Из вещей, оставшихся в церкви после запорожцев, остался лишь один небольшой образок ангела, серебряный позлащённый, находящийся в передней части храма, с левой стороны. Ангел висит на металлических цепочках перед иконой Распятия Спасителя; сверху к нему приделаны руки с трубочкой в каждой для свечей, а снизу привешано небольшое металлическое сердце, на коем с лицевой стороны сделана надпись: «Сей привес отменил козак: бывшаго (бывшего) Запорожа Поташ Белый в слободу Голую Грушовку да ис товарищом же своим Ниваном (Иваном) Загубиколесом»; с обратной стороны вырезаны слова: «До храму святаго вел(и)каго архиепископита Михаила 1788 года месяца августа 13 дня». Близ церкви, на так называемом Роге Калины, осталось запорожское кладбище, на котором уцелело только три каменных креста, из коих под одним покончился прах двух братьев Дамиана и Василия Карасирова, под другим прах Григория Карасира и Корнея Ломаки, людей не запорожского звания, и под третьим прах двух неизвестных запорожцев: «10 декабря дня погребени оба вкупе поповичевского курия Н С К...». У Калины-рога сохранились от запорожцев же остатки укрепления. Это укрепление представляет из себя неправильный редут, упирающийся в реку Бугай и оканчивающийся у реки Речица; в нём считают до ста десятин земли, а длину всего вала по прямому направлению определяют в десять верст. Въезд в крепость сделан с северной стороны. Верстах в четырёх от этого укрепления, по направлению к западу, есть ещё одно замечательное место, носящее название Сиркивки, от времени запорожских козаков. Оно расположено у реки Речица, за экономическим кладбищем владельца Голо-Грушевки, А. П. Шипкина, и заключает в себе до сорока десятин земли. В весеннее время это урочище надолго затоняет водой, почему всегда остаётся свободным от посева и служит постоянным местом для пасибы ещё с прадедовских времён¹⁷.

Против села Голо-Грушевка следуют в Днепре заборы Подовская и Чернышовка, обе с правой стороны, острова Подовские, числом два, против которых в Днепр вторично впадает р. Конка, затем идёт остров Красный, отделённый от правого берега Большим Днеп-

прищем и находящийся против села Водяного, расположенного по правому берегу Днепра¹⁸; ниже Красного острова выделяется коса Просеред, за ней следует речка Малое Днеприще, остров¹⁹ Чернышовский и река Конка, выходящая из Днепра. Ниже реки Конки²⁰ стоит остров Нечаев, у правого берега Днепра, против села Нечаева²¹; за островом Нечаевым начинается Новопавловский лиман, впадающий в Днепр с правой стороны, имеющий ширину до трёх вёрст, в летнее время довольно мелкий, в весенне время довольно глубокий и совершенно удобный для пароходства. У верховьев этого лимана стоит село Чернышовка, или Красногригорьевка, Екатеринославского уезда, и возле села остров Томаковка, иначе Городище²², где была, как полагали малороссийские историки, Запорожская Сичь, Томаковская, стоявшая, по указанию документов 1787 года, при рр. Томаковке, Сервине, Ревуне и Речице.

Но существовала ли в самом деле Томаковская Сичь? На этот вопрос утвердительно ответил Н. И. Костомаров²³. Он говорит, что Томаковская Сичь возникла в 1568 году²⁴. Но на чём он основывает своё утверждение? На таком историческом документе, который решительно ничего не говорит о Томаковской Сичи. Вот этот документ буква в букву: «Подданым нашим козаком тым, которые з замков и мест наших Украиных, без росказани и ведомости на тое господарское и старост наших Украиных, зъехавши, на низу на Днепре, в полю и на иных входах перемешкиают: маєм тою ведомость, ик вы ия местцах поменсенных, у входах разных свовольно живучи, подданным цара турецкого, чабаном и татаром цара Переяцкого, на улусы и кочовища их находючи, великие шкоды и лупезства имчините, а тым границы панств наших от неприятеля в небезпечество приводите»²⁵. Какое-же здесь указание на Томаковскую Сичь? В актах говорится только о том, что запорожские козаки «перемешкивают» на Днепре, на низу и на полях; но Днепр велик, а низ и поле еще больше того; на Днепре, кроме Томаковского

острова, есть еще множество других островов. Таким образом акт, приведенный Н. И. Костомаровым, ничего не говорит нам о Томаковской Сичи, и год её основания остается совершенно неизвестным. О самом острове Томаковке впервые упоминает, не называя, впрочем, его по имени, Эрих Ласота. «Мы миновали три речки, именуемые Томаковками, которые текут в Днепр с русской стороны и впадают в него в том месте, где находится значительный остров №». Упоминает об острове Томаковке и Боплан. «Остров Томаковка, — говорит он, — высокий и почти круглый, имеет вид полуцикла, поперечник его не более 1/3 мили, весь покрыт лесом; с вершины его можно видеть Днепр от самой Хортицы до Тавани²⁶. Я мог получить сведение²⁷ об одних берегах сего прекрасного острова, который лежит ближе к русскому, нежели к татарскому берегу»²⁸. Так же глухо говорит о Томаковской Сичи и польский писатель Мартин Бельский. Есть и третий такой (остров на Днепре), который называется Томаковка, на котором большую частью низовые козаки мешикают²⁹, так как это было для них самое лучшее укрепление. Против него (острова) впадают в Днепр две реки: Тысмен и Фесын, которые вытекают из Черного леса³⁰. Более определенно о Томаковской Сичи говорит только князь Мышецкий. «Река Томаковка расстоянием от Грушевки 10 вёрст. На оной Томаковке в древние годы имелась Запорожская Сечь, где и ныне тута знатное городище»³¹. Из Бантыш-Каменского о Томаковке известно, что одно время на этом острове помещено было несколько сот стрельцов с полковником Елчаниновым. Дело было в 1697 году, во время войны русских с татарами и турками. Оставаясь в продолжение некоторого времени на острове, козаки и стрельцы должны были затем идти отсюда в Тавань на помощь к осажденным там русским³². Из Костомарова о Томаковке мы узнаем, что на этот остров бежал из тюрьмы села Бужина Богдан Хмельницкий с сыном Тимофеем, и что здесь произошло свидание Богдана Хмельницкого, гетмана малороссийских

¹⁸ Чернышовка удалена от берега Днепра на 8 вёрст к северу.

¹⁹ В документах 1787 года это село называется Анненским-Нечаевым при р. Червоной, Речице и Ямах.

²⁰ Костомаров Н. И. Южная Русь и козачество // Отечественные записки. 1870. Т. 188. С. 1, 39.

²¹ Аргин ЮЗР. К., 1863. Ч. 3. Т. 1. С. 4. Акт помечен 1568 годом, 20 ноября.

²² Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 52, 83.

²³ Решительная неправда.

²⁴ Боплан Г. Л. Отписание Украины. СПб., 1832. С. 25.

²⁵ Kronika Polska Mar. Bielskiego. W. Warszawie, 1832. С. 193.

²⁶ Мышецкий С. И. История о козаках запорожских. Одесса, 1852. С. 69.

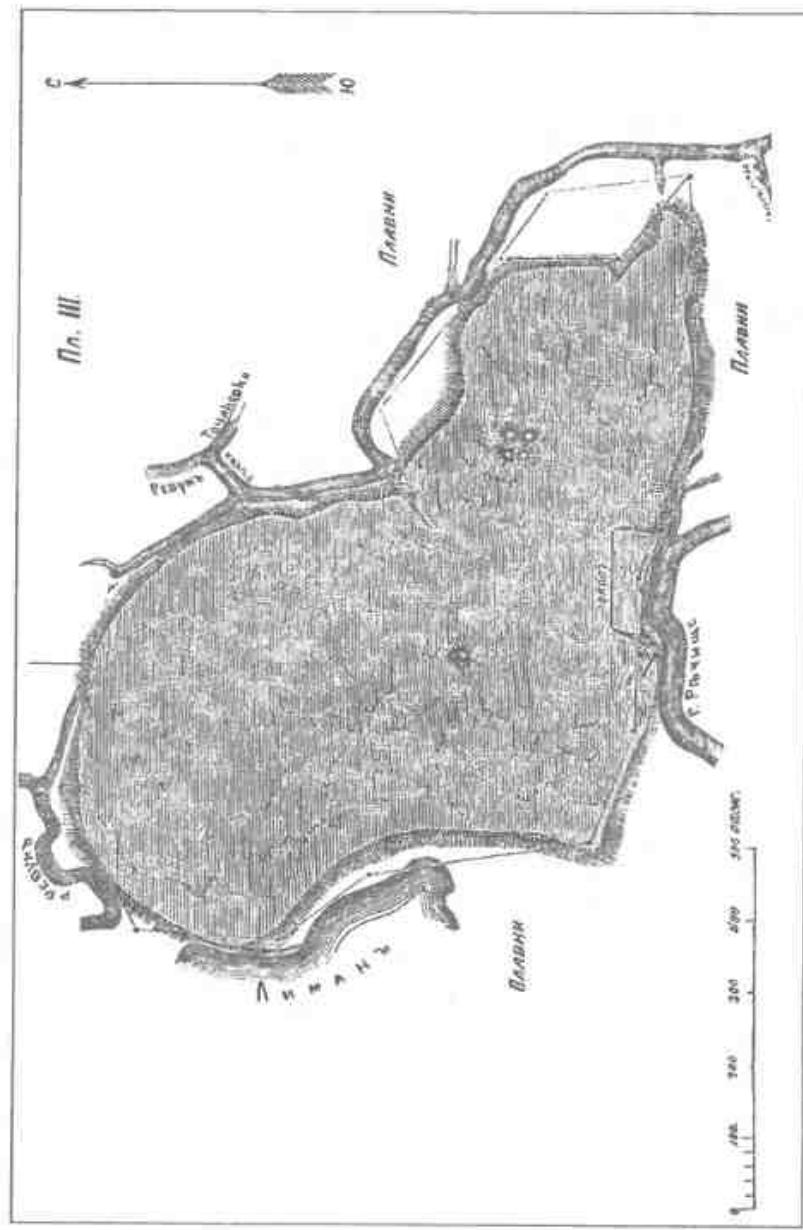
²⁷ Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1842. С. 25.

козаков, с Иваном Хмелецким, послом коронного гетмана Польши Потоцкого; посол убеждал гетмана не поднимать войны против поляков, оставить все свои мятежные замыслы и возвратиться из Сечи на родину: «Уверяю вас честным словом, - говорил Хмелецкий Хмельницкому, - что и волос не спадёт с вашей головы»*. Впрочем, что касается самых козаков, бывших на острове Томаковке, то они приняли Хмельницкого далеко не так дружелюбно, как можно было бы ожидать. Это зависело от следующих обстоятельств: «Несколько лет ранее бегства Хмельницкого на Запорожье, на Украине атаманом Фёдором Линчаем был поднят довольно серьёзный бунт против Барабаша и других старшин реестрового войска, как против сторонников польских панов и грабителей своих соотечественников. Несколько сот козаков под начальством Фёдора Линчая подняли мятеж и требовали его (Барабаша) свержения с начальства. Приятель полковника Барабаша, Богдан Хмельницкий, как реестровый сотник, по долгу службы, очевидно, должен был принять участие в потушении мятежа. Реестровые воссторжествовали, а Фёдор Линчай со своими сторонниками, которые получили прозвание «линчайцы», принужден был спасаться бегством на Запорожье, где он и поселился на острове Буцке (Томаковке). Теперь, когда линчайцы увидели на своём острове Хмельницкого, их прежнего противника, то хотя по долгу козацкого гостеприимства и дали ему убежище, однако относились к нему с подозрением... Это недоверие заставило Хмельницкого удалиться с острова Буцка²⁶ на Никитин Рог»**.

Городище, остров Буцкий, остров Днепровский, Томаковка – всё это разные названия для одного и того же острова. По-татарски Томаковка звучит «тумак», что значит шапка; и точно, остров Томаковка кажется действительно похожим на шапку. В старину, по рассказам старожилов, он был покрыт огромным лесом, особенно по окраинам, а на самой средине его «гойдався высокий-превысокий луб». Под тем дубом будто бы закопана была большая казна. В то время речки, что обтекают остров, были и глубже и быстрее; теперь они позанесены илом да позамулены. В настоящее же время у местных жителей он иначе и не называется как Городище. Местоположение острова таково: с юга остров охватывается речкою Речицем,

* Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1884. Т. I. С. 251, 256.

** Буцинский П. Н. О Богдане Хмельницком. Харьков, 1882. С. 38.



План Томаковской Сечи.

которая взялась из правого притока Днепра Бугая, под селом Голой Грушевкой, и течёт на протяжении десяти вёрст.

С правым берегом Речица соприкасается казённая плавня, с левым – плавня крестьян Чернышовки. Если провести прямую линию от острова к Днепру, иначе, от севера к югу, то эта линия определится не менее семью верстами. Плавня, покрытая густою травой – «кукотиной», толстыми вербами, осокорями, шелковицей, лозой, в весеннее время сплошь покрывается водой, представляя из себя как бы продолжение правого берега Днепра. Там, где остров охватывается Речицем, берег его отвесный, обрывистый и голый; состоит из красной глины и ежегодно обваливается в воду, здесь наибольшая высота острова – семь сажен. Речище касается острова частью с юго-запада и частью с юга; с востока же к острову подходит уже другая речка, Ревунча, шириной до четырёх сажен. Ревунча начинается также у южного берега острова, несколько ниже оконечности восточного рва крепости, находящейся на острове и, сделавши полуборот, поднимается вверх по направлению к северу. Здесь берег острова постепенно понижается и переходит совсем в отлогий, покрытый справа степной травой, слева кукотиной. Ещё восточнее берег острова совсем понижается и вместе с этим окаймляется целой аллеей диких груш. Пройдя с версту над островом, Ревунча отдаляется от него и идёт вправо, почему между речкой и островом образуется плавня, владение крестьян с. Чернышовки. Здесь же, среди плавни, образуется небольшое озеро Соломчино. Сделавши вновь поворот к острову, Ревунча впадает в речку Ревун, которая выделяется из речки Речица и охватывает остров с востока, изливаясь в направлении от юга к северу. Против самой средины острова, с той же восточной стороны, Ревун разделяется на два рукава: главная ветвь, с тем же именем Ревуна, идёт далее на север, над самым островом, другая направляется вправо плавнями и принимает здесь новое название Быстрика, или Ревунца; этот Быстрик, или Ревунец принимает в себя реку Томаковку, которая, взявшись далеко севернее острова, в степи, пробегает через владения крестьян с. Томаковки, помещицы Миклашевской, помещиков Курносова, Бендюкова, крестьян с. Николаевки, помещицы Тимчихиной, владельца-еврея Кравцова и, наконец, под Матней, выселком с. Чернышовки, расположенным против северной окраины острова, впадает в Быстрик, у самого двора крестьянина Ивана Николаевича Пиленичного. Весь восточный бе-

берег острова отлог, совершенно обнажён и только в самом конце, к северо-востоку, покрыт редко растущими группами; почти на самой средине восточный берег имеет небольшой загиб наподобие небольшого вырезка. Почва здесь чернозёмная, кроме северо-восточной окраины острова, где обнаруживаются известковые камни. Тут же у северо-восточного угла, против выселка Матни, главная ветвь Ревуна вновь соединяется с Быстриком, который отделился было от Ревуна и пошёл навстречу Томаковки, и отсюда обе речки идут вместе, охватывая остров с севера.

Весь северный берег отлог, покрыт травой и по местам окаймлён группами. Западная сторона острова охватывается тем же Ревуном, который, соединяясь здесь с Речицем, почти против половины острова, идёт сперва в Гнилую и отсюда уже прямо в Лиман, изливающий свои воды в Днепр, на протяжении семи вёрст, у села Новопавловки, против Лысой горы. Западный берег, как и северный, отлог, покрыт травой, группами, вербой; по местам здесь торчат пни от росших некогда тополей, терновников и вишняков. Юго-западная часть острова представляет из себя богатые залежи известняка, разрабатываемого здесь местными крестьянами. Вся поверхность острова представляется совершенно голой, даже пустынной; только окраины его, да и то далеко не все, окаймлены редкой канвой диких грушевых деревьев. В окружности весь остров имеет шесть вёрст, а вся площадь его равняется 350 десятинам. Следы пребывания запорожских козаков на острове Городище сохранились и по настоящее время, в виде небольшого укрепления, расположенного у южной окраины его, самого примитивного устройства, в виде правильного редута. Редут этот состоит собственно из трёх траншей: траншеи боковой — восточной, траншеи поперечной — северной и траншееи боковой — западной, вместо поперечной южной траншееи служит берег самого острова. Восточная боковая траншея имеет длины 49 сажен, на юге она оканчивается глубоким обрывом, длиною в 9 сажен, который образовался из той же канавы, размытой водою. На всём протяжении восточной боковой траншееи протянулись грушевые деревья. Западная боковая траншея имеет длины 25 сажен и также оканчивается у южной окраины острова глубоким оврагом, который начинается собственно уже на четвёртой сажени траншееи, по направлению от севера к югу. Северная поперечная траншея имеет 95 сажен со входом на сорок шестой сажне, считая

по направлению от востока к западу. Длина входа — три сажени; в настоящее время в нём растут две роскошные группы, которые служат препятствием для въезда в крепость; такие же группы, но в виде правильной аллеи, протянулись и по северной поперечной траншее. Наибольшая высота каждой из траншееи — три с половиной сажени. Центр крепости взволнован небольшими холмиками да ямами; последние сделаны кладоискателями. Кроме того, в северо-восточном углу крепости есть ещё пять небольших могил, под которыми похоронены мать, брат и трое детей крестьянина Ф. С. Заброды, жившего на острове в качестве сторожа казённых плавен более 25-ти лет. Близ крепости находят запорожские рыболовные крючки, железные гвозди, разную посуду, металлическую и черепковую, мелкие серебряные монеты, пули, чугунные и оловянные.

От запорожского укрепления надо отличать тот небольшой квадрат, который находится в юго-западной окраине острова и который сделан сторожем Забродою; это был шитомник для разведения молодых деревьев; из него же отделялся и ток для стогов сена.

Кроме укрепления, от запорожцев на Городище сохранилось ещё кладбище, находящееся близ восточной окраины острова, за большим курганом, стоящим почти в центре Городища. Ещё не так давно, в 1872 г., один из местных любителей старины протоиерей Кареллин, видел на острове Городище кладбище с надгробными песчаниковыми крестами, на которых сделаны были надписи, гласившие о том, что под крестами покоятся умершие запорожцы*. Кладбище это существует и теперь, но только на нём не уцелело ни одного креста: все они разобраны крестьянами для собственных построек.

На южной оконечности острова, почти против самой средины его, указывают ещё на лёх, т. е. погреб, выкопанный будто бы также запорожцами. По словам рассказчиков, лёх имел более трёх сажен длины и выходил к самому Речицу. В настоящее время он находится в средине обвала, занимающего целую квадратную десятину земли и образовавшегося от действия весенних вод, которые, просасываясь в глубину земли, делали в ней рвы и обваливали её. Пролезть в этот лёх нет никакой возможности за множеством змей, которые здесь

* Кареллин И. Старинные пушки // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. 8. С. 448.

водягся. Особено много их здесь весной: одни висят над пещерой, другие выглядывают с боков, а третыи ползают по дну её. «Тут ще погані, так і не пройдеш», - рассказывает старик Фёдор Заброда, - з галюкою і йсн, з галюкою і спині. Оде леже чабанець, чи там другий хто, спати на острові, а вона, стервяка, уже й підбравася під нього: звернетя у клубок, підлізе під чоловіка та й спить; самій, бач, проклятий, холодно; у старовину так вони кицма кишили на острові. Як настане було пора косити траву, то сперш усього косарі беруться за кілля та вибивають гадюк, а потім уже косять».

По преданию, на южной части острова Томаковки стояла у запорожцев деревянная церковь, неизвестно когда построенная и неизвестно когда снесённая водой в реку Речище.

В заключение очерка о Томаковской Сечи нельзя не сказать о тех неточностях, которые допущены при описании её [господино]м Булинским в его сочинении «О Богдане Хмельницком»*. Описывая остров Томаковку, автор говорит, во-первых, что остров находится выше Микитина Рога (иначе Никополя) на 25 вёрст; - это неверно; не на 25 вёрст, а на 18. Далее автор говорит, что Томаковка - самый замечательный из всех днепровских островов по своей величине и недоступности; - и это неверно. Самый замечательный из всех днепровских островов по своей величине и недоступности есть остров Хортицкий: он имеет 24 ½ версты в окружности, а вся площадь его равняется 2547 десятинам и 325 саженям, тогда как Томаковка в окружности имеет шесть вёрст, а вся площадь её равняется трёмстам пятидесяти десятинам земли. Кроме того, и самые берега острова Томаковки менее возвышены, нежели берега острова Хортицы; Томаковка доступна со всех сторон, кроме южной, где высота её по местам восходит до 30 саж. и даже более. Затем, автор «О Богдане Хмельницком» говорит, что Томаковка расположена в том месте Днепра, где он несколькими (?) протоками, соединяется с рекою Базавлуком, - это уже сущая нелепица: река Базавлук находится более, чем на 50 вёрст ниже Томаковки; она впадает в Днепр у д. Кута, выселка с. Грушевки, Херсонского уезда, и служит здесь раздельною линией между Екатеринославским и Херсонским уездами. О Базавлуке при Томаковке не может быть и речи; здесь сливаются, как мы

видели, другие речки: с юга - Речище, с востока - Ревун и Ревунча, с северо-востока - Ревунец, или Быстрик, с севера - вновь Ревун, с запада - Гнилая и, наконец, Лиман, начинающийся ниже с. Чернышовки, идущий понад д. Нечасевкой, имеющий семь вёрст длины и впадающий в Днепр с правой стороны, под с. Ново-Павловкой, у Лысой горы. Кроме того, к острову Томаковке, прямо с севера, бежит речка Томаковка, которая, соединяясь с Ревуном, даёт свое название и самому острову. Далее, автор говорит, что возле о. Томаковки есть несколько мелких островов; - и это неверно: кроме самой Томаковки, здесь нет никаких островов; есть лишь сплошная, от острова до самого Днепра, плавня, имеющая ширину до 7 вёрст и покрытая непролазной лозой, высоким камышом, толстыми вербами, осокорями и пшеворицей. Заключая своё описание острова Томаковки, автор сочинения «О Богдане Хмельницком», наконец, замечает: «О величине этого острова можно себе составить понятие по донесению одного польского начальника от 2 апреля 1648 года: «Хмельницкий сидит на острове Будке, называемом Днепровским, от берега, на котором мы стоим, две мили, а с той стороны, от Крыму, едва можно достать выстрелом из доброй пушки»*. Здесь автор «О Богдане Хмельницком» совсем не понял замечания поляка; приведенные слова говорят не о величине острова, а о том, что он от правого берега Днепра, на котором расположились поляки («на котором мы стоим»), стоит на две мили, а от левого («от Крыму») так далеко, что едва можно достать его из доброй пушки. Вот что хотел сказать поляк. И точно, остров Томаковка стоит не среди самого Днепра, а в его низменности, удалённой от правого берега реки на восемь вёрст вправо.

* Булинский П. Н. О Богдане Хмельницком. Харьков, 1882. С. 38.

* Слова эти взяты из письма пана Потоцкого к королю Владиславу IV, напечатанного в «Памятниках Киевской комиссии для разбора древних актов». К., 1846. Т. I. Отд. III. С. 18.

ЗМІСТ

Перша монографія Д.Яворницького 3
С.Абросимова, Н.Василенко

Д.И Эварницкий

Запорожье в остатках старины и преданиях народа.

Часть I.

Глава первая.....	26
Глава вторая.....	72
Глава третья.....	102
Глава четвертая.....	119
Глава пятая.....	140
Глава шестая.....	164
Глава седьмая.....	185
Глава восьмая.....	230
Глава девятая.....	242

Науково-популярне видання

Дмитро Іванович Яворницький

**ЗАПОРОЖЖЯ
В ЗАЛИШКАХ СТАРОВИНИ
І ПЕРЕКАЗАХ НАРОДУ**

Видання третє, виправлене і доповнене

Частина I

Підготовка тексту і науково-довідкового апарату

С. В. Абросимова, Н. Є. Василенко

Технічний редактор В. А. Усенко

Верстка та художнє оформлення Ю. М. Маліenko

Коректор Л. В. Куценко

Підписано до друку 05.10.2005. Формат 60×84 ½₁₆.

Папір офсетний. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 18,13+0,46 вкл. Ум. фарбовідб. 20,64.

Обл.-вид. арк. 19,0+0,52 вкл.

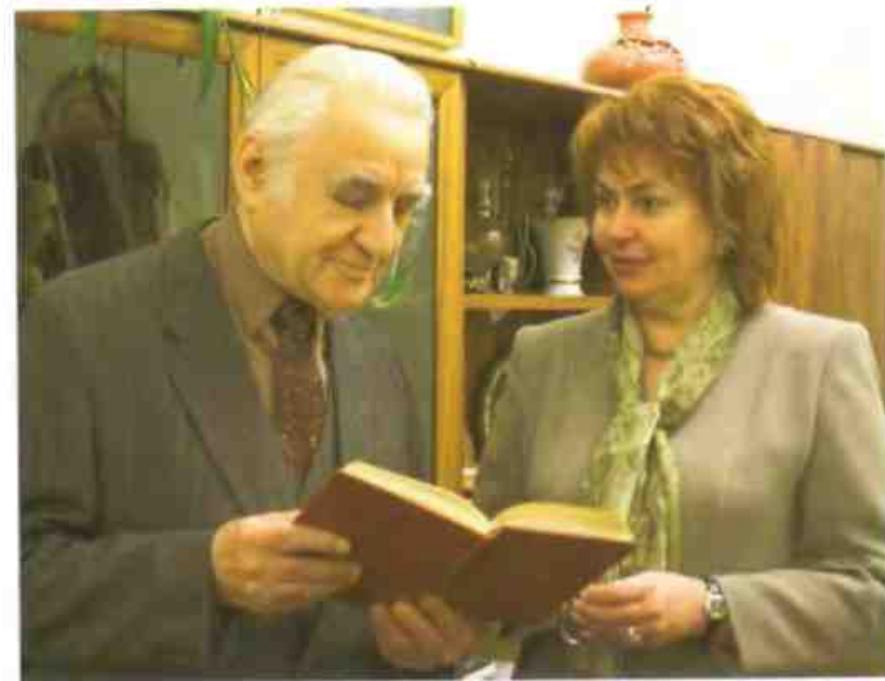
Тираж 1000 прим. Замовлення № 3896/1.

Видавництво ТОВ «Виробничо-комерційна фірма «АРТ-ПРЕС»
49050, м. Дніпропетровськ, вул. Козакова, 3
Свідоцтво ДК № 2299 від 29.09.2005 р.

Друкарня ТОВ «Виробничо-комерційна фірма «АРТ-ПРЕС»
49050, м. Дніпропетровськ, вул. Козакова, 3
Тел./факс (056) 370-20-27

ISBN 966-348-040-8

ISBN 966-348-041-6 (загальний)



Професор О. К. Фоменко та директор Дніпропетровського історичного музею Н. І. Капустіна з книгою, яка належала Д. І. Яворницькому.

«Коли Д. І. Яворницький намагався видати свою книгу «Запорожжя в залішках старовини і переказах народу», йому не вистачало коштів. Але знайшлися люди, які підтримали вченого, і це дало можливість видати двотомник у 1888 році. Історія повторилася. Декілька років Дніпропетровський історичний музей ім. Яворницького намагався перевидати роботу вченого з його правками, але знову бракувало коштів. І знову знайшлися меценати, люди, що не байдужі до нашої історії, культури, які взяли на себе видання цієї книги. Це голова товариства «Дніпропетровський завод точно-го літва» Андрій Іванович Яловий та директор Управляючої компанії науково-виробничої групи «Дніпротехсервіс» Олексій Михайлович Зінов'єв. Низький уклін і велика подяка їм».

Н. І. Капустіна



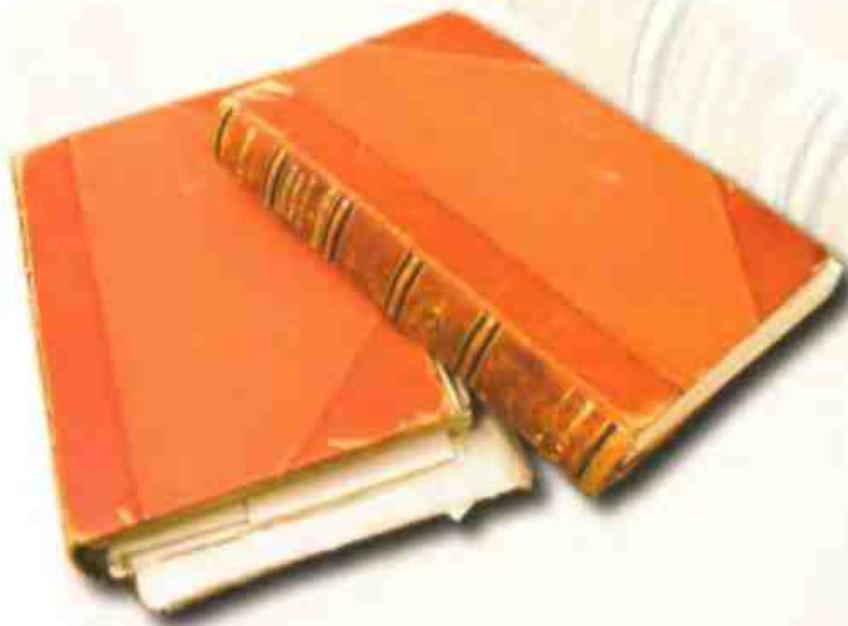
«Всячий тим, хто живе Україною».

А. Яловий

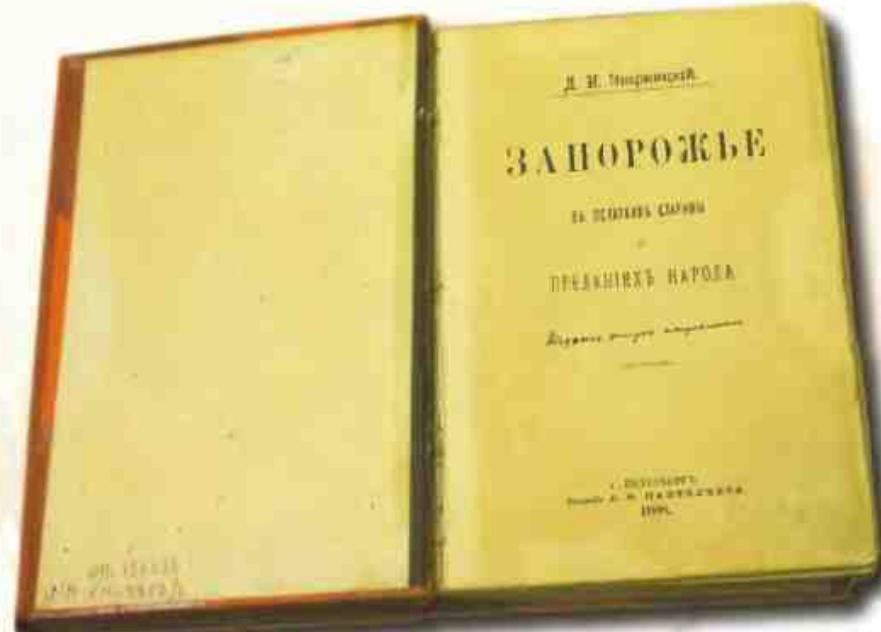


«Жизнь прекрасна и удивительна!»

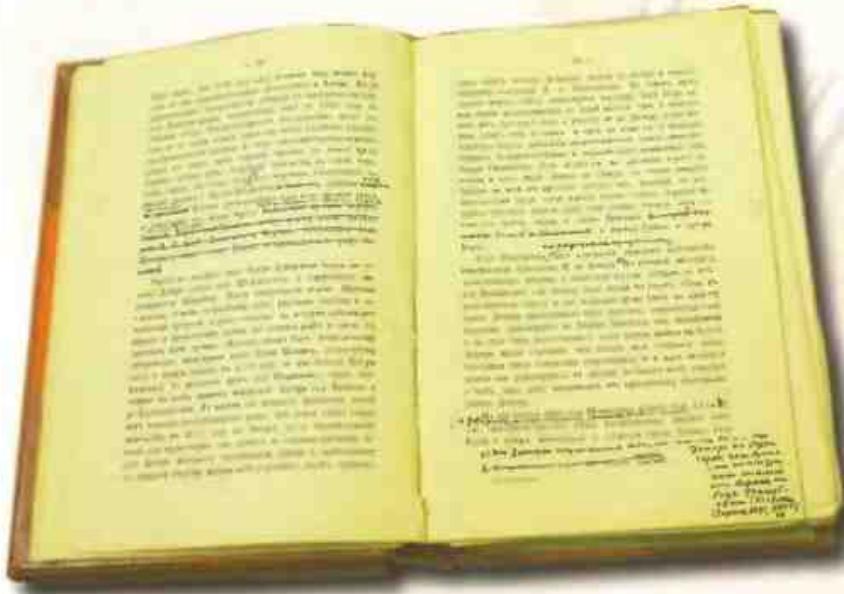
О. Зінов'єв



Книга Д. І. Яворницького «Запорожжя в залишках старовини
і переказах народу» 1888 року видання



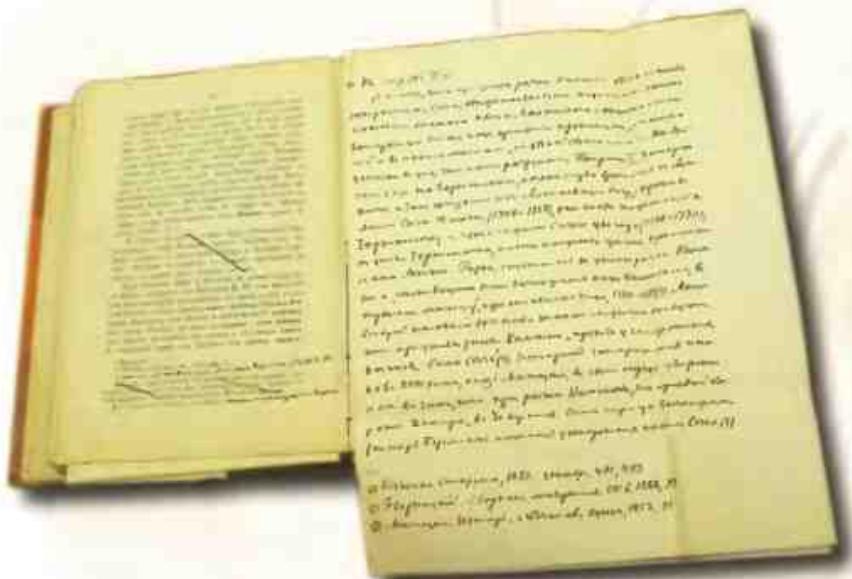
Титульна сторінка видання книги 1888 р.



Рукописні правки Д. І. Яворницького на сторінках книги



Аркуш з авторськими рукописними правками і додатками до тексту книги Д. І. Яворницького



Авторський додаток до тексту книги Д. І. Яворницького

Наслідуючи традиції українського книговидавництва, 10 примірників виготовлені в подарунковому вигляді. Ми намагаємся відтворити саме той варіант, який для себе наприкінці XIX ст. замовив Д. І. Яворницький. Палітурки подарункових примірників виготовлені майстрами художніх виробів із шкіри Захарцем Іваном Івановичем та Бургарам Анатолієм Миколайовичем.